Мэри Нортон
Добывайки
Добывайки в поле

Мэри Нортон

ДОБЫВАЙКИ

Добывайки

Добывайки в поле

МОСКВА
· ДОМ ·
1992

ББК 84.4Вл
Н82

Перевод с английского *Г. А. Островской*
Иллюстрации *А. В. Бенедского*

Литературно-художественное **издание**
Для младшего возраста

Мэри Нортон
ДОБЫВАЙКИ
ДОБЫВАЙКИ В ПОЛЕ
Сказочные повести

Редактор *Н.В. Крылова*
Художественный редактор *В.А. Галкин*
Технический редактор *И.С. Круглова*
Корректор *И.В. Ермакова*
Оператор *Г.В. Балашова*

Подписано в печать 9.07.92. Формат 60×84/16. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,60. Уел. кр.-отт. 74,40. Уч.-изд. л. 27,04. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1426.

Издательство «Дом» Российского детского фонда.
101963 Москва, Армянский пер., 11/2а.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Нортон М.
Н82 Добывайки: Добывайки. Добывайки в поле: Сказочные повести/ Пер. с англ. Г.А. Островской; Ил. А.В. Бенедского. – М.: Дом, 1992. – 321 с., ил.
ISBN 5-85201-049-9

Первые книги замечательной английской писательницы Мэри Нортон были написаны около пятидесяти лет назад. Но до сих пор каждое новое поколение юных читателей заново открывает для себя удивительный мир ее сказочных историй.

Издательство «Дом» подготовило к изданию две книги Мэри Нортон о необыкновенных существах – добывайках, – в которые вошли четыре повести.

ББК 84.4 Вл

Н $\frac{4804010100-049}{062(02)-92}$

ISBN 5-85201-049-9

© Перевод. Г.А. Островская, 1992
© Иллюстрации. А.В. Бенедский, 1992
© Составление, оформление. Издательство «Дом», 1992

ДОБЫВАЙКИ

Глава первая

Первая рассказала мне о них миссис Мей. Нет, не мне. Не могла же это быть я – эта вспыльчивая, неаккуратная, своевольная девочка с дерзким взглядом и дурной привычкой кусать ногти. Кажется, ее звали Кейт. Да, так и есть – Кейт. Хотя как ее звали, не так уж важно, она почти не участвует в нашей истории.

Миссис Мей занимала две комнаты в квартире родителей Кейт в Лондоне; она была, я думаю, их дальняя родственница. Спальня ее помещалась на втором этаже, а гостиной служила комната, где они раньше завтракали. В таких комнатах хорошо по утрам, когда солнечные лучи играют на хрустящих гренках и апельсиновом джеме, но после полудня солнце исчезает – и комната светится странным серебристым светом, словно уже наступили сумерки. Тогда в ней появляется что-то печальное, но девочкой Кейт любила все печальное и частенько проскальзывала к миссис Мей, перед тем как отправиться пить чай, и миссис Мей учила ее вязать тамбуром.

Миссис Мей была старая – суставы у нее почти не сгибались – и... нет, не строгая, просто она твердо знала,

что хорошо, а что плохо, а это заменяет строгость. Кейт никогда не бывала своевольной с миссис Мей, неаккуратной и вспыльчивой, и миссис Мей учила ее многим вещам кроме вышивания: как намотать шерсть овальным клубком, как красиво заштопать дырку, как прибрать у себя в ящике и положить поверх всего лист шуршащей папиросной бумаги от пыли.

— Почему ты сегодня такая тихая, детка? — спросила однажды миссис Мей у Кейт, сидевшей безо всякого дела на кожаной круглой подушке. — Что с тобой? Ты что, потеряла дар речи?

— Нет, — сказала Кейт, дергая пуговку на туфле. — Я потеряла крючок для вязанья. — Они делали шерстяное вязаное одеяло из отдельных квадратов; надо было связать еще тридцать штук. — Но кажется, я знаю, куда положила его, — поспешила она добавить, — на нижнюю полку книжного шкафа.

— На нижнюю полку? — переспросила миссис Мей; ее крючок неуклонно двигался вперед, поблескивая при свете огня. — Недалеко от пола?

— Да, — сказала Кейт, — но я искала на полу. И под ковриком у постели. Везде. Клубок остался. Там, где я его положила.

— Вот те на! — воскликнула миссис Мей. — Неужели они есть и в этом доме?

— Кто — они? — спросила Кейт.

— Добывайки, — ответила миссис Мей, и Кейт почудилось, что на лице миссис Мей промелькнула улыбка.

Кейт уставилась на нее с некоторым страхом.

— А такое бывает на свете? — спросила она через минуту.

— Какое — такое?

Кейт моргнула.

— Ну... такие существа, которые живут в твоем доме и... берут твои вещи?

Миссис Мей опустила вязанье на колени.

– А ты как думаешь? – спросила она.

– Не знаю, – сказала Кейт, глядя в сторону и изо всех сил дергая пуговку на туфле. – Конечно, их не может быть. И все же... – она подняла голову, – и все же иногда я думаю, что они есть.

– Почему ты так думаешь? – спросила миссис Мей.

– Потому что столько вещей исчезает неизвестно куда. Французские булавки, например. Целые фабрики делают булавки, люди каждый день покупают булавки, и все же, когда тебе нужна булавка, ты никогда не можешь ее найти. Где они все? Вот сейчас, в эту минуту? Куда они деваются? А иголки! – продолжала она. – Не могут же все иголки, которые мама купила за всю свою жизнь... уж, наверно, не меньше нескольких сотен... валяться по дому.

– Нет, не могут, – согласилась миссис Мей.

– А все остальные мелочи, которые мы покупаем! Каждый раз заново. Карандаши, и спички, и сургуч, и шпильки для волос, и наперстки...

– И шляпные булавки, – вставила миссис Мей, – и промокательная бумага.

– Промокашки – да, – согласилась Кейт, но не шляпные булавки.

– Тут ты не права, – сказала миссис Мей, вновь берясь за вязанье. – Без шляпных булавок им не обойтись.

Кейт изумленно взглянула на нее.

– Не обойтись? – повторила она. – Почему?

– Ну, на то есть две причины. Во-первых, шляпная булавка удобное оружие, а во-вторых... – Миссис Мей вдруг рассмеялась. – Но это все звучит так дико и... – она помедлила, – и было так давно!

– Расскажите мне, – попросила Кейт, – расскажите, откуда вы знаете о шляпных булавках. Вы хоть раз видели их?

Миссис Мей бросила на нее удивленный взгляд.

– Конечно... – сказала она.

— Да не булавки! — нетерпеливо воскликнула Кейт. — А этих.. как вы их назвали... добываек.

Миссис Мей перевела дыханье.

— Нет, — быстро сказала она. — Никогда.

— Ну так кто-нибудь другой видел! — вскричала Кейт. — И вы это знаете! Вижу, что знаете.

— Тише, — сказала миссис Мей. — Ни к чему так кричать! — Она взглянула на обращенное к ней снизу лицо, улыбнулась и, отведя глаза, уставилась в пространство. — У меня был брат... — начала она неуверенно.

Кейт забралась на подушку с ногами.

— И он их видел?!

— Не знаю, — сказала миссис Мей, покачивая головой. — Правда не знаю... — Она разгладила свою работу. — Он так любил нас дурачить... меня и сестру. Он рассказывал нам такие небылицы... Он был убит, — добавила она тихо, — много лет назад на северо-западной границе. Погиб, как теперь говорят, смертью храбрых...

— Он был ваш единственный брат?

— Да, младший брат. Я думаю, именно поэтому, — она замолчала на миг, все еще улыбаясь своим мыслям, — он и выдумывал такие невероятные, такие фантастические истории. Он завидовал нам, я полагаю, потому что мы были старше и лучше умели читать. Он хотел нас удивить; возможно, он даже хотел нас напугать. И все же, — она поглядела в огонь, — было что-то... возможно, потому, что мы выросли в Индии, где столько таинственных легенд... что-то, заставлявшее нас верить ему. Иногда мы знали, что он нас просто дурачит, но иногда мы не были до конца уверены в этом. — Она наклонилась и аккуратно смела золу, высыпавшуюся за каминную решетку. Затем, все еще держа в руках метелочку, снова уставилась на огонь. — Он был не очень крепкий мальчик; в первый же год, когда он приехал в Англию, чтобы пойти в школу, он заболел ревматизмом, пропустил целый семестр, и его отправили на поправку к нашей двоюродной бабушке тете Софи.

Она жила за городом. Позже я тоже туда ездила. Это был такой странный старый дом... – Миссис Мей повесила метелочку на медный крючок, где она всегда висела, и, отряхнув платком руки, снова взялась за вязанье. – Зажги-ка лучше лампу, – сказала она.

– Еще рано зажигать, – умоляюще проговорила Кейт, наклонясь к ней. – Пожалуйста, рассказывайте дальше. Пожалуйста...

– Но я уже рассказала тебе.

– Нет, не рассказали. Этот старый дом... он там увидел... этих... этих?..

Миссис Мей рассмеялась.

– Там ли он увидел добываек? Да, так он нам сказал... хотел заставить нас в это поверить. Мало того, он, по его словам, не только видел их, но близко познакомился с ними, стал, так сказать, частью их жизни; по правде говоря, сам в каком-то смысле сделался добывайкой.

– О, пожалуйста, пожалуйста, расскажите мне. Постарайтесь вспомнить. С самого-самого начала.

– Но я и не забывала ничего, я все прекрасно помню. Как ни странно, я помню это лучше, чем многие настоящие события своей жизни. Быть может, это тоже настоящие события. Не знаю. Понимаешь, когда мы возвращались в Индию, мы с братом спали в одной каюте... сестра делила каюту с гувернанткой. Ночи были такие жаркие и душные, что часто мы не могли уснуть, и брат часами рассказывал мне о добывайках, повторял их разговоры, вновь и вновь описывал подробности... старался представить, как они поживают, что делают и...

– Они? Кто они?

– Хомили, Под и маленькая Арриэтта.

– Под?

– Да. Даже имена у них звучали неправильно. Они думали, что у них собственные имена, непохожие на человеческие, но вы сразу слышали, что и имена взяты ими у людей. Даже у дядюшки Хендрири и его дочки Эглтины. Все, что они имели, было добыто у людей, у

них не было ничего собственного. Ничего. И при этом они были очень обидчивы и очень высокого о себе мнения и думали, что они хозяева земли.

– Не понимаю.

– Они думали, что мы, люди, созданы только для того, чтобы исполнять всякую черную работу... рабы-великаны, предоставленные в их распоряжение. Во всяком случае, так они говорили друг другу. Но брат утверждал, что в глубине души они боялись. Он считал, что от этого они и сделались такими маленькими. От страха. С каждым поколением они становились меньше и меньше и прятались все глубже и глубже. В давние времена здесь, в Англии, наши предки рассказывали много историй о маленьком народце[1].

– Да, я знаю, – отозвалась Кейт.

– В наши дни, – неторопливо продолжала миссис Мей, – если они и существуют, то найти их можно, вероятно, только в старых, спокойных домах, далеко от больших городов и шума, в домах, где жизнь идет по установившемуся раз и навсегда порядку. Порядок для них – порука безопасности; им очень важно знать, в какие комнаты можно заходить и когда. Они не останутся надолго в доме, где живут неаккуратные взрослые, непослушные дети и домашние животные.

Тот старый дом был, конечно, для них идеальным... хотя некоторые из них считали, что он чуть-чуть холодноват и слишком пуст. Тетя Софи была прикована к постели, после того как упала с лошади во время охоты лет двадцать назад. А кроме нее там были только миссис Драйвер, экономка и кухарка, да Крэмпфирл, садовник. Изредка появлялась на короткое время какая-нибудь служанка. И все. Когда мой брат приехал туда, ему еще долго пришлось лежать в постели, и первое время добывайки, по-видимому, не знали о его существовании.

Он спал в бывшей детской, за классной комнатой. В

---

[1]Так в Англии называли эльфов.

то время классной комнатой больше не пользовались, мебель стояла в чехлах, и там было полно всякого старья – сундуки и сундучки всех размеров, сломанная швейная машина, парта, портновский манекен, стол и несколько стульев, пианола; дети, которые когда-то на ней играли – дети тети Софи, – уже давно выросли, женились, вышли замуж, умерли или разъехались по свету. Дверь между детской и классной комнатой всегда стояла открытой настежь, и с кровати брату была видна большая картина над камином, изображавшая битву при Ватерлоо, и на стене в углу – шкафчик со стеклянными дверцами, в котором стоял на полках кукольный сервиз, очень старый и хрупкий. Если дверь из классной комнаты тоже оставляли открытой, он видел освещенный коридор, который вел к лестнице. Каждый день под вечер на площадке лестницы появлялась миссис Драйвер с подносом в руках, где лежало печенье и стоял высокий граненый графин с доброй старой мадерой. Она несла его в спальню тети Софи и на обратном пути прикручивала газовый рожок в коридоре, так что оставался лишь маленький голубой язычок, а затем, тяжело ступая, медленно спускалась по лестнице и исчезала внизу.

Там, внизу, в холле стояли часы, и всю ночь мальчик слышал, как они отбивают время. Это были высокие напольные часы, куранты, очень старые.

Каждый месяц в дом приходил мистер Фрит из Лейтон-Баззарда и заводил их, как это раньше делал его отец, а еще раньше – дед. Говорили (а мистер Фрит знал это наверняка), что за восемьдесят лет часы ни разу не остановились, и можно было предположить, что они ни разу не останавливались и до того. Главное было – не сдвигать их с места. Стена за курантами была обшита дубовой панелью, а пол из плитняка так стерся от частого мытья за все эти годы, что часы, говорил мне брат, стояли словно на каменной платформе.

А под курантами в самом низу дубовой панели была дырочка...

Глава вторая

Это была дыра Пода... ворота в его крепость... вход в его дом. Не думайте, что дом был поблизости от часов, вовсе нет. К нему вели длинные, темные и пыльные переходы с деревянными дверцами между балками и металлическими воротцами против мышей. Чего только не использовал Под для этих воротец – створку складной терки, крышку от шкатулочки для монет, квадратные кусочки дырчатого цинка от старого ящика для хранения мяса, проволочную хлопушку для мух... «Я вовсе не боюсь мышей, – не раз говорила Хомили, – но я не выношу их запаха». Напрасно Арриэтта просила позволить ей завести мышку, маленького мышоночка, которого она выкормила бы с рук... «как Эглтина». Хомили сразу же начинала грохотать крышками от кастрюль и восклицала: «И вспомни, что с ней случилось!» «Что? – всякий раз спрашивала Арриэтта. – Что случилось с Эглтиной?» Но на это никто не давал ей ответа.

Только Под знал дорогу к дыре под часами – не дорога, а настоящий лабиринт. Только Под умел открывать воротца. На них были сложные задвижки-застежки, сделанные из заколок для волос и французских булавок, и только Под знал их секрет. Его жена и дочка вели жизнь без тревог и забот в уютной квартирке под кухней, далеко от опасностей, которыми мог грозить дом над их головой. В кирпичной стене ниже уровня кухонного пола была решетка, сквозь которую Арриэтте был виден сад – кусочек гравийной дорожки и клумбы, где весной цвели крокусы и куда ветер приносил лепестки с цветущих деревьев. Позднее там расцветал куст азалии, и иногда прилетали огромные птицы... Они клевали что-то, ухаживали друг за другом, а порой дрались.

– Ну виданное ли это дело – часами сидеть и глазеть на птиц, – ворчала Хомили. – А когда мне что-нибудь от тебя нужно, тебе всегда недосуг. В моем доме, у моих

мамы и папы, не было никакой такой решетки, и слава богу! Ну-ка сбегай принеси мне картошки.

Так она говорила и в тот день, когда, прикатив картофелину из кладовой по пыльному проходу под половицами, Арриэтта сердито пнула ее ногой, так что картофелина влетела в кухню, где Хомили стояла, наклонившись над плитой.

— Да что это с тобой?! — сердито воскликнула Хомили, оборачиваясь к Арриэтте. — Еще немного, и я была бы в кастрюле с супом. И когда я говорю «картошки», я имею в виду — картошки, а не картошку. Возьми-ка ножницы и отрежь мне ломтик.

— Откуда я знала, сколько тебе нужно, — пробормотала Арриэтта, а Хомили, возмущенно фыркнув, сняла с гвоздя на стене половинку сломанных маникюрных ножниц и стала срезать картофельную кожуру.

— Ты погубила эту картофелину, — ворчливо сказала она. — Теперь ее нельзя будет откатить назад, раз я ее разрезала.

— Подумаешь, важность, — сказала Арриэтта. — Да их там целая куча.

— Вы только послушайте ее! Целая куча! Ты понимаешь или нет, — серьезно и даже торжественно продолжала Хомили, откладывая «нож», — что твой отец рискует жизнью всякий раз, когда добывает картофель?!

— Я хотела сказать, что их целая куча у нас в кладовой.

— Ладно, что бы ты ни хотела сказать, не вертись у меня под ногами, — проговорила Хомили, снова принимаясь сновать по кухне, — мне надо готовить ужин.

Арриэтта вышла в столовую — там в очаге уже ярко пылал огонь, и комната выглядела весело и уютно. Хомили гордилась своей столовой. Стены ее были оклеены обрывками писем, найденных в мусорной корзине, и Хомили расположила их так, что строчки бежали сверху вниз вертикальными полосками. На стенах висели разноцветные портреты королевы Виктории — марки, несколько

лет назад добытые Подом из коробочки на бюро в кабинете. Там стояли лакированная, обитая внутри бархатом шкатулка для украшений, которая служила им стулом-ларем, и незаменимая в хозяйстве вещь – комод, сделанный из спичечных коробков. Там был покрытый красной плюшевой скатертью круглый стол, который Под смастерил из деревянного донца коробочки для пилюль, взяв в качестве ножки резную подставку от шахматного коня. (Пропажа этого коня в свое время вызвала большую суматоху в доме, когда старший сын тети Софи, неожиданно приехавший к ней на несколько дней, пригласил викария «сразиться после обеда». Роза Пикхэтчет, служанка, заявила, что она немедленно от них уходит. Вскоре после этого обнаружилось, что недостает кое-каких других мелочей; с тех пор в дом не брали служанок и миссис Драйвер царствовала безраздельно.) Сам конь – так сказать, его бюст – стоял в углу на подставке-катушке; он выглядел очень изысканно и придавал комнате тот особый оттенок, который может дать только скульптура.

Возле очага в деревянном пенале была библиотека Арриэтты. Она состояла из набора тех миниатюрных томиков, которые так любили в Англии во времена королевы Виктории. Арриэтте они казались огромными, как церковная Библия. Среди них были: изданные Брюсом «Географический справочник Мальчика-с-пальчика», включающий самые современные... для начала века названия, и «Словарь Мальчика-с-пальчика» с краткими объяснениями научных, философских и технических терминов, томик «Комедии Вильяма Шекспира для Мальчика-с-пальчика» с предисловием об авторе, еще одна книжка с чистыми страницами, которая называлась «Памятные заметки», и последняя – по списку, но не по значению, – любимейшая книга Арриэтты – «Дневник Мальчика-с-пальчика с пословицами и поговорками», где для каждого дня года было свое изречение, а в предисловии давалось жизнеописание человечка по прозвищу Мальчик-с-паль-

чик, который женился на девушке по имени Мерси Лавиния Бамп. На титульном листе была гравюра, изображавшая их экипаж, запряженный парой лошадей, каждая из которых была величиной с мышь. Арриэтта была умной девочкой. Она знала, что лошади не могут быть такими же маленькими, как мыши, но она не представляла, что Мальчик-с-пальчик показался бы добывайкам не таким уж крошкой.

Арриэтта научилась читать по этим книгам, а писать – копируя буквы с обоев на стене, для чего ей приходилось сворачивать голову набок. Хотя она и умела писать, она не всегда делала записи в дневнике, однако почти каждый день снимала его с полки, чтобы прочитать очередное изречение. Сегодня там было написано: «Тише едешь – дальше будешь». Арриэтта отнесла книгу к очагу и села, поставив ноги на решетку.

– Что ты делаешь, Арриэтта? – позвала ее из кухни Хомили.

– Пишу дневник.

– А! – воскликнула Хомили.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросила Арриэтта. Она могла не бояться – Хомили любила, когда она пишет, Хомили поощряла все виды культуры. Сама она, бедняжка, даже букв не знала.

– Ничего, ничего! – сказала мать, грохоча крышками. – Успеется.

Арриэтта вынула карандаш. Это был маленький белый карандашик с привязанной к нему шелковой ленточкой, снятый с бальной программки, но в руках Арриэтты он казался не меньше скалки.

– Арриэтта! – снова позвала из кухни Хомили.

– Да?

– Подбрось-ка немного угля в огонь.

Арриэтта крепко ухватила книгу обеими руками и с усилием сняла ее с колен. Они держали топливо – угольную крошку и измельченное свечное сало – в оловянной горчичнице и подбрасывали его в очаг ложечкой

для горчицы. Арриэтта чуть-чуть наклонила ложечку и стряхнула несколько крупинок, чтобы не затушить огонь. И осталась стоять у очага, наслаждаясь теплом. Это был замечательный очаг; дедушка Арриэтты смастерил его из цевочного колеса, которое когда-то было частью пресса для приготовления сидра. Спицы колеса расходились в разные стороны, а в центре находилось гнездышко для самого очага. Над ним был колпак из воронки, подвешенной раструбом вниз. Через эту воронку некогда наливали керосин в керосиновую лампу, стоявшую в холле. Целая система труб, отходящих от горлышка воронки, уносила дым наверх, в кухонный дымоход. Разжигали очаг полешками-спичками, а уж потом подбрасывали угольную крошку; и когда он разгорался и железо раскалялось, Хомили ставила на спицы серебряный наперсток с супом, чтобы он потихоньку кипел, а Арриэтта калила орехи. Какие это были славные, уютные зимние вечера! Арриэтта с огромной книгой на коленях – иногда она читала родителям вслух, – Под с сапожной колодкой в руках (он был сапожник и шил туфли из лайковых перчаток. теперь, увы, только для своей семьи), и Хомили, наконец-то переделавшая все по хозяйству, со своим вязаньем.

Хомили вязала им нижнее белье, фуфайки, жакеты и чулки на булавках с головками, а иногда на штопальных иглах. Возле ее кресла всегда стоял огромный, высотой в стол, моток шелка или простых ниток. Иногда, когда она слишком резко дергала нитку, моток опрокидывался и выкатывался через открытые двери прямо в темный проход. Тогда Арриэтту посылали прикатить его обратно, аккуратно наматывая по пути. Пол в столовой был покрыт темно-красной промокательной бумагой, она была мягкая, красивая и впитывала все, что на нее проливали. Время от времени Хомили ее меняла... когда можно было раздобыть новую наверху; но с тех пор как тетя Софи слегла в постель, миссис Драйвер редко вспоминала о промокательной бумаге, разве что в доме ожидали гостей

Хомили любила вещи, которые избавляли ее от стирки, ведь не так-то просто сушить белье, когда живешь в подполье. Воды, правда, у них было предостаточно и холодной, и горячей – благодаря батюшке Пода, который отвел трубки от кухонного котла. Купались они в фарфоровой супнице. Кончив купаться, вылив воду и вытерев ванну, полагалось закрыть ее крышкой, чтобы никому не вздумалось складывать в нее грязные вещи. Мыло, целый большой брусок, висело на крюке в кладовой, и они отрезали от него по кусочку. Хомили любила дегтярное мыло, но Под и Арриэтта предпочитали сандаловое.

– А сейчас что ты делаешь, Арриэтта? – опять окликнула дочку Хомили.

– Все еще пишу.

Арриэтта снова обеими руками взяла книжку и взгромоздила ее себе на колени. Она лизнула кончик огромного карандаша и, глубоко задумавшись, уставилась в пространство. Она разрешала себе написать (когда вообще вспоминала о своем дневнике) одну-единственную строчку в день, потому что у нее никогда в жизни – в этом она была уверена – не будет больше дневника и, если она напишет двадцать строчек на каждой странице, ей хватит этого дневника на двадцать лет. Арриэтта вела дневник уже два года и сегодня, 22 марта, прочитала свою последнюю запись: «Мама сердится». Она еще подумала, затем под словом «мама» поставила знак «–"–», а под словом «сердится» – «беспокоится».

– Что ты сказала, ты делаешь, Арриэтта? – окликнула ее Хомили.

Арриэтта закрыла дневник.

– Ничего, мама, – сказала она.

– Тогда будь умницей, наруби мне луку... Отец что-то запаздывает сегодня...

Глава третья

Арриэтта со вздохом отложила дневник и пошла на кухню. Она взяла у Хомили кольцо лука и, повесив его на шею, принялась искать кусочек бритвенного лезвия.

– Фу, Арриэтта! – воскликнула Хомили. – На чистую кофточку! Ты хочешь, чтобы от тебя пахло, как от мусорного ведра? На, возьми ножницы...

Арриэтта переступила через луковое кольцо, словно это был детский обруч, и принялась рубить его на части.

– Отец запаздывает, – снова проговорила Хомили, – и это я виновата. Лучше бы я не...

– Что «не»? – спросила Арриэтта. Глаза ее налились слезами, в носу щипало; она громко шмыгнула носом и подумала, как было бы хорошо вытереть его о рукав.

Хомили откинула назад прядь жидких волос. Мысли ее витали где-то далеко.

– Это все та чашка, что ты разбила... – сказала она.

– Но я разбила ее давным-давно... – начала Арриэтта, моргая глазами и снова громко шмыгая носом.

– Знаю, знаю. Ты тут ни при чем. Это все я. Не в том дело, что ты разбила чашку, а в том, что я сказала отцу...

– Что ты ему сказала?

– Ну, я просто сказала... там же есть еще чашки, в этом сервизе, сказала я, там, наверху, в угловом стенном шкафчике в классной комнате.

– Не вижу в этом ничего плохого, – возразила Арриэтта, кидая кусочки лука один за другим в кипящий суп.

– Но он очень высоко висит, этот шкафчик, туда надо забираться по портьерам. А твой отец в его годы... – И она вдруг села на пробку с металлической головкой от бутылки с шампанским. – Ах, Арриэтта, лучше бы я никогда не упоминала об этой чашке!

– Не волнуйся, – сказала Арриэтта, – папа знает, что ему по силам. – Она вытащила резиновую пробку

от флакончика из-под духов, которой было заткнуто отверстие в трубе с горячей водой, и выпустила несколько капель в жестяную крышечку от пузырька из-под пилюль. Затем добавила туда холодной воды и принялась мыть руки.

– Может, и так, – сказала Хомили. – Но я без конца твердила ему про эту чашку. Ну зачем мне она?! Твой дядюшка Хендрири никогда не пил не из чего, кроме простой желудевой чашки, а он дожил до преклонного возраста, и у него хватило сил переехать на другой конец света. У моих родителей был один-единственный костяной наперсток, из которого пили все по очереди. Но если у тебя была настоящая фарфоровая чашка... ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, – ответила Арриэтта, вытирая руки о полотенце, сделанное из бинта.

– Главное – портьеры. Ему не взобраться по портьере в его годы... по этим бомбошкам...

– Со шляпной булавкой взберется, – возразила Арриэтта.

– С булавкой! И этому тоже я его научила! Возьми шляпную булавку, – сказала я ему, – привяжи кусочек тесьмы к головке, и подтягивайся на ней. Это когда я просила, чтобы он добыл часы с изумрудами в Ее спальне. Хотела знать, сколько времени печется пирог! – Голос Хомили задрожал. – Твоя мать дурная женщина, Арриэтта. Эгоистка, вот она кто.

– Знаешь что? – внезапно воскликнула Арриэтта.

Хомили смахнула слезу.

– Что? – еле слышно сказала она.

– Я могу взобраться по портьере.

Хомили встала.

– Хорошенькое дело! Да как ты смеешь говорить мне такие вещи?!

– Но я могу, могу, могу! Я сумею добывать все что надо.

– Ах! – чуть не задохнулась Хомили. – Гадкая

девчонка! Как у тебя только язык поворачивается?! – И она снова рухнула на табуретку из пробки. – Вот до чего, значит, дошло!

– Мамочка, не надо, пожалуйста, – взмолилась Арриэтта, – ну не расстраивайся же так!

– Как ты не понимаешь... – с трудом начала Хомили; она уставилась на стол, не в состоянии найти убедительные слова, наконец подняла к дочери осунувшееся лицо. – Детка моя, – сказала она, – ты не знаешь, о чем говоришь. Добывать совсем не так легко. Ты не знаешь... и, слава богу, никогда не узнаешь, – голос ее упал до боязливого шепота, – как там, наверху...

Арриэтта ничего не сказала. Но через минуту спросила:

– А как там, наверху?

Хомили вытерла лицо передником и пригладила волосы.

– Твой дядюшка Хендрири, – начала она, – отец Эглтины... – И тут она остановилась. – Послушай!.. Что это?

Издали донесся еле слышный звук... словно защелкнули щеколду.

– Отец! – воскликнула Хомили. – Ой, на что я похожа! Где гребешок?

У них был даже гребешок – крошечный серебряный старинный гребешочек для бровей, выпавший когда-то из ларчика в верхней гостиной. Хомили быстро провела им по волосам, сполоснула красные, заплаканные глаза, и, когда появился Под, она, улыбаясь, разглаживала обеими руками передник.

Глава четвертая

Под медленно вошел в комнату все еще с мешком на спине, прислонил к стене шляпную булавку с болтающейся тесемкой и поставил посреди кухонного стола чашку

из кукольного сервиза, выглядевшую здесь салатницей или суповой миской.

– Ой, Под... – начала было Хомили.

– Блюдце тоже принес, – сказал Под. Он опустил с плеч мешок и развязал его. – Принимай! – И он вытащил из мешка блюдце. – Как раз в пару.

У него было круглое, как булочка с изюмом, лицо, но сейчас щеки его как-то обвисли.

– Ой, Под, – сказала Хомили, – ты неважно выглядишь. Ты здоров?

Под сел на табурет.

– Вполне, – сказал он.

– Ты забрался по портьере? – спросила Хомили. – Не надо было этого делать. Это слишком тебя разволновало.

Под скорчил непонятную гримасу, глаза его, как на шарнирах, повернулись к Арриэтте. Хомили уставилась на мужа, открыв рот, затем обернулась к дочке.

– Ну-ка в постель, Арриэтта, – деловито сказала она. – Быстренько, быстренько, будь умницей, а я принесу тебе ужин.

– Ну-у, – протянула Арриэтта, – разве мне нельзя посмотреть, что папочка еще добыл?

– У него ничего больше нет. Только еда. Быстренько в постель! Чашку с блюдцем ты уже видела.

Арриэтта пошла в столовую, чтобы убрать на место дневник, и замешкалась, прилаживая свечку на перевернутую кверху острием кнопку, служившую им подсвечником.

– Что ты там возишься? – ворчливо промолвила Хомили. – Дай ее сюда. Ну вот видишь, как надо ее ставить? Быстренько ложись и не забудь аккуратно сложить свои вещи.

– Спокойной ночи, папочка, – сказала Арриэтта, целуя его в плоскую бледную щеку.

– Осторожней со светом, – по привычке сказал он, следя за дочкой круглыми глазами, пока она не прикрыла за собой дверь.

— Ну, Под, — сказала Хомили, когда они остались одни. — В чем дело? Что случилось?

Под без всякого выражения взглянул на нее.

— Меня увидели, — сказал он.

Хомили, словно слепая, протянула вперед руку, нащупала край стола и, держась за него, медленно опустилась на табурет.

— Ой, Под! — простонала она.

Наступило молчание. Под пристально смотрел на Хомили, Хомили уставилась на стол. Но вот она подняла белое как мел лицо.

— Как — увидели? Плохо?

Под заерзал на месте.

— Не знаю. Меня увидели. Это уже плохо.

— Ни одного из нас, — медленно проговорила Хомили, — не видели после дядюшки Хендрири, а его, говорят, за сорок пять лет видели первого. — Она вдруг уцепилась обеими руками за стол, видно, ей пришла в голову какая-то ужасная мысль. — И все равно, Под, я отсюда не уйду!

— Никто тебя и не просит, — сказал Под.

— Уйти и жить, как Хендрири и Люпи, в барсучьей норе! На другом конце света... среди земляных червей!

— Всего в двух полях отсюда, за рощей, — сказал Под.

— Орехи — вот вся их еда. И ягоды. Я не удивлюсь, если они едят мышей...

— Ты и сама ела мышей, — напомнил ей Под.

— И всюду сквозняки, и свежий воздух, и дети растут без присмотра, как дикари. Подумай об Арриэтте! — сказала Хомили. — Вспомни, как мы ее воспитали. Единственный ребенок. Она там погибнет. Для Хендрири это не так страшно.

— Почему? — спросил Под. — У него пятеро.

— Вот именно потому, — объяснила Хомили. — Когда у тебя пятеро детей, за их воспитанием не очень-то уследишь. Но главное сейчас не это... Кто тебя увидел?

– Мальчик, – сказал Под.

– Что? – воскликнула Хомили.

– Мальчик. – Под изобразил руками в воздухе силуэт. – Ну... мальчик...

– Но в доме же нет... Какой мальчик?

– Не понимаю. Что значит какой? Мальчик в ночной рубашке. Просто мальчик. Ты же знаешь, что такое мальчик.

– Да, – ответила Хомили. – Я знаю, что такое мальчик. Но вот уже лет двадцать, как в доме нет никаких мальчиков.

– Не было, – сказал Под. – А теперь есть.

Хомили молча уставилась на него, и Под храбро встретил ее взгляд.

– Где он тебя увидел? – спросила наконец Хомили.

– В классной комнате.

– А-а... когда ты доставал чашку?

– Да.

– У тебя разве нет глаз? – спросила Хомили. – Ты не мог сперва посмотреть по сторонам?

– В классной комнате никогда никого не бывает. Больше того, – продолжал он, – и сегодня тоже не было.

– А где же он был?

– В постели. В детской, или как там она у них зовется. Вот где. Сидел в постели. А дверь была открыта.

– Ну, мог бы заглянуть и в детскую.

– Да как же я мог – на портьере, на полпути от пола!

– Это там он тебя увидел?

– Да.

– С чашкой?

– Да. Я не мог двинуться ни вверх, ни вниз.

– Ах, Под, – сказала Хомили. – Не надо было мне тебя пускать. В твои годы...

– Да нет, не в этом дело, – сказал Под, – ты меня неправильно поняла. Наверх я взобрался с легкостью. Взлетел как птичка, можно сказать, и бомбошки не

понадобились. А вот потом... – Он наклонился к ней. – Когда в руке у меня была чашка, если ты понимаешь, что я имею в виду. – Он снял чашку со стола. – Она не очень-то легкая. Ее можно держать за ручку вот так... но она тянет... или тонет, если так можно выразиться, вниз. Ее нужно держать в двух руках. Кусок сыра или яблоко – другое дело. Я их просто роняю.... толкну, они и упадут, а я слезу потихоньку да и подберу их. А с чашкой в руке... понимаешь теперь? И когда спускаешься, надо глядеть, куда ставишь ногу. А некоторые бомбошки на портьере оторваны. Не знаешь, за что и ухватиться, чтобы не упасть...

– Ах, Под, – проговорила Хомили, чуть не плача, – что же ты сделал?

– Ну, – ответил Под, снова садясь, – он взял у меня чашку.

– Что?! – в ужасе воскликнула Хомили.

– Понимаешь, он сидел в постели и смотрел на меня. Я провел там, на портьере, не меньше десяти минут, потому что часы пробили четверть...

– Но что значит – он взял чашку?

– Ну, он слез с кровати и подошел ко мне. «Я возьму чашку», – сказал он.

– Ой! – выдохнула Хомили, глядя на него во все глаза. – И ты дал ему?

– Он сам взял, – сказал Под, – да так осторожно. А когда я спустился, отдал обратно.

Хомили закрыла лицо руками.

– Да не расстраивайся ты так! – взволнованно сказал Под.

– Он мог тебя поймать! – сдавленным голосом произнесла Хомили, и плечи ее затряслись.

– Мог. Но он только дал мне обратно чашку. «Возьмите, пожалуйста», – сказал он.

Хомили подняла на него глаза.

– Что нам теперь делать? – спросила она.

Под вздохнул.

— А что мы можем сделать? Ничего. Разве что...

— Ах, нет, нет! — воскликнула Хомили. — Только не это. Только не переселяться. Да еще теперь, когда я все здесь так уютно устроила, и часы у нас есть, и всякое другое.

— Ну, часы можно взять с собой, — сказал Под.

— А Арриэтта? Как насчет нее? Она совсем не такая, как ее двоюродные братья. Она умеет читать, Под, и шить...

— Он не знает, где мы живем, — сказал Под.

— Но они ищут! — воскликнула Хомили. — Вспомни Хендрири. Они принесли кошку и...

— Полно, полно, — сказал Под, — зачем вспоминать прошлое?

— Но и забывать о нем нельзя. Они принесли кошку и...

— Верно, — сказал Под, — но Эглтина была совсем другая, чем Арриэтта.

— Другая? Она была ее ровесница.

— Они ничего ей не рассказывали, понимаешь? Вот тут-то они и допустили ошибку. Они делали перед ней вид, будто на свете нет ничего, кроме нашего подполья. Они не рассказывали ей о миссис Драйвер или Крэмпфирле. И уж словечком не обмолвились о кошках.

— В доме и не было кошки, — напомнила ему Хомили, — пока они не увидели Хендрири.

— Но потом-то она была, — сказал Под. — Детям нужно все говорить, так я считаю, не то они сами начинают разузнавать что к чему.

— Под, — сердито промолвила Хомили, — мы ведь тоже ничего на рассказывали Арриэтте.

— Ну, она многое знает, — тревожно ответил Под. — У нас же есть решетка в садик.

— Она не знает об Эглтине. Она не знает, что значит, когда тебя увидят.

— Ну что ж, когда-нибудь расскажем ей Мы ведь всегда собирались это сделать. К чему спешить?

Хомили поднялась с места.

— Под, — произнесла она. — Мы расскажем ей все сегодня.

Глава пятая

Арриэтта не спала. Она лежала под своим вязаным одеялом, уставившись в потолок. Это был очень интересный потолок. Отец смастерил для Арриэтты спальню из двух коробок из-под сигар, и на потолке были нарисованы прекрасные дамы в развевающихся газовых платьях, которые дули в трубы, на фоне ярко-голубого неба. Внизу зеленели перистые пальмы, и крошечные белые домики стояли вокруг площади... Это была великолепная картина, особенно когда горела свеча, но сегодня Арриэтта глядела на нее, не видя. Стенки коробки из-под сигар не очень толсты, и Арриэтта слышала родительские голоса, то поднимавшиеся чуть не до крика, то падавшие до шепота. Она слышала свое имя, слышала, как Хомили воскликнула: «Орехи и ягоды — вот вся их еда!» — а спустя немного встревоженный вопрос: «Что нам теперь делать?»

Когда Хомили подошла к ее кровати, Арриэтта послушно закуталась в одеяло и пошлепала босиком в теплую кухню. Она села на низкую скамеечку и, обхватив колени руками, поглядела сперва на отца, затем на мать. Хомили подошла к ней и, опустившись на колени, обняла худенькие плечи.

— Арриэтта, — торжественно начала она, — ты знаешь о том, что там, наверху?

— О чем — о том? — спросила Арриэтта.

— Ты знаешь о двух великанах?

— Да, — сказала Арриэтта. — Старая тетя Софи и миссис Драйвер.

— Верно, — сказала Хомили. — И Кремпфирл в саду. — Она положила загрубевшую от работы ладонь на стиснутые руки Арриэтты. — Ты знаешь о дяде Хендрири?

Арриэтта задумалась.

– Он уехал на край света, – сказала она.

– Переселился, – поправила ее Хомили, – на другую квартиру. С тетей Люпи и детьми. В барсучью нору... дыру на склоне, где растет боярышник. А почему он это сделал, как ты думаешь?

– О! – воскликнула Арриэтта, и лицо ее просияло. – Чтобы быть на воздухе... лежать на солнышке... бегать по траве... качаться на ветках, как птицы... высасывать из цветов мед...

– Глупости, Арриэтта, – сердито вскричала Хомили, – это дурные привычки! И у твоего дяди Хендрири ревматизм. Он переселился, – продолжала она, делая ударение на этом слове, – потому что его увидели.

– О!.. – воскликнула Арриэтта.

– Его видела двадцать третьего апреля тысяча восемьсот девяносто второго года Роза Пикхэтчет в гостиной на полочке над камином. Надо же было выбрать такое место! – добавила вдруг Хомили удивленно, словно говоря сама с собой.

– О!.. – опять воскликнула Арриэтта.

– Я никогда ни от кого не слышала, никто не счел нужным мне сообщить, почему он вообще туда забрался. Все, что там стоит, говорит твой отец, видно с пола или с ручек бюро, если стать боком и держаться за ключ. Так отец и поступает, если заходит в гостиную.

– Говорили, он полез за пилюлями от печени, – сказал Под.

– Что ты имеешь в виду? – удивленно воскликнула Хомили.

– Пилюлями от печени для Люпи, – устало объяснил Под. – Кто-то пустил слух, – продолжал он, – что на каминной полке в гостиной лежат пилюли от печени...

– Вот как? – задумчиво проговорила Хомили. – Я никогда об этом не слышала. Ну и все равно это был глупый и безрассудный поступок, никому не нужный риск. Оттуда не спустишься иначе как по шнуру от

колокольчика. Говорят, Роза смахнула с него пыль метелочкой, и он стоял так неподвижно рядом с фарфоровым купидоном, что она ни за что не обратила бы на него внимания, если бы он не чихнул. Она была еще недавно в доме и не знала всех статуэток. Она так завизжала, что мы услышали ее даже здесь, под кухней. После того ее было не заставить вытирать пыль – разве только со столов и стульев.

– Я редко захожу в гостиную, – вставил словечко Под. – Не стоит труда. Там все стоит на своем месте, и если что пропадет, они сразу заметят. Конечно, бывает, остается что-нибудь на столе или на полу возле стула, но только если там были гости, а у них давно уж не бывает гостей... лет десять или двенадцать. Я могу сейчас, не сходя с места, перечислить тебе все, что есть в гостиной, начиная с горки у окна до...

– А сколько в этой горке красивых вещиц, – прервала его Хомили, – и многие из литого серебра. Там есть серебряная скрипка со струнами и смычком... как раз под рост нашей Арриэтте.

– Что толку в вещах, – сказал Под, – которые лежат под стеклом.

– А разве ты не можешь разбить стекло? – спросила Арриэтта. – Самый уголочек, чуть-чуть ударить, крошечный ку... – Голос ее прервался, она увидела, с каким удивлением, даже ужасом смотрит на нее отец.

– Послушай-ка, Арриэтта, – начала сердито Хомили, но тут же взяла себя в руки и ласково похлопала дочку по плечу. – Она же не понимает, что такое – добывать, – объяснила она Поду. – Она не виновата. – Хомили снова обернулась к Арриэтте. – Чтобы добывать, нужна сноровка, это своего рода искусство. Из всех семейств, которые жили в этом доме, остались мы одни – и знаешь почему? Потому что твой отец – самый искусный из всех добываек, искуснее его в наших краях не было с... ну, со времен, когда еще твой дедушка жил на свете. Даже твоя тетя Люпи не могла этого отрицать. Когда он был

помоложе, я своими глазами видела, как он прошел весь обеденный стол из конца в конец уже после того, как прозвучал гонг к ужину, и взял с каждого блюда орех, или конфету, или еще что-нибудь из десерта и спустился по складке скатерти до того, как в дверь вошел первый человек. Просто так, для забавы, да, Под?

Под слегка улыбнулся.

– Смысла-то в этом не было, – сказал он.

– Пусть, а все ж таки кто, кроме тебя, отважился бы на это?

– Я был тогда моложе, – вздохнул Под и повернулся к Арриэтте. – Мы не ломаем ничего и не бьем, так не делается. Это уже не будет называться добывать.

– Тогда мы были богатые, – сказала Хомили. – Ах, какие у нас водились красивые вещи! Ты еще крошкой была, Арриэтта, ты не помнишь. У нас был ореховый гарнитур из кукольного домика, и набор рюмок из зеленого стекла, и музыкальная табакерка. К нам приходили родственники, и мы устраивали балы. Помнишь, Под? И не только родственники. У нас бывали даже Клавесины. Все бывали, кроме этих Надкаминных из кабинета. Мы танцевали тогда до упаду, а молодежь чуть не до утра сидела у решетки. Наша табакерка играла три песенки – «Клементина», «Боже, спаси королеву» и «Почтовый галоп». Все нам завидовали тогда, даже Надкаминные.

– А кто это такие? – спросила Арриэтта.

– Неужели я тебе не рассказывала о них? – воскликнула Хомили. – Об этих чванливых господах, что жили высоко на стене за резной обшивкой над каминной доской в кабинете? Ну и публика это была! Мужчины без конца курили, потому что там всегда стояли открытые табакерки. Они вечно старались забраться повыше по резьбе, а потом соскользнуть вниз и вообще всячески выставлялись. А женщины их тоже воображали о себе невесть что и без конца любовались собой в зеркале над камином. Они никогда никого к себе не приглашали, да

я бы и сама не пошла. У меня от высоты голова кружится, а твоему отцу не нравились их повадки. Он никогда не позволял себе прикладываться к рюмочке, а там, в кабинете, не только табак стоял открыто, но и графины с виски, и говорили, что Надкаминные сосали виски через перышки для чистки трубок, которые всегда лежали на каминной полке. Не знаю, может, это и не так, но говорили, что Надкаминные устраивали вечеринки каждую среду, после того как управляющий заходил туда по делам. Говорили, они валялись пьяные на зеленом сукне, которым был обтянут стол, среди жестяных коробок и бухгалтерских книг...

– Полно тебе, Хомили, – запротестовал Под, он терпеть не мог сплетен. – Я их такими не видел.

– Но согласись, что они на это способны, Под. Ты сам сказал, когда я вышла за тебя замуж, чтобы я не ходила к ним в гости.

– Потому что они жили так высоко, – сказал Под, – только поэтому.

– А лентяи они были! Уж этого ты не станешь отрицать? Никакого домашнего хозяйства они не вели. Грелись у камина и ели только завтрак, ведь ничего другого в кабинет не подают.

– Что с ними случилось? – спросила Арриэтта

– Ну, когда Хозяин умер, а Она слегла в постель, кабинет никому больше не был нужен. Пришлось им уйти. А что еще им оставалось делать? Ни еды, ни огня. Там ужасно холодно зимой, когда не топят камин.

– А Клавесины? – спросила Арриэтта.

Хомили задумалась.

– Ну, они были другими. Я не говорю, что они не важничали, как и Надкаминные, потому что они тоже много понимали о себе. Твоя тетя Люпи, которая вышла за дядю Хендрири, была Клавесин по первому мужу, а уж кому и знать, как не нам, как она задирала нос.

– Право, Хомили... – начал Под.

— И без всяких к тому оснований. Ведь она была просто Захомутницей, перед тем как вышла за Клавесина.

— Разве она вышла не за дядю Хендрири? — спросила Арриэтта.

— Да, позднее. Она была вдова с двумя детьми, а он был вдовец с тремя. И не гляди на меня так, Под. Ты же не станешь отрицать, что она без конца пилила бедного Хендрири — считала, что унизила себя, выйдя замуж за одного из Курантов.

— Почему? — спросила Арриэтта.

— Потому что мы, Куранты, живем под полом, вот почему. Потому что мы не выговариваем слова, как школьный учитель, и не едим тартинок с анчоусами. Что с того, что мы живем под кухней! Это вовсе не значит, что мы необразованные, вовсе нет. Куранты такая же старинная семья, как Клавесины. Запомни это хорошенько, Арриэтта, и пусть только кто-нибудь попробует сказать тебе, что это не так! Твой дедушка умел считать и писать цифры до... до скольких, Под?

— До пятидесяти семи, — сказал Под.

— Вот видишь! — сказала Хомили. — До пятидесяти семи! И твой отец тоже умеет считать, сама знаешь. Он умеет считать и записывать цифры до самого конца. Где у них конец, Под?

— Ровно на тысяче, — ответил Под.

— Вот видишь! — вновь воскликнула Хомили. — И азбуку знает, ведь это он тебя выучил буквам. И научился бы читать — правда, Под? — если бы ему не пришлось смолоду добывать. Твоему дяде Хендрири и твоему отцу пришлось подняться наверх и начать добывать, когда им было всего по тринадцать лет. Как тебе сейчас, Арриэтта. Только подумай!

— Мне тоже хотелось бы... — начала Арриэтта.

— Поэтому у него не было таких хороших условий, как у тебя, — продолжала не переводя дыхания Хомили, — и только потому, что Клавесины жили в гостиной... они переехали туда в тысяча восемьсот тридцать седьмом году,

в дыру за деревянной панелью в том месте, где раньше стоял клавесин, если он вообще там стоял, в чем лично я сомневаюсь... а на самом деле их фамилия была Утюг или что-то в этом роде, и они изменили ее на Клавесин и...

– А что они ели? – спросила Арриэтта. – Там, в гостиной?

– Сладости к чаю, – ответила Хомили. – Одни сладости к чаю. Нечего удивляться, что дети у них были такие болезненные. Конечно, в прежние времена было лучше... к чаю подавали сдобные булочки, и лепешки, и сладкий пирог, и варенье, и джем. А один старый Клавесин даже помнил, как по вечерам там пили молочный пунш! Но им, бедолагам, приходилось добывать все в такой спешке! В сырые дни, когда человеки сидели чуть не весь день в гостиной, чай приносили и уносили, а Клавесины и близко к столу подойти не могли... а в теплые дни чай подавали в саду. Люпи рассказывала мне, что порой день за днем они питались одними черствыми крошками да пили воду из цветочных ваз. Так что не надо так уж на них нападать, немножко поважничать да разговаривать, как господа, было для них единственным утешением. Ты слышала, как говорит тетя Люпи?

– Да... Нет... Не помню.

– О, тебе нужно было слышать, как она произносит слово «паркет», – это дощечки, из которых сделан пол в гостиной. «Паркэт... парр-кэт», – говорила она. Ох, и умора же была! Если подумать, твоя тетя Люпи воображала о себе больше всех остальных...

– Арриэтта дрожит от холода, – сказал Под. – Мы не для того подняли девочку с постели, чтобы говорить про тетю Люпи.

– Верно, верно, – виновато промолвила Хомили. – Тебе следовало меня остановить. Ну-ка, мой ягненочек, закутайся получше в одеяло, а я налью тебе чашку вкусного горячего бульона!

– И все же, – сказал Под, в то время как Хомили наливала бульон, – и для того тоже.

– Что – тоже? – спросила Хомили.

– Подняли ее, чтобы поговорить о тете Люпи тоже. О тете Люпи, дяде Хендрири и... – он приостановился, – Эглтине.

– Пусть сначала выпьет бульон.

– Никто не мешает ей пить, – сказал Под.

Глава шестая

– Мы с мамой подняли тебя, – начал Под, – чтобы рассказать о том, что делается наверху.

Арриэтта, держа чашку с бульоном в обеих руках, поглядела на него через край.

Под кашлянул.

– Ты сказала недавно, что небо темно-коричневое и в нем есть трещины. Это не так. – Он взглянул на нее чуть ли не осуждающе. – Оно голубое.

– Я знаю, – сказала Арриэтта. – Я видела его через решетку.

– Разве тебе видно через нее небо?

– Продолжай, – прервала его Хомили, – расскажи ей о воротах.

– Ну, – тяжело роняя слова, проговорил Под, – а если ты выйдешь из этой комнаты, что ты увидишь?

– Темный коридор, – сказала Арриэтта.

– А что еще?

– Другие комнаты.

– А если пойдешь дальше?

– Еще коридоры.

– А если ты будешь идти и идти по этим коридорам вперед, и направо, и налево, и снова вперед и дойдешь до самого конца, что ты увидишь?

– Ворота, – сказала Арриэтта.

– Крепкие ворота, – сказал Под, – ворота, которые тебе не открыть. Для чего они?

– Чтобы к нам не попали мыши, – сказала Арриэтта.

– Верно, – неуверенно произнес Под, словно согласился с ней только наполовину. – Но мыши пока никому не причинили вреда. Еще для чего?

– От крыс? – предположила Арриэтта.

– Здесь нет крыс, – сказал Под. – А что ты думаешь о кошках?

– Кошках? – удивленно повторила Арриэтта.

– И о том, не для того ли эти ворота, чтобы удержать тебя здесь?

– Удержать меня здесь? – в полном замешательстве промолвила Арриэтта.

– Наверху очень опасно, – сказал Под. – А ты, Арриэтта, – все, что у нас есть, понимаешь? Не то что Хендрири... у него и сейчас двое своих детей и двое детей Люпи. А раньше, – добавил Под, – у него было трое. Трое своих.

– Отец имеет в виду Эглтину, – сказала Хомили.

– Да, – подтвердил Под. – Об Эглтине. Они никогда не рассказывали ей о том, что делается наверху. У них не было окошка, как у нас. Они говорили ей, что небо прибито над головой гвоздями, что в нем есть щели...

– Надо же так по-дурацки воспитывать ребенка, – пробормотала Хомили. Она фыркнула и пригладила Арриэтте волосы.

– Но Эглтина была неглупая девочка, – продолжал Под, – она им не поверила. И вот однажды она поднялась наверх, чтобы увидеть все своими глазами.

– А как она выбралась? – с любопытством спросила Арриэтта.

– Ну, тогда у нас не было так много ворот. Только одни, под курантами. Видно, Хендрири забыл их запереть. Так или иначе, Эглтина вышла наружу...

– В голубом платье, – добавила Хомили, – и желтых

лайковых, туфельках, которые ей сшил твой отец, с пуговицами из черных бусин. Они были такие хорошенькие!

– Так вот, – продолжал Под, – в любое другое время все могло бы обойтись хорошо. Она бы вышла, осмотрела все кругом, может быть, немножко испугалась бы и вернулась обратно... несолоно хлебавши... но здравой и невредимой.

– Но за это время многое произошло, – сказала Хомили.

– Да, – подтвердил Под, – она не знала, потому что никто не сказал ей, что ее отца увидели, и что наверху завели кошку, и...

– Они ждали неделю, – сказала Хомили, – они ждали месяц, они не теряли надежды еще целый год, но с тех пор никто никогда не видел Эглтину.

– Вот что, – сказал, помолчав, Под и внимательно посмотрел на дочь, – вот что случилось с твоей двоюродной сестрой.

Снова настала тишина, только суп булькал на очаге да слышалось, как тяжело дышит Под.

– Это разбило сердце твоего дяди Хендрири, – сказала наконец Хомили. – Он больше никогда не поднимался наверх... боялся найти там желтые лайковые туфельки. Им оставалось одно – переехать.

Несколько минут Арриэтта молчала, но вот она подняла голову и спросила:

– Почему вы рассказали мне об этом? Сегодня? Сейчас?

Хомили поднялась, не находя себе места, подошла к печке.

– Мы вообще об этом не говорим, во всяком случае не часто. Но сегодня мы решили... – Внезапно она повернулась к Арриэтте. – Мы должны честно тебе сказать: сегодня твоего отца увидели наверху.

– О!.. – воскликнула Арриэтта. – Кто?

– Ну, кто-то, о ком ты никогда не слышала. Но дело не в этом, дело в том, что...

– Вы думаете, они заведут кошку?

– Вполне возможно, – сказала Хомили.

Арриэтта поставила на пол чашку с супом – она была ей чуть ли не до колен – и уставилась в нее; на ее лице появилось какое-то странное, мечтательное выражение.

– А мы не можем переехать? – наконец осмелилась она спросить.

Хомили всплеснула руками и повернулась к стене. У нее перехватило дыхание.

– Ты не понимаешь, о чем ты говоришь! – закричала она, обращаясь к висевшей на стене сковородке. – Червяки, и горностаи, и холод, и сырость, и...

– Но представь, что я вышла наружу и кошка слопала меня. Тогда вы с папой переехали бы? Ведь так? – спросила Арриэтта, и голос ее дрогнул. – Ведь так?

Хомили снова повернулась, на этот раз – к Арриэтте. У нее был очень сердитый вид.

– Я тебя отшлепаю, Арриэтта Курант, если ты не перестанешь болтать глупости!

Глаза Арриэтты наполнились слезами.

– Я только подумала, – сказала она, – что мне тоже хотелось бы уйти отсюда... не слопанной... – И слезы покатились у нее по щекам.

– Хватит, – сказал Под, – сейчас же прекрати. Отправляйся в постель, Арриэтта, неслопанная и неотшлепанная. Мы поговорим обо всем этом утром.

– Я вовсе не боюсь! – сердито вскричала Арриэтта. – Я люблю кошек. Спорю, что кошка не ела Эглтину, что Эглтина просто убежала, потому что ей противно было сидеть взаперти... день за днем... неделю за неделей... год за годом... Так же, как мне! – добавила она и разрыдалась.

– Взаперти! – удивленно повторила Хомили.

Арриэтта прикрыла лицо руками.

Ворота... – всхлипывала она, – ворота, ворота, ворота...

Под и Хомили уставились друг на друга поверх ее склоненной головы.

– Не надо было заводить этого разговора сегодня, – сказал Под уныло. – Да еще так поздно, перед сном...

Арриэтта подняла залитое слезами лицо.

– Поздно или рано, какая разница! – вскричала она. – О, я знаю, папа удивительно ловко все добывает. Я знаю, что мы сумели остаться, хотя все остальные должны были уйти. Но к чему это нас привело? Не думаю, что это так уж умно – всю жизнь жить одним в большом полупустом доме, в подполье, где не с кем поговорить, не с кем поиграть, нечего видеть, кроме пыльных коридоров, нет никакого света, кроме света свечей и очага да того света, что проникает сюда через щели. У Эглтины были братья, была ручная мышка, у Эглтины были желтые лайковые туфли с черными пуговками, и Эглтина вышла отсюда... пусть один раз!

– Шшш! – ласково сказал Под, – не так громко.

Половицы у них над головой заскрипели, послышались тяжелые шаги взад и вперед, взад и вперед. Послышался стук кочерги и ворчание миссис Драйвер. «Чтоб ей пусто было, этой плите, – бормотала она. – Опять восточный ветер поднялся. – Затем, повысив голос, она позвала: Крэмпфирл!»

Под сидел, сумрачно уставившись в пол; Арриэтта

вздрогнула и плотнее закуталась в вязаное одеяло; Хомили испустила долгий и тяжкий вздох. Внезапно она подняла голову.

– Девочка права! – решительно сказала она.

У Арриэтты сделались круглые глаза.

– Ой, нет... – начала она. Она даже испугалась. Правы родители, а не дети. Она знала: дети могут говорить что им вздумается и получать от этого удовольствие, всегда зная, что они не правы и с ними не случится ничего плохого

– Понимаешь, Под, – продолжала Хомили, – для нас с тобой все было иначе. Здесь были другие семьи, другие дети... В ванной комнате – Умывальники, помнишь? И эта семья, что жила за хлеборезкой... я забыла их фамилию. И мальчики из чулана. И тогда был подземный ход в конюшню, по которому к нам приходили дети Захомутников. Нам было... как бы это сказать... веселей.

– Пожалуй, – сказал Под. – В некотором роде – да. Но куда это нас привело? Где все они сейчас?

– Я не удивлюсь, если многие из них живут и не тужат, – резко сказала Хомили. – Времена изменились, и дом этот изменился. Добыча у нас теперь не та, что прежде. Помнишь, многие ушли, когда здесь рыли канаву для газопровода. Через поле и лес и еще дальше. Настоящий туннель до самого Лейтон-Баззарда.

– Ну и что они там нашли? – сердито спросил Под. – Гору кокса.

Хомили отвернулась от него.

– Арриэтта, – сказала она по-прежнему решительно, – предположим, когда-нибудь... мы выберем такой день, когда в доме никого не будет, ну и, конечно, если они не заведут кошку, а у меня есть основания полагать, что они ее не заведут... предположим, когда-нибудь отец возьмет тебя с собой, когда пойдет добывать, ты хорошо будешь себя вести, да? Будешь делать все, что он скажет тебе, быстро и тихо и без возражений?

Арриэтта вспыхнула и крепко сжала руки.

— О!.. — восторженно начала она, но Под тут же прервал ее:

— Право, Хомили, мы должны сперва подумать. Нельзя говорить такие вещи, не обдумав все хорошенько. Меня увидели, не забывай об этом. Сейчас неподходящее время брать девочку наверх.

— Кошки не будет, — сказала Хомили, — на этот раз мы не слышали никакого визга. Не то что тогда, с Розой Пикхэтчет.

— Все равно, — уже сдаваясь, произнес Под, — какой-то риск остался. И я ни разу не слышал, чтобы девочка ходила добывать.

— Я так смотрю на это, — сказала Хомили, — и это только сейчас пришло мне в голову: если бы у нас был сын, ты бы взял его наверх, да? Ну а сына у нас нет, только Арриэтта. Представь, с тобой или со мной что-нибудь случится, что будет тогда с ней, если она не научится добывать сама?

Под уставился себе на колени.

— Да, — сказал он через минуту, — я понимаю, что ты имеешь в виду.

— И это будет ей интересно, и она перестанет томиться.

— Томиться? По чему?

— По голубому небу, траве и всему такому.

Арриэтта шумно вздохнула, и Хомили быстро обернулась к ней.

— Пустые мечты, Арриэтта, я все равно не перееду отсюда ни ради тебя, ни ради кого другого.

— Да-а, — протянул Под и рассмеялся. — Вот оно что!

— Тише, — предостерегающе шепнула Хомили и взглянула на потолок. — Не так громко. Ну, поцелуй отца, Арриэтта, — быстро сказала она, — и в постель!

Свернувшись калачиком под одеялом, Арриэтта чувствовала, как радость теплым потоком заливает ее с ног

до головы. Она слышала голоса родителей за стеной то громче, то тише: голос Хомили звучал ровно, уверенно, в нем была убежденность – это был победный голос. Один раз Арриэтта услышала, как заскрипел стул, это поднялся Под. «Мне это не по душе», – проговорил он. Затем Хомили шепнула: «Тише». – И сверху донеслись неверные шаги и грохот кастрюль.

Арриэтта в полудреме глядела на свой разукрашенный потолок. «Цветок Гаваны», – гордо провозглашали знамена. «Высший сорт... Самое лучшее качество». И дамы в прозрачных одеждах, ликуя, дули в трубы торжествующе и беззвучно, возвещая грядущую радость...

Глава седьмая

Следующие три недели Арриэтта была на редкость хорошей. Она помогла матери прибрать в кладовых; она подмела коридоры; она рассортировала бусы (они использовались вместо пуговиц) и разложила их по металлическим крышкам от баночек из-под аспирина; она нарезала старые лайковые перчатки на квадраты, из которых Под потом шил туфли; она наточила иголки из рыбьих косточек тоньше пчелиного жала; она повесила белье сушиться у оконной решетки, и оно тихо покачивалось там под легким ветерком; и наконец наступил день, когда Хомили, мывшая щеткой столешницу кухонного стола, распрямила спину и позвала:

– Под!

Он вышел из мастерской, держа в руке сапожную колодку.

– Погляди только на эту щетку! – вскричала она. Щетка была из жесткого волокна, переплетенного косицами с тыльной стороны.

– Ага, – сказал Под, – совсем вытерлась.

– Все костяшки ободрала, пока вымыла стол, – сказала Хомили.

Под встревожился. С того дня, как его увидели, он добывал только на кухне, и то самое необходимое – топливо и еду. Под плитой наверху была заброшенная мышиная нора, и ночью, когда огонь в плите был погашен, Под использовал ее как спуск, чтобы не носить вещи кругом. После несчастного случая на портьере они подставили под дыру комод из спичечных коробков, нагромоздили на него табурет, и с помощью Хомили, которая подталкивала и подпихивала его снизу, Под выучился пролезать через спуск наверх. Теперь ему не надо было рисковать, пробираясь в кухню через холл и коридоры, он мог просто выскочить из-под огромной черной плиты и взять зубок чеснока, или морковку, или аппетитный ломтик ветчины. Но не надо думать, что это было очень просто. Даже если огонь в плите был погашен, часто на поду оставалась горячая зола и даже угли, а однажды, когда он выбирался наружу, миссис Драйвер чуть не смела его в кучу мусора огромной метлой, и он скатился вниз прямо на голову Хомили, обжегшийся и напуганный, и долго не мог откашляться, наглотавшись пыли. А в другой раз огонь по какой-то неизвестной причине горел во всю мочь, и Под вдруг оказался в настоящем пекле, где на него сыпались добела раскаленные глыбы угля. Но обычно ночью плита была холодная, и Под спокойно выбирался на кухню.

– Миссис Драйвер нет дома, – сказала Хомили. – У нее сегодня выходной. А Она (они всегда называли тетю Софи – Она) спокойно лежит у себя в спальне

– Да их-то я не боюсь, – сказал Под.

– Неужто мальчишка еще в доме?! – воскликнула Хомили. – Быть не может.

– Не знаю, – сказал Под. – Всегда есть риск, – добавил он.

– И всегда будет, – возразила Хомили. – Помнишь, однажды ты был в угольном чулане – и приехал фургон с углем?

– Но про этих двух – про миссис Драйвер и про Нее – я всегда знаю, где они.

– Ну что до этого, – воскликнула Хомили, – мальчик еще лучше! Мальчика за милю слышно. Что ж, – продолжала она, помолчав, – делай как знаешь. А только непохоже на тебя толковать о риске...

Под вздохнул.

– Ладно, – сказал он и пошел за своим походным мешком.

– Возьми девочку! – крикнула Хомили ему вслед.

Под обернулся.

– Право, Хомили... – начал он встревоженно.

– Почему нет? – ворчливо спросила Хомили. – Сегодня самый подходящий день. Ты не пойдешь дальше парадной двери. Если ты волнуешься, оставь ее под курантами, она в одну секунду сможет нырнуть вниз и убежать. Дай ей хоть выглянуть наружу Арриэтта!

Арриэтта вбежала в комнату Под попытался снова возразить жене.

– Послушай, Хомили!.. – протестующе начал он.

Но Хомили словно и не слышала его.

– Арриэтта, – весело сказала она, – хочешь пойти с папой добыть для меня щетинки на щетку из коврика для ног в холле?

Арриэтта подпрыгнула на месте.

– Ах! – воскликнула она. – Мне можно?

– Сними передник, – продолжала Хомили, – и переобуйся. Когда идешь добывать, нужна легкая обувь. Надень, пожалуй, свои красные лайковые туфли.

И когда Арриэтта, кружась, выбежала из комнаты, она обернулась к Поду.

– Все будет в порядке, – сказала она, – вот увидишь.

Арриэтта шла за отцом по темным переходам, и сердце все чаще и чаще билось у нее в груди. Сейчас, когда наступил наконец этот долгожданный миг, она еле могла

совладать с волнением. Она вся дрожала, ей казалось, что у нее внутри совсем пусто, что она ничего не весит.

У них было три мешка на двоих. «На случай, – объяснил ей Под, – если мы найдем что-нибудь интересное. Всегда нужно иметь запасной мешок, чтобы не упустить счастливый шанс». Когда они подошли к первым воротам, Под положил мешки на землю, чтобы открыть щеколду. Она была сделана из французской булавки, большой и слишком тугой, чтобы открыть ее руками. Арриэтта смотрела, как отец повис всем телом на защелкнутом острие, так что ноги у него болтались в воздухе, затем, перебирая руками, стал двигаться по острию к головке, пока булавка не открылась; в тот же миг он спрыгнул на землю.

– Ты бы этого не смогла, – сказал он, отряхивая руки, – ты слишком легкая. И мама не смогла бы. Ну пошли, только тихо.

Они миновали еще много ворот, и все их Под оставлял открытыми.

– Никогда не запирай ворота, когда идешь наверх, – шепотом объяснил он ей, – тебе может понадобиться быстро вернуться.

Наконец Арриэтта увидела впереди тусклый свет. Она потянула отца за рукав.

– Это оно? – шепнула Арриэтта.

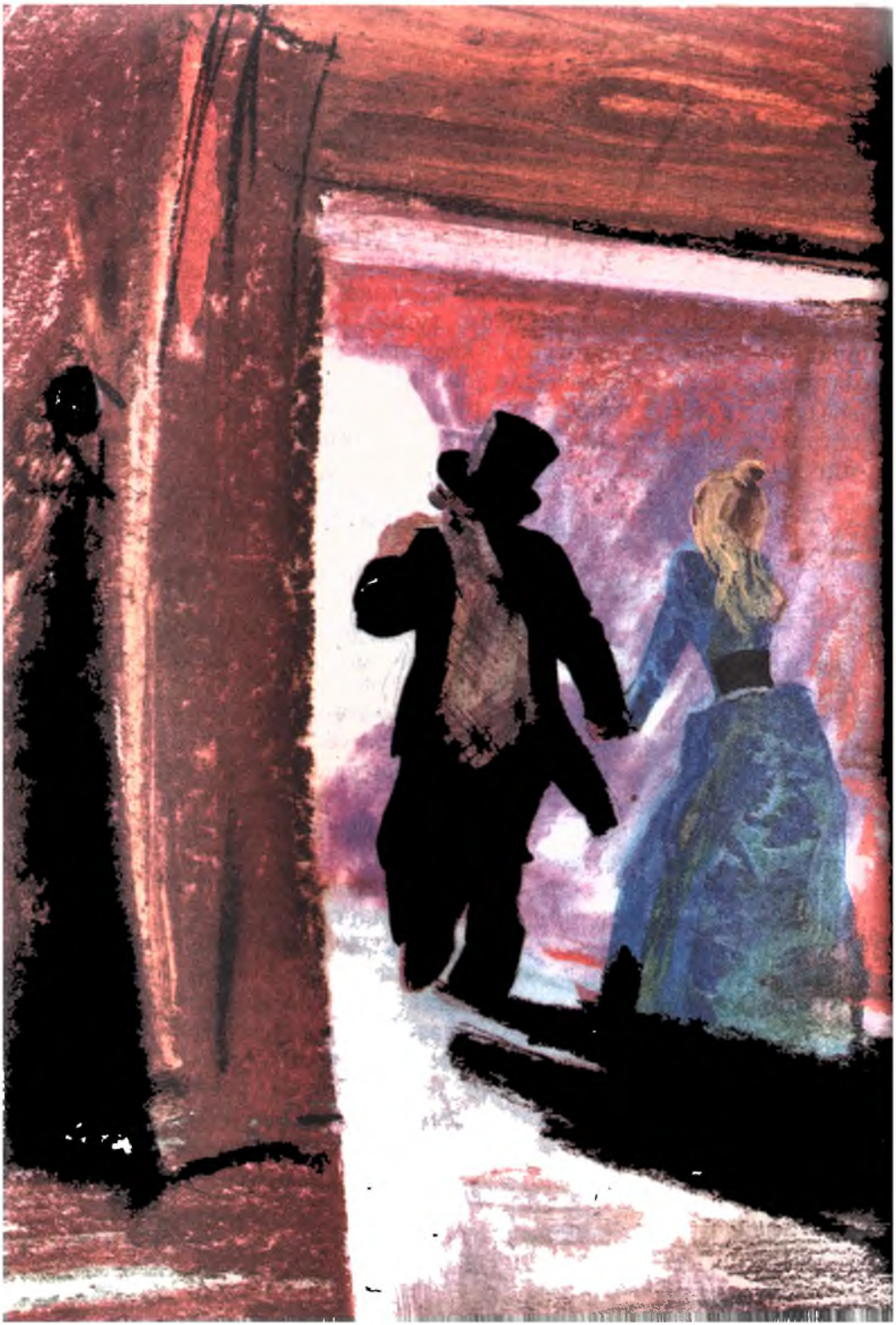
Под остановился.

– Спокойней, спокойней, – предупредил он ее. – Да, это дыра под курантами.

Арриэтта почувствовала, что у нее перехватило дыхание, но внешне она никак не выдала себя.

– Туда ведут три ступени, – продолжал Под, – они довольно крутые, так что смотри не оступись. Когда окажешься под курантами, оставайся там; будь внимательна и не своди с меня глаз. Если все спокойно и никого поблизости нет, я подам тебе знак.

Ступеньки были высокие и не совсем ровные, но Арриэтта взобралась на них легче, чем Под. Когда она протиснулась сквозь зазубренные края дыры, глаза ее



вдруг ослепило расплавленным золотом – это на каменных плитах холла лежало весеннее солнце. Она стала во весь рост, и пол исчез из виду; она оказалась в огромной пещере – футляре часов, где наверху смутно виднелись в темноте очертания висевших на цепях гирь. Мрак и пустота вокруг были наполнены размеренными, тяжелыми, гулкими звуками, они успокаивающе отдавались у нее в ушах; а высоко над головой Арриэтта увидела маятник, он слегка поблескивал в полумраке, осторожно, ритмически раскачиваясь взад-вперед. Арриэтта почувствовала на глазах горячие слезы, сердце ее внезапно переполнилось гордостью: так вот какие они – куранты. Их часы... в честь которых их семья звалась Курантами. Вот уже двести лет, как они стоят на этом месте, терпеливо охраняя вход в их дом, басовито отстукивая время.

На светлом фоне сводчатого выхода четко вырисовывалась фигура Пода, низко припавшего к земле.

– Не своди с меня глаз, – так он ей сказал, и Арриэтта тоже послушно сжалась в комок.

Она вновь увидела сверкающий золотом каменный пол холла – он уходил далеко-далеко от нее, – увидела края ковров, лежащих как многоцветные острова на расплавленном море солнца, и еще дальше она увидела во всем великолепии солнечного света открытые парадные двери – словно вход в волшебную страну, о которой она мечтала всю жизнь. За дверями была трава – настоящий лес, и где-то высоко – колеблемые ветерком зеленые ветки деревьев.

Глаза Пода сделали полный круг.

– Подожди! – шепнул он. – И смотри в оба.

И вдруг его не стало.

Арриэтта следила за тем, как он катится по залитому солнцем полу, быстро, как мышь или уносимый ветром листок... и внезапно она увидела его маленьким. «Но ведь он не маленький, – сказала она себе, – он на полголовы выше мамы». Она заметила, как он обогнул коричневый коврик для ног у порога и скрылся в тени у двери.

Казалось, он превратился в невидимку. Арриэтта смотрела и ждала. Было совсем тихо. Вдруг в часах, в темной пустоте над ее головой, раздался какой-то звук – не то скрип, не то скрежет, – а затем послышался бой. Часы пробили три раза, неторопливо, звучно. «Нравится вам это или не нравится, – казалось, говорили они, – но сейчас три часа, ровно три».

Внезапное движение у дверного порога, укрытого в тени, – и Арриэтта снова увидела Пода: с мешком в руках он стоял у коврика для ног, который доходил ему до колен, золотисто-коричневый, как ржаное поле. Арриэтта увидела, как он взглянул на часы, затем поднял руку

Ах, какие теплые были каменные плиты пола, по которым она бежала... каким радостным – солнечный свет на ее лице и руках... каким страшным – необозримое пространство вокруг! Под подхватил ее, прижал к груди и ободряюще похлопал по спине.

– Ну же, ну же, – сказал он, – отдышись... Вот и умница!

Все еще задыхаясь, Арриэтта поглядела вокруг. Она увидела огромные ножки стула, вздымающиеся вверх, увидела укрытую тенью нижнюю сторону сиденья, словно балдахин над головой, увидела гвозди, и брезентовые ленты, и болтающиеся кое-где концы шелковой обивки, и бечевку; она увидела крутые обрывы ступеней, огромными уступами уходящие в высоту, увидела резные ножки стола и темную пещеру под сундуком. И все это время в тишине звучал голос курантов, отсчитывающих секунды, вселяя в нее уверенность и покой.

А потом Арриэтта обернулась и посмотрела в сад. Она увидела гравийную дорожку, устланную цветными камнями величиной с грецкий орех, и пробивающиеся среди них кое-где зеленые травинки – прозрачные от солнца зеленые копья. Позади дорожки она увидела крутой травянистый склон, за ним – густую живую изгородь, а за изгородью – фруктовые деревья в цвету.

– Вот тебе мешок, – хриплым шепотом сказал Под, – пора браться за дело.

Арриэтта послушно стала выдергивать из коврика для ног волокна; они были жесткие и очень пыльные. Под работал быстро и методично; набрав пук волокон, он тут же клал его в мешок.

– Если придется внезапно убегать, надо, чтобы не осталось никаких следов, – объяснил он ей.

– Больно рукам, да? – сказала Арриэтта и чихнула.

– Мне нет, они у меня загрубели, – ответил Под, и Арриэтта снова чихнула.

– Пыльно, да? – сказала она.

Под выпрямился.

– Нет смысла дергать там, где волокно свалялось, – сказал он, глядя на нее. – Нечего удивляться, что тебе больно рукам. Послушай, – добавил он через секунду, – оставь. Ведь ты первый раз в жизни поднялась наверх. Посиди на ступенях и полюбуйся.

– Ах, нет... – начала Арриэтта. «Если я не буду помогать, – подумала она, – папа не возьмет меня в следующий раз».

Но Под настаивал:

– Мне даже лучше самому все надергать, – сказал он. – Могу выбрать то, что надо, понимаешь? Ведь щетку-то делать мне.

Глава восьмая

Ступени были теплые, но крутые. «Если я спущусь на дорожку, – подумала Арриэтта, – мне потом будет не взобраться обратно». Поэтому несколько минут она сидела спокойно. Но вот она заметила скобу для сапог.

– Арриэтта, – негромко позвал ее Под. – Куда ты подевалась?

– Я спустилась по скобе, – ответила она.

Под вышел из холла и посмотрел вниз.

— Ладно, — сказал он, — но помни: никогда не спускайся по тому, что не прикреплено. Представь: кто-нибудь из них подойдет и переставит скобу на другое место... Как ты попадешь обратно?

— Она слишком тяжелая, чтобы ее переставлять, — сказала Арриэтта.

— Может быть, — ответил Под, — но сдвинуть ее все же можно. Понимаешь, что я имею в виду? Есть правила, дочка, и тебе нужно выучить их назубок.

— Эта дорожка, — спросила Арриэтта, — идет вокруг всего дома? И склон тоже?

— Да, — ответил Под. — Ну и что из того?

Арриэтта поковыряла землю носком красной лайковой туфельки.

— Моя решетка, — объяснила она. — Моя решетка, верно, сразу за углом. Моя решетка выходит на этот склон.

— Твоя решетка! — воскликнул Под. — С каких это пор решетка стала твоей?

— Ты не разрешишь мне, — продолжала Арриэтта, — зайти за угол и позвать маму через решетку?..

— Нет, — сказал Под. — И думать не смей об этом. Никаких решеток! Никаких «зайти за угол»!

— Тогда мама увидела бы, — продолжала Арриэтта, — что со мной все в порядке.

— Ну, ладно, — сказал Под и улыбнулся. — Только быстро. Я тебя здесь посторожу. И не кричи.

Арриэтта пустилась бежать. Дорожка была хорошо утрамбована, и ее легкие туфельки, казалось, совсем не касались камней. Как замечательно бегать! Под полом не побежишь — там ходишь, ползаешь, пробираешься, но не бежишь. Арриэтта чуть не пробежала мимо решетки, но вовремя увидела ее, сразу, как завернула за угол. Да, это была она — почти у самой земли, глубоко врезанная в старую стену дома; перед ней зеленело неровное пятно плесени.

Арриэтта подбежала к решетке.

– Мама! – закричала она, прижав нос к железным прутьям. – Мамочка!

Она подождала немного и снова позвала. На третий раз Хомили услышала ее и подошла к окну. Волосы ее были растрепаны, в руках она с трудом несла крышку от банки из-под соленых огурцов, полную мыльной воды.

– Фу ты, – сердито сказала она, – и напугала же ты меня! Что случилось? Что ты тут делаешь? Где твой отец?

Арриэтта дернула головой направо.

– Там, за углом... у парадной двери.

Она была так счастлива, что ноги ее, не видные Хомили, сами собой плясали по земле. Наконец-то она по другую сторону решетки... снаружи... и глядит оттуда внутрь!

– Да, – сказала Хомили, – они всегда распахивают настежь парадные двери в первый весенний день. Ладно, – деловито продолжала она, – беги теперь к папе. И скажи ему, что если двери в кабинет открыты, я не буду возражать против кусочка красной промокашки. Отойди-ка, мне надо выплеснуть воду.

«Вот откуда здесь плесень, – подумала Арриэтта, во всю прыть направляясь к отцу, – от воды, которую мы выплескиваем через решетку».

Под облегченно вздохнул, увидев ее, но когда она передала ему слова Хомили, нахмурился.

– Как, она думает, я заберусь на конторку без шляпной булавки? Промокательную бумагу снизу не подберешь, надо забираться наверх; пора бы ей уже это знать! Ну пошли. Поднимайся сюда.

– Позволь мне остаться внизу, – умоляюще произнесла Арриэтта. – Самую чуточку. Пока ты не кончишь. В доме никого нет. Кроме Нее.

– Кто знает, а вдруг Она вздумает встать с постели и спуститься с палкой вниз? Кто знает, а вдруг миссис Драйвер не ушла сегодня из дома... Может быть, у нее

голова болит? Кто знает, а вдруг мальчишка все еще здесь?

– Какой мальчишка? – спросила Арриэтта.

На лице Пода отразилось смущение.

– Какой мальчишка? – неопределенно повторил он и затем продолжал: – Может быть, Крэмпфирл?..

– Но ведь Крэмпфирл не мальчишка, – сказала Арриэтта.

– Да, – согласился Под, – его мальчишкой не назовешь, нет, – он немного подумал, – не назовешь его мальчишкой. Нет, он не мальчишка... не совсем!.. Ладно, – сказал Под, уходя внутрь, – побудь там еще немножко. Только никуда не уходи!

Арриэтта подождала, пока он войдет в холл, затем огляделась вокруг. О радость! О счастье! О свобода! Солнце, трава, теплый ветерок и посередине зеленого склона, там, где он заворачивал за угол, огромное вишневое дерево в цвету! Под ним на дорожке густым слоем лежали розовые лепестки, а у самого ствола рос бледно-желтый, как сливочное масло, первоцвет.

Арриэтта бросила украдкой взгляд на ступени, затем, легкая, как танцовщица, понеслась в своих красных лайковых туфельках к лепесткам. У них были загнутые края, как у раковин, и они тихонько качались, когда она дотрагивалась до них.

Она подняла несколько лепестков и сложила их один в другой... все выше и выше, как карточный домик, а потом вновь рассыпала.

Отец снова вышел на крыльцо.

– Не уходи далеко, – сказал он.

Арриэтта увидела, как у него шевелятся губы, и улыбнулась в ответ; слов его она не расслышала: она уже была слишком далеко.

Зеленовато-серый жук бежал к ней по дорожке, сверкая под солнцем. Она коснулась ладошкой его панциря, и жук застыл в неподвижности; она убрала руку, и он быстро двинулся дальше. Деловито семеня, на

повороте показался муравей. Арриэтта запрыгала перед ним, чтобы его подразнить, и загородила ему ногой дорогу. Он уставился на нее, не зная, что делать, поводя усиками, затем с обиженными и сердитым видом побежал в другую сторону. На траву под деревом опустились две птицы, больше Арриэтты ростом, ссорясь громкими, пронзительными голосами. Одна из них улетела, но другая все еще была видна в траве на склоне над головой Арриэтты. Арриэтта осторожно стала пробираться наверх между травинками. Ей было немного страшно. Когда она раздвигала траву руками, большие капли воды капали ей на юбку, а красные лайковые туфельки скоро совсем промокли. Но Арриэтта шла вперед и вперед в чащобе лесных фиалок, мха и стелющихся по земле листьев клевера, время от времени спотыкаясь об узловатые корни трав. Травинки, такие острые на вид, оказались мягкими на ощупь и легко смыкались за ней. Но когда Арриэтта добралась до дерева, птица испугалась ее и улетела. Арриэтта села на пожухлый лист первоцвета. Воздух был напоен ароматом цветов. «Никто не хочет играть со мной», — подумала она. В трещинках и ложбинках листьев первоцвета прятались крупные хрустальные бусины росы. Когда Арриэтта нажимала на лист, они перекатывались, как крокетные шары. На склоне, под пологом высокой травы было тепло, даже жарко, сухо пахла земля. Встав, Арриэтта сорвала цветок первоцвета Розоватый стебель толщиной с ее руку, гибкий и покрытый нежным серебристым пушком, казался живым, а когда она подняла цветок, как зонтик, над головой, она увидела сквозь покрытые жилками лепестки слабо просвечивающее солнце. На куске коры Арриэтта заметила мокрицу и легонько ударила ее гибким цветком. Мокрица тут же свернулась в тугой мячик и мягко покатилась вниз в сырую траву. Но Арриэтта и дома часто играла с мокрицами, их было полно под полом. Хомили всегда бранила ее за это, она говорила, что от них пахнет, как от старых ножей. Арриэтта легла на спину среди

первоцвета — там не так пекло солнце и было прохладней, — затем, вздохнув, повернула голову и поглядела наверх между стеблями травы. И тут сердце чуть не выскочило у нее из груди. Над ней на склоне что-то двигалось. Что-то блестело. Что это могло быть?

Глава девятая

Это был глаз. Во всяком случае, оно было похоже на глаз. Ярко-синий, как небо над головой. Такой же как у нее, только огромный-преогромный. Сердитый глаз. Задохнувшись от страха, Арриэтта села. Глаз моргнул. Длинная бахрома светлых загнутых ресниц опустилась над ним и вновь взлетела вверх. Арриэтта осторожно двинула ногой — сейчас она скользнет бесшумно в траву и скатится по склону.

— Ни с места!.. — раздался голос; голос, как и глаз, был огромный, но вместе с тем приглушенный, он звучал как ветер, врывающийся к ним через решетку в грозовые мартовские ночи.

Арриэтта застыла. «Так вот оно, — подумала она, — самое худшее, самое ужасное, что могло случиться: меня увидели. То, что было с Эглтиной, будет сейчас со мной».

Наступило молчание; сердце громко стучало у Арриэтты в ушах, но даже сквозь его удары она слышала, как воздух вновь с глухим шумом наполнил огромные легкие.

— ...Не то, — продолжал голос, по-прежнему шепотом, — я ударю тебя прутиком.

И вдруг Арриэтта успокоилась.

— Почему? — спросила она.

Как странно звучал ее голос: он прозвенел в воздухе, тонкий и чистый, как звон хрустального колокольчика.

— А чтобы ты не прыгнула на меня, — раздался наконец удивленный шепот, — чтобы не поцарапала меня своими противными тощими руками.

Арриэтта уставилась на глаз, но с места не двинулась.

– Почему? – снова спросила она, и опять вопрос ее прозвенел как колокольчик... только теперь звон был холодный, как лед, и колючий, как иголка.

– Так бывает, – сказал голос. – Я сам видел. В Индии.

Арриэтта подумала о своем «Географическом справочнике Мальчика-с-пальчика».

– Но мы сейчас не в Индии, – сказала она.

– Ты вышла из дома?

– Да, – сказала Арриэтта.

– Откуда, из какой комнаты?

Арриэтта пристально поглядела прямо в глаз.

– Не скажу, – храбро промолвила она наконец.

– Тогда я ударю тебя прутиком.

– Ударь! – сказала Арриэтта. – Ударь!

– Я подниму тебя и сломаю пополам.

Арриэтта встала на ноги.

– Давай! – сказала она и сделала два шага вперед.

Раздался короткий вздох, и земля под ее ногами задрожала: он откатился от нее и сел в траве – гора в зеленой вязаной рубашке. У него были светлые прямые волосы и золотистые ресницы.

– Стой, где стоишь! – закричал он.

Арриэтта сердито уставилась на него. Так вот что это такое... мальчишка. От страха она казалась сама себе легкой-прелегкой.

– Тебе, верно, девять? – спросила она через минуту.

Он вспыхнул.

– Вот и нет! Десять! – Он поглядел на нее, тяжело дыша. – А тебе сколько?

– Четырнадцать, – сказала Арриэтта, – будет в июне, – добавила она, не отрывая от него взгляда.

Снова наступило молчание. Арриэтта ждала, все еще дрожа.

– Ты умеешь читать? – спросил наконец мальчик.

– Конечно, – ответила Арриэтта. – А ты разве нет?

– Н-нет, – запинаясь, проговорил он. – То есть да... То есть... я приехал из Индии.

– Ну и что с того? – спросила Арриэтта.

– Если ты родился в Индии, у тебя два языка. А если у тебя два языка, ты не можешь читать. Можешь, но не очень хорошо.

Арриэтта глядела на него во все глаза. «Ну и чудище, – думала она, – настоящая гора».

– А из этого вырастаешь? – спросила она.

Он чуть подвинулся, и она почувствовала, как от его тени на нее пахнуло холодом...

– О, да, – ответил он, – постепенно это проходит. У моих сестер тоже было два языка, а теперь больше нет. Они могут прочитать какую хочешь книжку из тех, что лежат в классной комнате.

– И я могу, – быстро проговорила Арриэтта. – Если кто-нибудь будет ее держать и переворачивать страницы. У меня один язык. Я все могу читать.

– А вслух – тоже можешь?

– Конечно, – сказала Арриэтта.

– Ты подождешь, пока я сбегаю наверх и принесу книгу?

– Что ж, – сказала Арриэтта; ей очень хотелось показать ему, как хорошо она читает, но тут в ее глазах промелькнул испуг. – Только... – с запинкой продолжала она.

– В чем дело? Что «только»? – Мальчик уже был на ногах. Он возвышался над ней, как башня.

– Сколько в этом доме дверей? – Она, прищурившись, глядела на него против света.

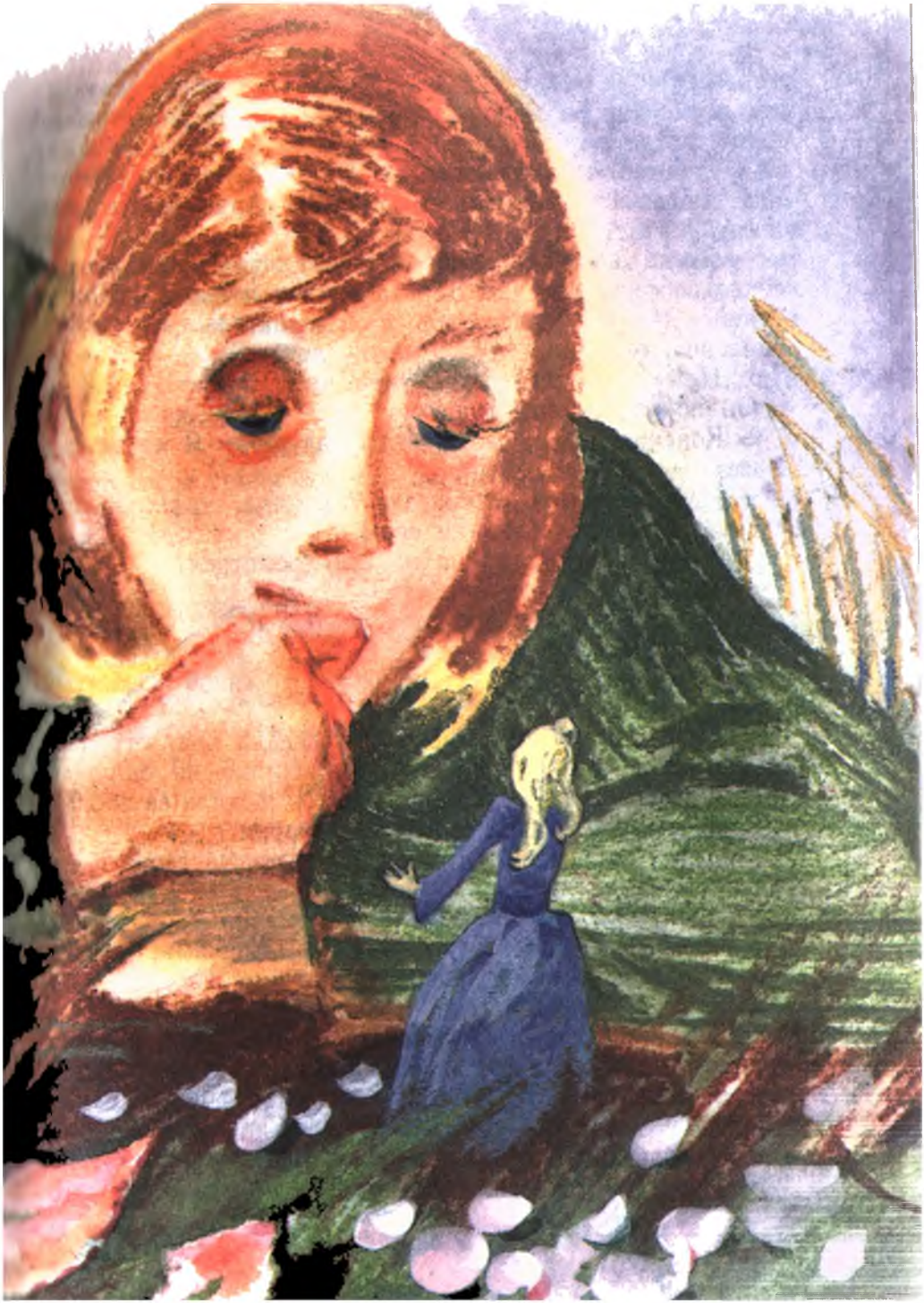
Он опустился на одно колено.

– Дверей? – переспросил он. – Наружных дверей?

– Да.

– Ну, парадная дверь, черный ход сзади, дверь из комнаты, где хранятся охотничьи ружья, дверь из буфетной... и французские окна в гостиной.

– Понимаешь, – сказала Арриэтта, – там, в холле,



мой отец. Он работает у парадной двери. Он... он не любит, когда ему мешают.

– Работает? – спросил мальчик. – А что он делает?

– Добывает материал, – сказала Арриэтта, – для щетки.

– Тогда я пойду через черный ход. – Он сделал несколько шагов, но вдруг остановился и снова подошел к ней. Минуту он стоял в замешательстве, затем, покраснев, спросил: – Ты умеешь летать?

– Нет, – удивленно ответила Арриэтта. – А ты?

Он покраснел еще гуще.

– Конечно, нет, – сердито сказал он. – Я не эльф и не фея.

– И я тоже нет, – сказала Арриэтта. – Их вообще не существует. Я в них не верю.

Мальчик как-то странно на нее посмотрел.

– Ты в них не веришь?

– Нет, – сказала Арриэтта. – А ты?

– Конечно, нет!

«Право же, – подумала она, – какой сердитый мальчик».

– Моя мама в них верит, – сказала она, стараясь умилостивить его. – Она говорит, что видела однажды одного эльфа. Еще когда была девочкой и жила со своими родителями за песчаной кучей у гончарни.

Мальчик присел на корточки, и она почувствовала его горячее дыхание на своем лице.

– На что он был похож? – спросил он.

– Ростом со светлячка и с крылышками, как у стрекозы. У него было крошечное личико, рассказывала мама, оно светилось и словно искрилось, и крошечные ручки. Личико все время менялось, улыбалось и как будто мерцало. Казалось, рассказывала она, что он что-то говорит, очень быстро, но ей не было слышно ни звука.

– Ах! – воскликнул мальчик. – Как интересно! А куда он подевался?

– Исчез, – сказала Арриэтта. – Когда мама его

увидела, ей показалось, что он запутался в паутине. Но было темно. Это случилось после чая. А зимой в пять часов уже темно.

– О-о-о!.. – протянул мальчик и, подняв с земли два листка вишни, сложил из сэндвичем и принялся медленно жевать. – Представь, – сказал он, уставившись глазами в стену дома, – что ты увидела посредине портьеры маленького человечка величиной с карандаш, с синей заплатой на штанах и с кукольной чашкой в руке... ты бы не подумала, что это эльф?

– Нет, – сказала Арриэтта, – я бы подумала, что это мой папа.

– Да? – произнес мальчик и нахмурился. – А у твоего папы синяя заплата на штанах?

– Не на парадных. На тех, в которых он ходит на работу.

– О-о-о!.. – снова протянул мальчик. – А много таких человечков, как он?

– Нет, – ответила Арриэтта. – Мы не похожи друг на друга.

– Я хочу сказать – таких крошечных.

Арриэтта рассмеялась.

– Ну, не будь дурачком, – сказала она. – Не думаешь же ты, что на свете много человеков такой величины, как ты!

– Куда больше, чем таких, как ты! – запальчиво возразил он.

– Честно... – начала Арриэтта и снова рассмеялась. – Неужели ты на самом деле думаешь... ты только представь себе, что бы было тогда на свете! Такие огромные стулья... я их видела. Представляешь – делать такие стулья для всех! А материя на одежду?.. Ее понадобились бы целые мили... А огромные дома... такие высокие, что и потолка не видно... а огромные кровати... А еда!.. Сколько понадобилось бы еды! Целые озера супа, трясины желе, горы мяса и овощей!

— А вы разве не едите супа? — спросил мальчик.

— Конечно, едим, — засмеялась Арриэтта. — У моего папы был дядя, у которого была лодочка, и он катался в кастрюле с бульоном и подбирал все, что там плавало зря. А иногда забрасывал удочку на дно, чтобы подцепить кусочек костного мозга. Но потом кухарка заподозрила неладное, когда ей стали попадаться в супе согнутые булавки. Однажды он чуть не потерпел крушение, когда налетел на затонувшую сахарную кость. Дядя потерял весла, в лодке сделалась течь, но он закинул удочку на ручку кастрюли и подтянулся к ее краю. Сколько там было бульона!.. Дна не видно! А кастрюля! Я хочу сказать, такие громады скоро всю бы землю объели.. ничего бы не осталось. Вот почему хорошо, говорит папа, что они вымирают... «Нам много не надо, говорит папа, несколько штук — и все, чтобы нас обеспечить. Хорошенького, говорит он... — она приостановилась, стараясь вспомнить слова отца, — понемножку». Он говорит...

— Погоди, — прервал ее мальчик, — что значит «нас обеспечить»?

Глава десятая

И Арриэтта рассказала ему о том, как они добывают то, что им нужно, какая это трудная и опасная работа. Она рассказала ему о кладовых в подполье, о подвигах Пода в его молодые годы, о его ловкости и мужестве; описала те далекие времена, еще до ее рождения, когда Под и Хомили были богаты и у них была музыкальная табакерка, покрытая золотой филигранью, и крошечная птичка, сделанная из перышек зимородка, вылетавшая из табакерки, — она хлопала крылышками и пела песенку, и кукольная мебель, и малюсенькие стаканчики из зеленого стекла, серебряный чайник из горки в гостиной, атласное покрывало и вышитые простынки... «Они у нас до сих пор есть, — сказала Арриэтта, — это Ее носовые

платки...» Она, как мало-помалу догадался мальчик, была тетя Софи наверху. Он узнал, как Под добывал вещи в Ее спальне, пробираясь при свете камина среди безделушек на туалетном столике; он даже залезал наверх по пологу и расхаживал у Нее по одеялу. А Она следила за ним глазами, а иногда даже разговаривала с ним, потому что, объяснила Арриэтта, каждый день в шесть часов вечера Ей приносили графинчик доброй старой мадеры, от которой к полуночи не оставалось ни капли. Никто ее не винил, даже Хомили, потому что, как говорила Хомили, у Нее, бедняжки, так мало осталось удовольствий в жизни. И после первых трех рюмок, объяснила Арриэтта, Она не верила ничему, что видели ее глаза!

– Она думает, что папа вылезает из графина, – сказала Арриэтта. – Когда-нибудь, когда я стану постарше, он и меня возьмет к Ней, и Она подумает, что я тоже вылезла из графина. Ей это будет приятно, говорит папа, Она к нему привязалась. Однажды он взял к Ней маму, и тетя Софи очень обрадовалась и потом все спрашивала, почему мама больше не приходит, и говорила, что ей разбавляют мадеру водой, потому что один раз она видела маленького мужчину и маленькую женщину, а теперь видит лишь одного мужчину.

– Хорошо бы, если бы она и про меня думала, что я вылез из графина, – сказал мальчик. – Она учит меня писать, диктует мне диктанты. Я вижу ее только по утрам, а по утрам она сердитая. Она посылает за мной, смотрит, чистые ли у меня уши, и спрашивает миссис Драйвер, выучил ли я урок.

– А на что похожа миссис Драйвер? – спросила Арриэтта. (Как восхитительно было разговаривать вот так, небрежно, о миссис Драйвер!.. Как храбро с ее стороны!)

– Она толстая, у нее растут усы, и когда она купает меня, она изо всей силы трет мочалкой по синякам и ссадинам и говорит, что – дай только срок! – отшлепает меня туфлей. – Мальчик выдрал пук травы и стал его

разглядывать. Арриэтта заметила, что губы его дрожат. – А моя мама очень хорошая, – продолжал мальчик. – Она живет в Индии... А почему вы потеряли все свои богатства?

– Понимаешь, наверху, в кухне, лопнул кипятильник, и наш дом залило горячей водой. Все вещи прибило к оконной решетке. Папа работал день и ночь не покладая рук. Сначала в горячей воде, потом в холодной. Пытался спасти имущество. Это было в марте, и внизу был ужасный сквозняк. Папа простудился и заболел; он не мог больше ходить наверх. Поэтому работать пришлось дядюшке Хендрири и другим, и мама отдала им все наши вещи одну за другой за их труды. Птичка из музыкальной табакерки испортилась от воды, перышки выпали, и наружу вылезла колючая пружина. Папа поставил пружину на дверь, чтобы та плотней закрывалась и не было сквозняка, а перышки мама приладила к своей кротовой шляпке. Потом родилась я, и папа снова стал добывать. Но теперь он быстрее устает и не любит лазать по портьерам, особенно когда оторваны бомбошки...

– Я ему немного помог, – сказал мальчик, – тогда, с чашкой. Он весь дрожал. Я думаю, он испугался.

– Папа испугался?! – сердито воскликнула Арриэтта. – Испугался тебя?!

– Может, он не любит высоты? – сказал мальчик.

– Он любит высоту, – возразила Арриэтта. – Чего он не любит – так это портьер. Я же тебе сказала. Он от них устает.

Мальчик сидел на корточках, задумчиво жуя травинку.

– Добывать – вы так это называете? – сказал он наконец.

– А как иначе это можно назвать? – спросила Арриэтта.

– Я бы назвал это – красть.

Арриэтта рассмеялась. Она смеялась до упаду, до слез.

– Но нас же зовут – добывайки, – объяснила она, – как вас – человеки – или как там? Мы часть

этого дома. Ты еще скажи, что камин крадет уголь у ведерка для угля.

– Тогда что такое воровство?

У Арриэтты сделался серьезный вид.

– Предположим, дядя Хендрири добыл часы с изумрудами с Ее туалетного стола, а папа забрал их и повесил у нас на стене. Вот это воровство.

– Часы с изумрудами! – воскликнул мальчик.

– Не важно что; я сказала «часы», потому что у нас висят такие часы в столовой, но их папа добыл своими руками. Это может быть что угодно – кусок сахара хотя бы. Но мы никогда ничего не воруем.

– Только у людей! – сказал мальчик.

Арриэтта снова рассмеялась. Она до того досмеялась, что ей пришлось спрятать лицо в цветок.

– Ой, умора! – чуть не плача от смеха, сказала она. – Ну и чудак же ты! – Она подняла глаза на его недоумевающее лицо. – Людей нарочно сделали для добываек... как хлеб для масла!

Мальчик несколько минут сидел молча. Под порывом ветра зашелестели вишни, закачались розовые цветы.

– Нет, я этому не верю, – сказал он наконец, глядя, как слетают вниз лепестки. – Я не верю, что нас сделали для вас, ни капельки не верю; и не верю, что мы вымираем!

– Ну какой ты непонятливый! – нетерпеливо воскликнула Арриэтта, глядя ему в подбородок. – Где твой здравый смысл? Ты – единственный человек, которого я видела, хотя я знаю, что есть еще трое – Она, миссис Драйвер и Крэмпфирл. Но я знаю кучу добываек – Надкаминных, и Клавесинов, и Захомутников, и Утюгов, и Плинтусов, и Подсундучных, и... и... и преподобного Джона Стаддингтона, и...

Мальчик посмотрел вниз.

– Джона Стаддингтона? Но это же наш двоюродный дедушка.

– Эта семья жила за его портретом, – продолжала

Арриэтта, слушая его вполуха, – а еще здесь жили Запечники, и Гонги, и...

– Хорошо, – прервал он ее. – А ты их видела?

– Я видела Клавесинов. А моя мама сама из Гонгов. Другие жили здесь еще до моего рождения...

Мальчик наклонился еще ниже.

– Так где же они теперь, ну-ка, скажи.

– Дядюшка Хендрири живет за городом, – холодно произнесла Арриэтта, отодвигаясь от его огромного лица; она заметила, что оно было покрыто светло-золотистым пухом. – Вместе со своими детьми Клавесинами и Курантами.

– Ну а где другие?

– Кто где, – сказала Арриэтта, а про себя подумала: а правда – где? От мальчика падала на нее наискосок большая тень, и Арриэтта вдруг вздрогнула, словно от холода.

Он снова отодвинулся, его большая светловолосая голова закрывала от нее небо.

– Так вот, – медленно произнес он, и глаза его были холодны как лед. – Я видел только двух добываек – твоего отца и тебя, но я видел сотни, и сотни, и сотни, и сотни...

– Нет, – прошептала Арриэтта.

– ...Людей. – И он снова сел.

Арриэтта застыла на месте. На мальчика она не глядела. Немного погодя она сказала еле слышно:

– Я тебе не верю.

– Ну так слушай, – сказал он.

И мальчик рассказал ей о железнодорожных станциях и футбольных матчах, об автогонках, о демонстрациях и о концертных залах. Он рассказал ей про Индию и Китай, Северную Америку и Великобританию. Он рассказал ей про летние ярмарки.

– Не сотни, – сказал он, – а тысячи, миллионы, миллиарды больших, огромных, громадных людей. Теперь веришь?

Арриэтта испуганно глядела на него; она так задрала голову, что у нее заболела шея.

– Не знаю, – прошептала она.

– А что до вас, – продолжал он, опять наклоняясь к ней, – я думаю, на свете больше нет добываек. Я думаю, вы трое – единственные, кто остались в живых, – сказал он.

Арриэтта спрятала лицо в чашечке первоцвета.

– Этого не может быть, – прошептала она. – А дядя Хендрири? А тетя Люпи и двоюродные братцы?

– Все перемерли, спорю на что хочешь, – сказал мальчик. – Мало того, – продолжал он, – мне никто не поверит, что я видел даже тебя. И ты будешь самой последней, потому что ты самая молодая из вас. Наступит день, – торжествующе улыбаясь, сказал он, – когда ты будешь единственной добывайкой на свете. – Он сидел неподвижно, ожидая ответа, но Арриэтта не подняла на него глаз. – Ну вот, теперь ты ревешь! – заметил он через минуту.

– Они не умерли, – сказала Арриэтта сдавленным голосом; она шарила в кармане в поисках носового платка. – Они живут в барсучьей норе через два поля отсюда, за рощей. Мы не ходим к ним в гости, потому что это для нас далеко. И нам могут встретиться горностаи, и коровы, и лисы, и... вороны...

– За какой рощей? – спросил мальчик.

– Не знаю! – Арриэтта чуть не кричала. – Туда надо идти вдоль газопровода... по полю, которое называется Паркинс-Бек! – Она высморкалась. – Я пошла домой, – сказала она.

– Не уходи, – попросил мальчик, – побудь еще здесь.

– Нет, пойду, – сказала Арриэтта.

Мальчик покраснел.

– Погоди, пока я принесу книжку, – умоляюще произнес он.

– Я не стану читать тебе, – сказала Арриэтта.

– Почему?

Она сердито посмотрела на него.

– Потому...

– Послушай, – сказал он, – я пойду на то поле. Пойду и найду дядюшку Хендрири. И двоюродных братцев. И тетю как-там-ее-зовут. И если они живы, я тебе об этом скажу. Ну как, хочешь? Ты можешь написать им письмо, и я отнесу его в норку...

Арриэтта взглянула на него, широко открыв глаза.

– Правда? – радостно прошептала она.

– Провались я на этом месте! Можно я пойду принесу книгу? Я пойду с черного хода.

– Хорошо, – не слушая его, сказала Арриэтта. Глаза ее сияли. – Когда мне отдать тебе письмо?

– Когда хочешь, – сказал мальчик, вставая во весь рост. – Ты где живешь?

– Под... – начала Арриэтта и вдруг замолчала. Почему ее вдруг снова охватил озноб? Только ли из-за его тени, которая загораживает от нее солнце, – ведь он стоит, как башня, у нее над головой. – Я положу его куда-нибудь, – торопливо сказала она. – Я положу его под ковер в холле.

– Под который? Тот, что у входа?

– Да.

И он исчез. А Арриэтта осталась сидеть на солнце,

по самые плечи в траве. То, что с ней произошло, было так невероятно, так огромно, что она не могла охватить это мыслью, не могла поверить, что это действительно случилось. Ее не только увидели – с ней говорили; с ней не только говорили, она сама...

– Арриэтта! – послышался голос.

Она испуганно вскочила на ноги и обернулась – на дорожке стоял Под и глядел на нее.

– Спускайся вниз, – шепнул он.

Несколько мгновений она глядела на него во все глаза, словно не узнавая; какое круглое у него лицо, какое доброе!

– Быстренько, – повторил он.

На этот раз голос его звучал тревожнее, и она послушно юркнула в траву и скользнула вниз по крутому склону, не выпуская цветка из рук.

– Положи эту штуку, – сердито сказал Под, когда Арриэтта наконец стояла с ним рядом. – Ты не можешь тащить с собой такой большой цветок. Тебе надо мешок нести. Зачем ты туда забралась? – ворчливо продолжал он, в то время как они шагали по гравию дорожки. – Я бы мог тебя там и не заметить. Надо торопиться, у мамы давно готов чай.

Глава одиннадцатая

Хомили уже поджидала их у последних ворот. Она причесалась и благоухала дегтярным мылом. Она выглядела моложе, чем всегда, и как-то празднично.

– Ну как?! Ну как?! – несколько раз повторила она, забирая у Арриэтты мешок и помогая Поду запереть ворота. – Ну как, понравилось тебе? Ты хорошо себя вела? А вишня расцвела? А куранты играли? – Казалось, она хочет прочитать ответ на лице Арриэтты, но кругом было слишком темно. – Пошли скорее. Чай давно готов. Дай мне руку...

Чай и правда был готов, стол накрыт в столовой, в очаге пылал яркий огонь. Какой привычной была эта комната, какой уютной... и вдруг она показалась девочке незнакомой! В отблесках огня возникла строка на стене: «...было бы так чудесно, если бы...» «Если бы что?» — часто спрашивала себя Арриэтта. Если бы наш дом был не таким темным, подумала она, это было бы чудесно. Она смотрела на самодельные свечи, наколотые на перевернутые кнопки, которые Хомили поставила как подсвечники на стол, на старенький чайник из пустого желудя с носиком из гусиного пера и ручкой из проволоки — время отполировало его до блеска. Чего только не было на столе! Два поджаренных ломтика каштана, которые они будут есть с маслом, как гренки, и холодный вареный каштан, который Под нарежет, как хлеб, целая тарелка сушеной смородины, как следует набухшей у огня, крошки от булочки с корицей, хрустящие и золотистые, чуть присыпанные сахаром, и — о восторг! — перед каждым из них на тарелке — консервированная креветка. Хомили поставила парадные серебряные тарелки (шиллинги для Арриэтты и себя и полкроны — для Пода).

— Не копайся, Арриэтта, садись за стол, если ты уже вымыла руки! — воскликнула Хомили. — О чем ты замечталась?

Арриэтта пододвинула к столу катушку и медленно опустилась на нее. Она смотрела, как мать берется за носик чайника, — это всегда был интересный момент. Более толстый конец пера находился внутри чайника, и, перед тем как наливать, надо было слегка дернуть на себя носик — тогда он крепко закупоривал отверстие и вода не проливалась на стол. Если вода все же просачивалась наружу, надо было дернуть перо посильнее и чуть-чуть повернуть.

— Ну, — сказала Хомили, осторожно наливая кипяток в чашки, — расскажи нам, что ты видела.

— Она не так уж много видела, — сказал Под, отре-

дай ломтик вареного каштана, чтобы есть с ним креветку.

– Она не видела украшений над камином?

– Нет, мы не заходили в кабинет.

– А как же промокательная бумага, которую я просила?

– Я ее не принес.

– Хорошенькое дело... – начала Хомили.

– Хорошенькое или нет, – сказал Под, методично пережевывая каштан, – а только у меня были мурашки. Да еще какие!

– Что это такое? – спросила Арриэтта. – Что за мурашки?

– На затылке и в пальцах, – сказала Хомили. – Отец чувствует их, когда... – она понизила голос, – когда кто-нибудь поблизости есть.

– О!.. – произнесла Арриэтта и съежилась.

– Вот потому-то я и повел ее скорее домой, – сказал Под.

– А там был кто-нибудь? – встревоженно спросила Хомили.

Под сунул в рот большой кусок креветки.

– Наверное, был, хотя я никого не видел.

Хомили перегнулась через стол.

– А у тебя были мурашки, дочка?

Арриэтта вздрогнула.

– Ах! – воскликнула она. – Разве они у нас у всех есть?

– Да, только в разных местах, – ответила Хомили. – У меня они начинаются у лодыжек и ползут до колен. У моей матушки начинались под подбородком и охватывали всю шею...

– ...И завязывались сзади бантом, – вставил Под с набитым ртом.

– Ну какой ты, право, – запротестовала Хомили. – Это же факт. Нечего смеяться. У всех Гонгов так. Вроде воротника, – говорила она.

— Жаль, что он ее на задушил, — сказал Под.

— Ах, Под, Под, будь справедлив, у нее были свои хорошие стороны.

— Стороны! — воскликнул Под. — Да с какой стороны ни смотри, хорошего там видно не было.

Арриэтта облизнула губы и перевела тревожный взгляд с отца на мать.

— У меня не было никаких мурашек, — сказала она.

— Ну, — отозвалась Хомили, — может, это была ложная тревога.

— Нет-нет, не лож... — начала Арриэтта, но, увидев внимательный материнский взгляд, запнулась, — я хочу сказать, раз у папы они были... А вдруг у меня их вообще не будет?

— Ты еще маленькая, — сказала Хомили. — Все в свое время. И мурашки тоже у тебя появятся. Становись под скатом на кухне, когда миссис Драйвер разгребает уголь в плите. Стань на табурет или что-нибудь другое, чтобы быть поближе к потолку. Увидишь, как они по тебе поползут... Все дело в практике.

После чая, когда Под взялся за сапожную колодку, а Хомили за мытье посуды, Арриэтта бросилась к дневнику. «Я открою его, — подумала она, дрожа от нетерпения, — на любом месте». Дневник раскрылся на девятом и десятом июля. «Поспешишь — людей насмешишь» — гласила надпись за девятое число. А наверху следующей страницы она прочитала: «Куй железо, пока горячо». Эту страничку Арриэтта и вырвала. Перевернув ее, она прочитала изречение, относящееся к одиннадцатому числу: «Нет розы без шипов». «Нет, — подумала она, — уж лучше десятое: «Куй железо, пока горячо». И, зачеркнув последнюю свою запись («Мама не в духе...»), она написала под ней:

«10 ИЮЛЯ

Куй железо, пока горячо

. Дорогой дядя Хендрири, надеюсь, у тебя все в порядке, и у братцев тоже все в порядке, и у тети Люпи. У нас все в порядке, и я уже учусь добывать. Твоя любящая племянница Арриэтта Курант.

Напиши, пожалуйста, мне письмо на обратной стороне бумажки».

– Что ты делаешь, Арриэтта? – окликнула ее из кухни Хомили.

– Пишу дневник.

– А! – коротко отозвалась Хомили.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросила Арриэтта.

– Успеется, – ответила Хомили.

Арриэтта сложила письмо и аккуратно засунула его между страниц «Географического справочника Мальчика-с-пальчика», а в дневнике записала: «Ходила добывать. Написала д. Х. Разговаривала с М.». После чего села у очага и, уставившись в огонь, принялась думать...

Глава двенадцатая

Но одно дело было написать письмо и совсем другое – засунуть его под дверной коврик. В течение нескольких дней Пода нельзя было уговорить подняться наверх, он с головой ушел в ежегодную генеральную уборку кладовых – чинил перегородки, мастерил новые полки. Обычно Арриэтта очень любила эти весенние чистки, когда они разбирали свои запасы, извлекали на свет полузабытые сокровища и находили новое применение старым вещам. Она с наслаждением перебирала лоскутки шелка, разрозненные лайковые перчатки, огрызки карандашей, ржавые лезвия, шпильки и иголки, высохшие винные ягоды, орешки фундук, покрытые белым налетом кусочки шоколада и ярко-красные палочки сургуча. Однажды Под

смастерил ей щетку для волос из зубной щетки, а Хомили сшила шаровары из двух пальцев от шерстяной перчатки, «чтобы могла ходить утром гулять». Там были десятки трубочек цветного шелка, и катушек с бумажными нитками, и маленьких клубочков шерсти всех цветов, металлические перья для ручек, которые Хомили использовала как совки для муки, и огромное количество бутылочных пробок.

Но на этот раз Арриэтта нетерпеливо бродила вокруг и – когда только могла – подходила к решетке посмотреть, не появился ли мальчик. Она теперь всегда держала письмо при себе, засунув под кофточку, и листок уже обтрепался по краям. Один раз мальчик пробежал мимо; она видела его ноги в шерстяных чулках; он издавал горлом звуки, похожие на пыхтенье какой-то машины, и, завернув за угол, испустил пронзительное «у-у-у-у-у-у!.. у-у!..» (паровозный гудок, как он потом ей объяснил), поэтому и не услышал, как она его позвала. Как-то вечером Арриэтта выскользнула из дома и прокралась к первым воротам, но как она ни раскачивалась на булавке, отстегнуть ее не смогла.

Каждый раз, подметая столовую, Хомили ворчала по поводу промокашки.

– Я понимаю, что надо забираться на стул и на портьеры, – говорила она Поду, – но сколько времени уйдет, чтобы добыть с секретера кусок промокашки? Четверть часа, не больше, особенно если ты прихватишь шляпную булавку с тесьмой... Поглядеть на наш пол, так можно подумать, что мы живем в мышиной норе. Никто не может упрекнуть меня, что я чересчур запасливая хозяйка, – продолжала Хомили. – Где уж мне, не из такой я семьи, но я люблю, чтобы в доме было уютно.

И вот на четвертый день Под сдался. Он положил молоток (молоточек-язычок от электрического звонка) и сказал Арриэтте:

– Пошли...

Как она рада была увидеть наконец кабинет – дверь,

к счастью, стояла настежь, – как интересно, усевшись на толстом ковре посреди комнаты, рассматривать камин, и каминную доску, и знаменитые украшения над ней – все эти полочки, и колонки с капителями, и пилястры, и фронтоны! Так вот где они жили, подумала Арриэтта, эти любители удовольствий, веселые и гордые, которые ни с кем не водили знакомства! Она представила себе Надкаминных – женщин с осиными талиями и взбитыми волосами, как носили при короле Эдуарде, – представила, как беззаботно скользили они вниз по пилястрам, смеющиеся, легкие, проворные, как любовались собой во вделанное над камином зеркало, где отражались нарядные табакерки, и граненые графины, и полки с книгами, и стол, покрытый плюшевой скатертью. Она видела в воображении Надкаминных-мужчин – светловолосых, с длинными усами и нервными тонкими пальцами. Они курили, и пили вино, и рассказывали друг другу остроумные истории. Значит, Хомили никогда не приглашали к ним наверх! Бедняжка Хомили с длинным носом и всегда растрепанными волосами... Они бы взглянули на нее холодно своими улыбающимися глазами, подумала Арриэтта, усмехнулись и, напевая про себя, отвернулись бы в другую сторону. Они ели только то, что подавали на завтрак: гренки, яйца, сыр, колбасу и хрустящий поджаренный бекон, – пили крошечными глоточками кофе и чай. «Где они сейчас? – подумала Арриэтта. – Куда могли переселиться такие существа?..»

Под подкинул булавку так, что она вонзилась в мягкое сиденье стула, и в тот же миг уже поднимался по ножке, откинувшись всем телом назад и перебирая тесьму руками. Затем, вытянув булавку из сиденья, вновь кинул ее, как дротик, высоко над головой в собранную складками ткань портьеры. «Пора!» – подумала Арриэтта и, нащупав под кофточкой драгоценное письмо, выскользнула из комнаты. В холле оказалось темнее, чем в первый раз, потому что дверь была закрыта, и когда Арриэтта бежала к коврику для ног, сердце громко билось

у нее в груди. Коврик был тяжелый, но она подняла один угол и подпихнула туда письмо ногой. «Ну, вот!» – сказала она и огляделась. Вокруг были одни тени. Тени и громкое тиканье часов. Она поглядела через огромную равнину пола туда, где вдалеке поднималась ввысь огромная лестница. «Еще один мир поверх этого мира, – подумала она, – мир над миром». И ее пронизала дрожь.

– Арриэтта, – тихо позвал Под, и она успела вбежать в комнату как раз вовремя, чтобы увидеть, как он, подтягиваясь по тесьме, быстро поднялся по портьере и повис чуть повыше секретера, затем легко спрыгнул на откидную доску, широко расставив ноги, и намотал несколько витков тесьмы себе на талию на всякий случай. – Я хотел, чтобы ты посмотрела, как это делается, – сказал Под, переводя дух. Когда он столкнул промокательную бумагу вниз, она легко поплыла по воздуху и наконец опустилась на пол в нескольких шагах – человеческих шагах – от секретера, свежая, ярко-розовая на выцветшем ковре.

– Начинай скатывать, – шепнул Под, – я сейчас спущусь.

И Арриэтта, став на колени, принялась скатывать промокашку, пока рулон не сделался слишком тугим и тяжелым для нее. Под быстро скатал его до конца и перевязал тесьмой, затем заколол тесьму булавкой. Взяв тяжелый рулон с двух концов, они понесли его, как маляры несли бы стремянку, под куранты и дальше, вниз и вперед...

Хомили даже не поблагодарила их, когда, тяжело дыша, они опустили рулон на пол перед дверью в столовую. У нее был испуганный вид.

– Ну наконец-то! – сказала она. – Слава богу! В доме опять этот мальчик. Я только что слышала, как миссис Драйвер говорила о нем Крэмпфирлу.

– О!.. – воскликнула Арриэтта. – Что она говорила?

Хомили внимательно взглянула на нее. Арриэтта

побледнела, она только сейчас поняла, что нужно было спросить: «Какой мальчик?» – но сказанного не воротишь.

– Ничего особенно страшного, – ответила Хомили, желая успокоить ее. – Просто я узнала, что он еще в доме. Ничего особенного. Миссис Драйвер сказала, что если он еще раз перевернет все ковры в холле, она отшлепает его туфлей.

– Перевернет ковры в холле? – эхом повторила за ней Арриэтта.

– Да. Она сказала Крэмпфирлу, что он три дня подряд переворачивает ковры в холле. Она сразу заметила это, сказала она, по тому, как они лежат. Вот эти ее слова про холл и встревожили меня, потому что ты и отец... Что с тобой, Арриэтта?.. Ты так побледнела... Ну, полно, помоги передвинуть мебель, и мы постелим новый ковер.

«Ах, – грустно думала Арриэтта, помогая матери вынимать вещи из спичечного комода, – три дня подряд он искал мое письмо и ничего не находил. Он, наверно, и надежду потерял... и больше не посмотрит».

В тот вечер она чуть ли не целый час стояла под скатом потолка, делая вид, что практикуется на мурашки, а на самом деле слушая разговор миссис Драйвер с Крэмпфирлом. Она узнала, что ноги миссис Драйвер замучили ее до смерти, и жалко, что она не заявила об уходе еще прошлой весной, и не выпьет ли Крэмпфирл еще глоточек, все равно в погребе вина больше, чем Ей выпить до конца Ее дней, и если кто-нибудь воображает, что миссис Драйвер будет мыть окна на втором этаже, так он сильно ошибается... Но на третий вечер, не успела Арриэтта слезть с табуретки, чтобы не упасть от усталости, как услышала голос Крэмпфирла:

– Если хотите знать, что я думаю, так я думаю, что он завел хорька.

И Арриэтта быстренько забралась снова на табурет и затаила дыхание.

– Хорька! – пронзительно вскрикнула миссис Драйвер. – Хорошенькое дело! Где же он его держит?

– Этого я не скажу, – отвечал ей Крэмпфирл низким, рокочущим басом. – Я одно знаю: он бродил по полям за Паркинс-Бек, все склоны облазал и вроде бы звал кого-то из кроличьих норок.

– В жизни такого не слыхивала! – сказала миссис Драйвер. – Дайте ваш стакан.

– Самую малость, – сказал Крэмпфирл. – Хватит. На печень действует... слишком сладко... это вам не пиво, тут и спору нет. Да, – продолжал он, – когда он увидел, что я иду с ружьем, он притворился, будто вырезает себе палку. Но я-то его уже давно заприметил и слышал, как он кричал. Носом прямо в кроличью норку. Провались я на этом месте, если он не завел хорька! – Арриэтта услышала, как он отпил и поставил стакан на стол. – Да, – сказал он наконец, – хорька по имени какой-то дядя.

Арриэтта невольно дернулась всем телом, секунду удерживала равновесие, размахивая руками, и упала с табурета. Табурет с грохотом откатился к стене, ударился о комод и перевернулся.

– Что это? – спросил Крэмпфирл.

Наверху наступила тишина; Арриэтта затаила дыхание.

– Я ничего не слышала, – сказала миссис Драйвер.

– Вроде бы где-то там, под полом, возле плиты.

– Ничего страшного, – сказала миссис Драйвер. – Это угли падают. Часто бывает. Другой раз даже вздрогнешь, когда сидишь тут одна... Ну-ка передайте мне ваш стакан, осталась самая малость... чего уж тут, надо кончать...

«Они пьют добрую старую мадеру», – подумала Арриэтта и, осторожно подняв табурет, стала рядом, глядя наверх. Сквозь трещину в потолке ей был виден свет, исчезавший время от времени, когда заслоняли свечу

– Да, – продолжал Крэмпфирл, возвращаясь к своему рассказу, – и когда я подошел к нему с ружьем, он и говорит мне с таким невинным видом, верно, чтобы сбить со следа: «Тут нет где-нибудь поблизости барсучьей норы?»

— Хитрюга! — сказала миссис Драйвер. — Чего только не придумают эти мальчишки!.. Барсучья нора!.. — И она засмеялась своим скрипучим смехом.

— У нас тут и правда была раньше барсучья нора, — продолжал Крэмпфирл, — но когда я показал ему, где ее искать, он вроде и внимания не обратил. Просто стоял и ждал, когда я уйду. «Ну что ж, посмотрим еще, чья возьмет», — подумал я и сел на землю. Так мы и сидели — он и я.

— Ну и что дальше?

— Пришлось ему в конце концов уйти. И хорька оставить. Я еще подождал, но хорек так и не вылез. Я уж во все глаза глядел... и свистел. Жаль, не расслышал я, как он его звал. Вроде какой-то дядюшка... — Арриэтта услышала резкий скрип стула. — Пойду-ка я, — сказал Крэмпфирл, — запру кур.

Хлопнула кухонная дверь, и над головой вдруг послышался грохот — это миссис Драйвер ворошила угли в плите. Арриэтта тихонько поставила табурет на место и пошла на цыпочках в столовую, где нашла одну мать.

Глава тринадцатая

Хомили гладила, низко склонившись над гладильной доской, с грохотом ставя утюг на подставку и то и дело откидывая волосы с глаз. По всей комнате на французских булавках, которые Хомили приспособила под плечики, висело выстиранное белье.

— Что там случилось? — спросила Хомили. — Ты упала?

— Да, — ответила Арриэтта, тихонько садясь на свое место у очага.

— Ну как мурашки? Уже появляются?

— Не знаю, — сказала Арриэтта. Она обхватила руками колени и положила на них подбородок.

— Где твое вязанье? — спросила Хомили. — Что с

тобой делается последнее время? Ума не приложу! Все время бить баклуши... Может, тебе нездоровится?

– Ах! – воскликнула Арриэтта. – Оставь меня в покое!

И на этот раз – в кои-то веки! – Хомили ничего больше не сказала. «Это весна, – подумала она, – со мной тоже иногда так бывало в ее годы».

«Мне нужно увидеть мальчика, – думала Арриэтта, уставившись невидящими глазами в огонь. – Я должна узнать, что случилось. Я должна услышать, все ли у них в порядке. Я не хочу, чтобы мы вымирали. Я не хочу быть последней из добываек. Я не хочу... – здесь Арриэтта совсем уткнулась лицом в колени, – всю жизнь жить вот так... в темноте... под полом...»

– Без толку готовить ужин, – сказала Хомили, нарушая тишину, – отец отправился в Ее комнату. А тебе известно, что это значит.

Арриэтта подняла голову.

– Нет, – сказала она, едва слушая. – А что это значит?

– А то, – сердито ответила Хомили, – что он вернется часа через полтора, а то и позже. Он любит бывать у Нее, болтать с Ней о том о сем, рассматривать вещи на Ее туалетном столе. И это не опасно, когда мальчишка уже ушел спать. Отцу не нужно ничего определенного, – продолжала она, – все дело в новых полках, которые он смастерил. Говорит, они выглядят слишком уж пустыми, может, он добудет для них какую-нибудь мелочишку...

Арриэтта вдруг села прямо, вытянулась в струнку: ее неожиданно пронзила мысль, да такая, что перехватило дыхание и задрожали колени. «Часа полтора, а то и больше, сказала мама... И все это время ворота будут открыты!»

– Ты куда? – спросила Хомили, когда Арриэтта пошла к дверям.

– В кладовые, – сказала Арриэтта, прикрывая свечу рукой от сквозняка. – Я ненадолго.

— Не разбросай там ничего! — крикнула вдогонку Хомили. — И осторожнее с огнем!

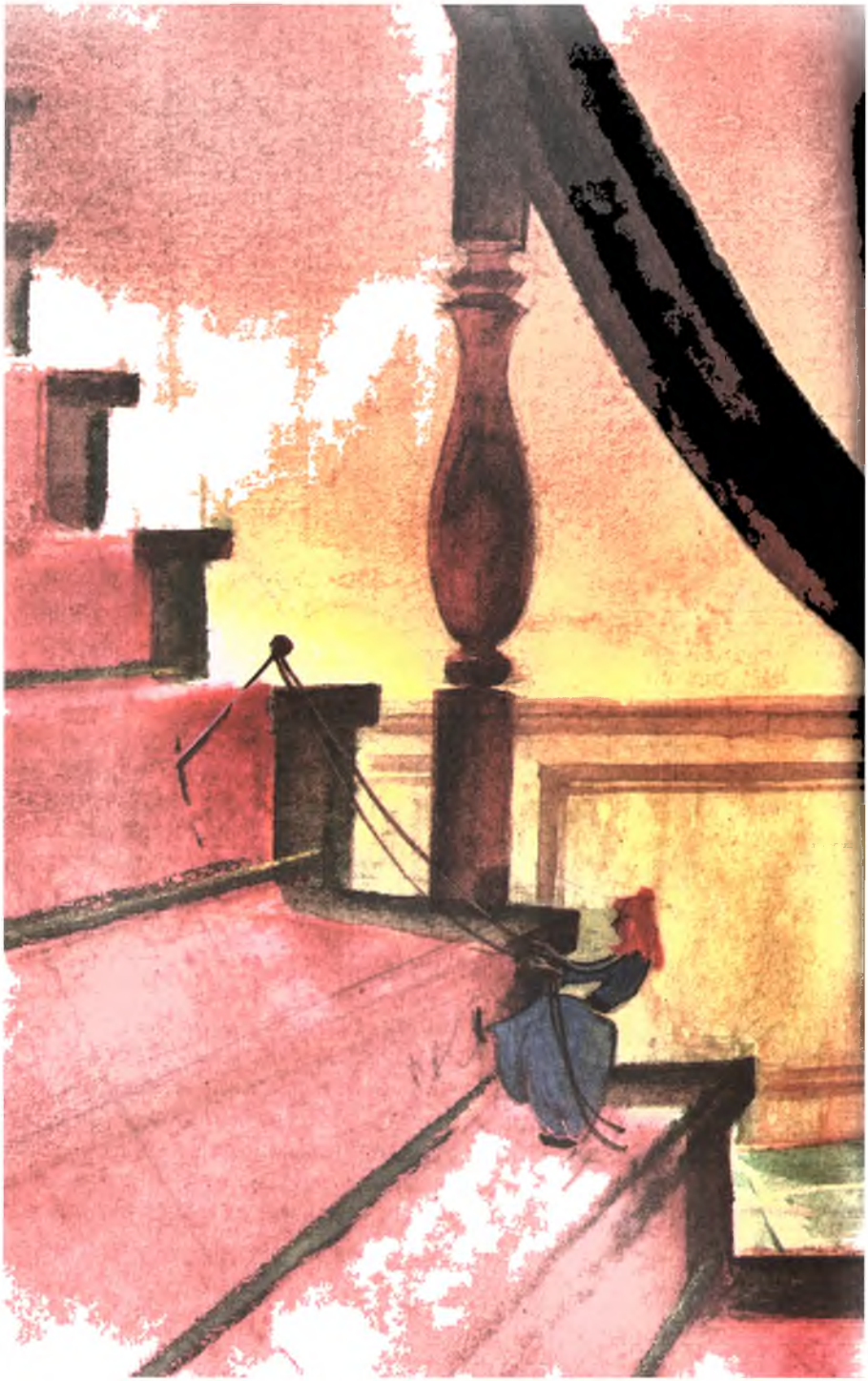
Идя по проходу, Арриэтта подумала: «Я не говорила неправды. Я иду в кладовые... поискать шляпную булавку. А если я найду булавку (и кусок бечевки... тесьмы там, я знаю, нет), я все равно буду недолго, ведь мне надо вернуться раньше папы. И я делаю это ради них, — упрямо сказала она себе, — и когда-нибудь они еще скажут мне спасибо». Но все равно ее не покидало смутное чувство вины. Хитрюга — вот как назвала бы ее миссис Драйвер.

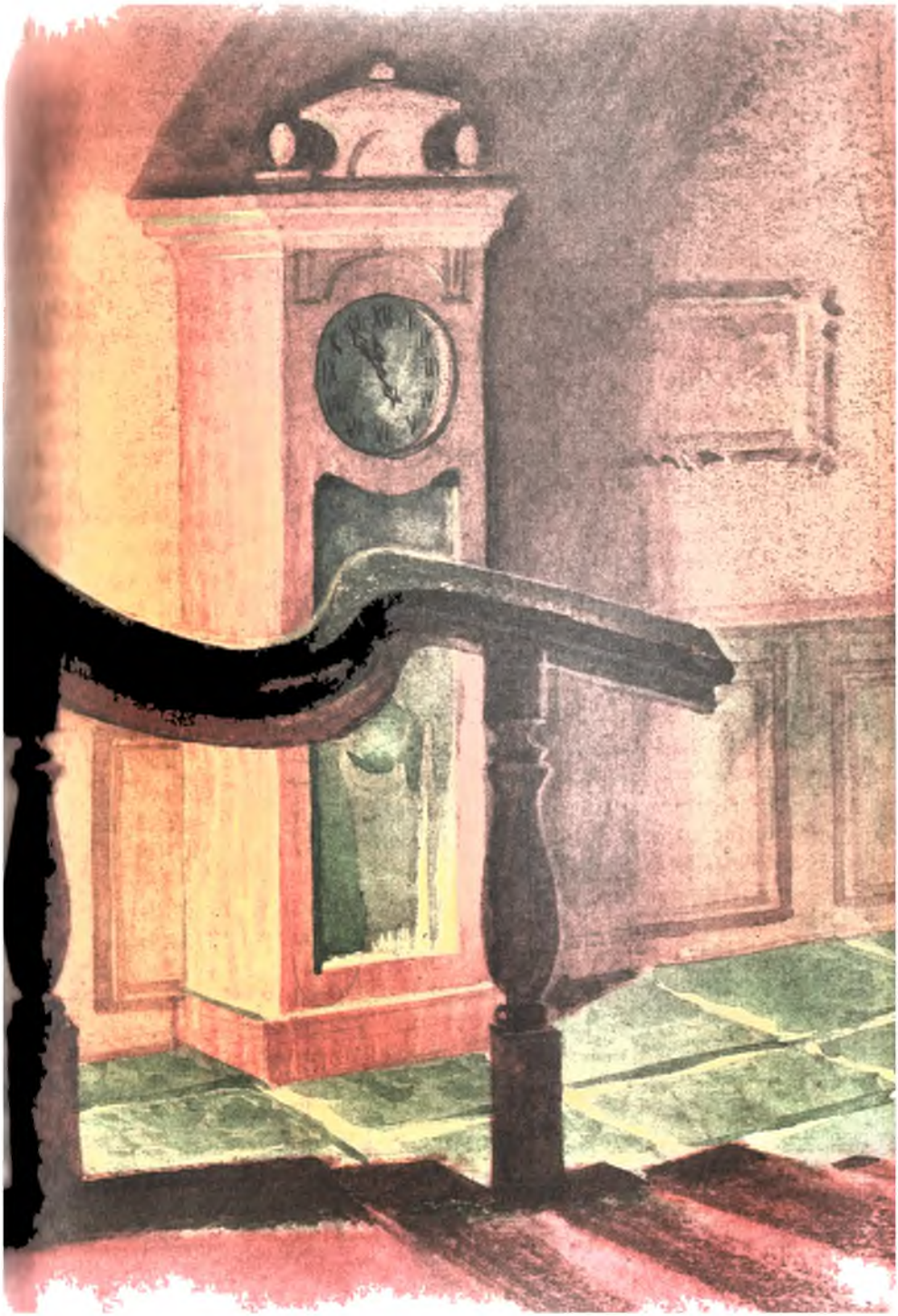
Арриэтта нашла шляпную булавку с перекладинкой наверху и привязала к ней бечевку, крепко-накрепко обмотав вокруг перекладинки восьмеркой, затем увенчала свои труды, запечатав узел сургучом.

Ворота были открыты; добравшись до последних ворот, под курантами, Арриэтта поставила свечу посреди прохода, где та не могла причинить никакого вреда.

В большом холле было полутемно, повсюду протянулись огромные тени, под привернутым рожком парадной двери лежал круг света, еще один рожок еле мерцал на лестничной площадке на полпути наверх. Потолок уходил далеко в высоту и мрак, вокруг было необозримое пространство. Арриэтта знала, что детская находится в конце коридора на втором этаже и мальчик уже в постели, — мама только что упомянуло об этом.

Арриэтта наблюдала, как отец закидывает булавку на стул, по сравнению с этим взобраться на ступеньки было легче. Мало-помалу в ее движениях появился какой-то ритм: бросок, подъем, снова бросок... Металлические прутья, придерживающие дорожку, холодно поблескивали в темноте, но сама дорожка была мягкая и теплая, на нее так приятно было прыгать. На площадке Арриэтта немного посидела, чтобы отдышаться. Полумрак не пугал ее, она всю жизнь прожила в полумраке, она чувствовала себя в нем как дома, а сейчас темнота даже служила ей защитой.





Поднявшись на верхнюю площадку, Арриэтта увидела распахнутую дверь, из которой на пол падал золотой квадрат света, словно перегораживая коридор. «Придется пройти здесь, выхода нет», – сказала, подбадривая себя, Арриэтта. Из комнаты доносился монотонный голос.

– Эта кобыла, – говорил голос, – была трехлетка, которая принадлежала моему брату... не старшему брату, а тому, что жил в Ирландии, – младшему, которому принадлежали Старый Друг и Милочка. Он несколько раз включал ее в скачки по пересеченной местности... но, когда я говорю «несколько раз», я имею в виду три... во всяком случае не меньше, чем два... раза. Ты видел когда-нибудь ирландские скачки по пересеченной местности?

– Нет, – ответил другой голос; он звучал немного рассеянно.

«Это отец, – внезапно поняла Арриэтта, и сердце подпрыгнуло у нее в груди. – Он разговаривает с тетей Софи, вернее, тетя Софи разговаривает с ним». Она крепко схватила булавку с болтающейся веревочной петлей и побежала через освещенное место в темноту коридора. Пробегая мимо распахнутой двери, Арриэтта увидела мельком горящий камин, лампу под абажуром, поблескивающую мебель и темно-красные парчовые портьеры.

В конце коридора виднелась другая полуоткрытая дверь. «Это классная комната, – подумала Арриэтта, – а за ней – детская, где спит мальчик».

– Между английскими и ирландскими скачками, – продолжал голос, – есть разница, и немалая. Например...

Арриэтте нравился голос тети Софи. Ровный, спокойный, он звучал так же успокаивающе, как часы в холле внизу, и, спускаясь с ковра на узкую полоску дерева возле плинтуса, Арриэтта с интересом услышала, что в Ирландии между полями каменные стенки, а не живая изгородь. Здесь, вдоль плинтуса, Арриэтта могла бежать, а она любила бегать. По ковру не побежишь, в нем тонут ноги, приходится идти медленно. Деревянные доски были

гладкие и пахли воском. Арриэтте понравился их запах.

Мебель в классной комнате, куда она наконец добралась, была прикрыта от пыли чехлами. Здесь тоже горел газовый рожок; горелка была привернута, виднелся только синеватый язычок пламени. На полу лежал нарядно вытертый линолеум, на стенах висели вылинявшие ковры. Комната была полна всякой рухляди. Под потолом темнела большая пещера. Арриэтта вошла в нее, ощупью пробралась вперед и наткнулась на пыльную кожаную подушку, раза в полтора выше нее. Арриэтта вновь вышла в полуосвещенную комнату и, подняв глаза, увидела угловой шкафчик с кукольным сервизом, картину над камином и плюшевую портьеру с бомбошками, где мальчик увидел ее отца. Повсюду по сторонам вздымались ножки стульев, сиденья стульев заслоняли ей все вокруг. Арриэтта пробралась между ними к двери в детскую и там внезапно увидела в дальнем углу кровать и на ней мальчика. Она увидела его большое лицо (на краю подушки), обращенное к ней, свет рожка, отраженного в его открытых глазах; руку, крепко схватившую угол одеяла и прижавшую его к губам.

Арриэтта остановилась. Немного погодя, заметив, что пальцы его разжались, она тихо промолвила:

– Не бойся... Это я, Арриэтта.

Он отпустил одеяло и сказал:

– Арри... что? – Голос его звучал сердито.

– ...этта, – мягко повторила она. – Ты взял письмо?

С минуту он молча смотрел на нее, затем спросил:

– Ты зачем это вползла потихоньку ко мне в комнату?

– Я не вползла. Я вбежала. Ты разве не видел?

Он снова помолчал, пристально глядя на нее широко раскрытыми глазами.

– Когда я принес книгу, – сказал он наконец, – тебя не было.

– Я должна была уйти. Чай уже был готов, и папа позвал меня.

Это он понял.

— А-а, — деловито сказал он и больше ее не упрекал.

— Ты взял письмо? — снова спросила она.

— Да, — ответил он. — Мне пришлось два раза туда ходить. Я засунул его в барсучью нору...

Внезапно он откинул одеяло и встал на постели — огромная гора в светлой фланелевой рубашке. Теперь наступил черед Арриэтты испугаться. Не сводя с него глаз, она начала медленно пятиться к двери. Но он на нее не глядел, он шарил рукой за картиной.

— Вот! — сказал он и снова сел; громко заскрипели пружины.

— Но я не хочу брать его обратно! — воскликнула Арриэтта, опять подходя поближе. — Надо было его там оставить! Почему ты принес его назад?

Мальчик повернул письмо другой стороной.

— Он написал здесь ответ.

— Ах! — взволнованно воскликнула Арриэтта. — Покажи мне. Пожалуйста!

Она подбежала к постели и потянула за край свисавшей простыни.

— Значит, они все живы! Ты его видел?

— Нет, — сказал мальчик. — Письмо лежало там, где я его оставил. — Он наклонился к Арриэтте. — Но он написал ответ. Взгляни!

Арриэтта молнией метнулась к нему; она выхватила письмо из его огромных пальцев и тут же отбежала, чтобы он не мог до нее достать. Затем кинулась к дверям классной комнаты, где все же было немного светлей.

— Интересно, чем это он писал? — сказала она себе, поднося письмо к самым глазам. — И все заглавными буквами... Ты не сам написал его? — спросила она вдруг, оборачиваясь к мальчику.

— Конечно, нет, — сказал он, — я пишу строчными...

Но она уже увидела по его лицу, что он не лжет, и принялась по буквам разбирать послание:

— «С-ка-жи тв-твой...» — Она взглянула на мальчика. — «Твой»? — повторила она.

— Да, — сказал он, — «твой».

— «Скажи твой т-я... тя... тя, тяте?» Моему тяте? — Но мальчик лишь выжидающе смотрел на нее. — «Тяте Лупи...» О, тете Люпи! — воскликнула она. — Он говорит... послушай, вот что он говорит: «Скажи своей тете Люпи вернуться домой».

Наступило молчание.

— Ну и скажи ей! — произнес мальчик через минуту.

— Но ее здесь нет! — воскликнула Арриэтта. — И не было. Я уже забыла, на что она и похожа!

— Берегись! — сказал мальчик. — Сюда кто-то идет.

Арриэтта обернулась, но было поздно прятаться: перед ней стоял Под — в одной руке мешок, в другой — булавка. Он стоял на пороге классной комнаты, его силуэт четко вырисовывался на фоне освещенного коридора, перед ним на полу лежала его крохотная тень. Он увидел ее.

— Я слышал твой голос, — сказал Под, и спокойствие, с которым он это произнес, показалось ей страшнее всего на свете, — когда выходил из Ее комнаты.

Арриэтта, не опуская глаз, глядела на отца и глубже запихивала письмо под кофточку. Видно ему или нет, что там за ней, в темноте? Видно или нет огромную фигуру, закутавшуюся в одеяло?

— Пошли домой, — сказал Под и повернул обратно.

«11 ИЮЛЯ

Нет розы без шипов

СКАЖИ ТВОЙ ТЯТЕ ЛУПИ ВЕРНАТЬСЯ ДОМОЙ».

Глава четырнадцатая

Под не раскрыл рта, пока они не оказались дома. И ни разу не взглянул на нее. Арриэтте приходилось пробираться позади него, как она могла. Он не обращал

внимания на ее попытки помочь ему запереть ворота, но когда она вдруг споткнулась и упала, он стоял, пока она не поднялась и не отряхнула колени, глядя на нее без всякого, казалось ей, интереса.

Ужин ждал их на столе, Хомили отложила глажку и выбежала из комнаты им навстречу; на ее лице было написано удивление, она никак не ожидала увидеть их вместе.

Под скинул на пол мешок и поглядел на жену

– Что случилось? – произнесла тревожно Хомили, переводя взгляд с мужа на дочь.

– Она была в детской, – тихо сказал Под, – разговаривала с мальчишкой!

Хомили наклонилась вперед, судорожно стиснув руки поверх передника, глаза ее испуганно забегали по сторонам.

– Ой, – простонала она.

Под сел. Провел усталой рукой по глазам и лбу; лицо его выглядело тяжелым и бледным, как кусок теста.

– Что теперь? – сказал он.

Хомили стояла, не трогаясь с места, согнувшись, стиснув руки и не сводя глаз с Арриэтты.

– Как ты могла... – прошептала она.

«Они напуганы, – подумала вдруг Арриэтта, – они вовсе не сердятся... они очень, очень напуганы». Она сделала шаг вперед.

– Все в порядке... – начала она.

Хомили вдруг опустилась на катушку, она начала дрожать.

– О! – простонала она. – Что нам делать?!

И Хомили принялась тихонько раскачиваться вперед-назад, вперед-назад.

– Мамочка, не надо, – взмолилась Арриэтта. – Все не так уж плохо, как тебе кажется. Право, не так.

Она пошарила на груди под кофтой. Сперва она не могла нащупать письмо, оно соскользнуло за спину, но наконец вытащила его, правда очень измятое.

— Погляди, — сказала она, — это письмо от дяди Хендрири. Я ему написала, и мальчик отнес письмо, и...

— Ты ему написала! — раздался приглушенный крик Хомили. — О-о, — простонала она и закрыла глаза. — Что теперь будет? Что нам делать? Что нам делать? — И она принялась обмахиваться своей костлявой, но сейчас словно совсем мягкой рукой.

— Принеси матери воды, Арриэтта, — резко сказал Под.

Арриэтта принесла воду в скорлупе от ореха; острый кончик скорлупы был отпилен, и она была похожа на бокал для коньяка.

— Как тебе пришло в голову, Арриэтта, сделать такую вещь? — спросила Хомили немного спокойнее и поставила пустую чашку на стол. — Что на тебя нашло?

И вот Арриэтта рассказала им о том, как ее увидели — в то первое утро под вишней. А она решила им об этом не говорить, чтобы зря их не волновать. И как мальчик сказал, что они вымирают. И как не просто важно, а жизненно, неотложно важно было выяснить, что семейство дяди Хендрири цело и невредимо.

— Ну поймите, пожалуйста, поймите, — молила их Арриэтта, — я старалась спасти нас всех от вымирания!

— Ну и слова она употребляет! — не без гордости сказала Хомили Поду, конечно, потихоньку от Арриэтты.

Но Под не слушал ее.

— Спасти нас! — сурово повторил он. — Вот как раз

такие, как ты, дочка, которые делают все с бухты-барахты, без всякого уважения к традициям, и погубят нас всех раз и навсегда. Неужели ты не понимаешь, что ты натворила?

Арриэтта встретила его укоризненный взгляд.

– Да, – запинаясь, проговорила она, – я... я... написала письмо единственным из добываек, кто остался в этих краях, и получила ответ. И теперь, – храбро продолжала она, – мы можем держаться все вместе...

– Держаться вместе! – сердито повторил Под. – Неужели ты думаешь, что Хендрири и его семейство вернутся и станут жить здесь? Или что мать переселится в барсучью нору за два поля отсюда, чтобы жить на открытом воздухе... без горячей воды...

– Никогда! – вскричала Хомили громким голосом, таким громким, что они оба обернулись и посмотрели на нее.

– Или воображаешь, что мать отправится через два поля и сад, – продолжал Под, – где полно ворон, и коров, и лошадей, и чего-чего там еще нет, чтобы выпить чашечку чая с твоей тетей Люпи, которую и раньше-то не очень жаловала? Погоди, – сказал он, увидев, что Арриэтта хочет его прервать, – но дело даже не в этом... дело совсем в другом. – Он наклонился к ней, и в голосе его послышалась необычайная серьезность. – В том, что теперь мальчишка знает, где мы живем!

– Нет, не знает, – сказала Арриэтта. – Я ему не говорила. Я...

– Ты рассказала ему, – прервал ее Под, – о том, как в кухне лопнул котел и нас залило горячей водой, ты рассказала, как все наши пожитки снесло к решетке... – Он снова сел, сердито глядя на нее. – Тут только надо немного подумать, и сразу догадаешься, – сказал он. Арриэтта промолчала, и Под продолжал: – Такого еще никогда не случалось, никогда за всю долгую историю добываек. Их видели – да, их ловили – возможно, но ни один человек никогда не знал, где мы живем. Мы в

очень большой опасности, Арриэтта, и навлекла ее на нас ты. И это факт!

– Ах, Под, – жалобно сказала Хомили. – Не пугай ребенка!

– Да, Хомили, – сказал Под мягче, – бедная моя старушка! Я никого не хочу пугать, но дело серьезное. Представь, я бы сказал тебе: собирайся, укладывай пожитки, нам надо сегодня же выбираться отсюда... Куда бы ты пошла?

– Только не к Хендрири, Под! – вскричала Хомили. – Только не туда! Я ни за что не уживусь в одной кухне с Люпи...

– Верно, – согласился Под, – не к Хендрири. И знаешь – почему? Потому что, где он живет, мальчишка тоже знает!

– Ах, ах! – запричитала Хомили, окончательно впадая в отчаяние.

– Да, – продолжал Под, – парочка шустрых терьеров или хорошо натасканный хорек – и всему семейству Хендрири конец!

– Ах, Под! – воскликнула Хомили и снова задрожала. Мысль о том, что ей придется жить в старой барсучье норе, была достаточно ужасна, но мысль о том, что даже там им нельзя укрыться, оказалась ужаснее во сто крат. – А я, пожалуй, сумела бы там в конце концов неплохо устроиться, – сказала она, – конечно, если бы мы жили отдельно от Люпи...

– Ну, теперь бесполезно об этом думать, – сказал Под и обернулся к Арриэтте. – Что пишет дядя Хендрири в этом письме?

– Да! – воскликнула Хомили. – Где его письмо?

– Из него не очень-то много узнаешь, – сказала Арриэтта, передавая им бумажку, – тут написано только: «Скажи своей тете Люпи, чтобы она вернулась домой».

– Что?! – воскликнула Хомили, глядя на перевернутое вверх ногами письмо. – Вернулась домой? Что он хочет сказать этим?

— Видно, то, что Люпи отправилась к нам и с тех пор не возвращалась.

— Отправилась к нам? — повторила Хомили. — Но когда?

— Откуда мне знать, — сказал Под.

— Тут об этом не говорится, — сказала Арриэтта.

— Но это могло быть много недель назад.

— Вполне, — сказал Под. — Во всяком случае достаточно давно, раз он захотел, чтобы она вернулась.

— Ах! — воскликнула Хомили. — А как же бедные малютки?

— Ну, малютки за эти годы порядочно подросли, — сказал Под.

— Верно, с ней что-нибудь случилось! — сказала Хомили.

— Да, ты права, — согласился Под. Он обернулся к Арриэтте. — Видишь, что я имел в виду, девочка, когда говорил об этих полях?

— О, Под, — сказала Хомили, и глаза ее наполнились слезами, — верно, никто из нас никогда больше не увидит бедную Люпи...

— Кто-нибудь, может, и увидит, но не мы, — ответил Под.

— Под, — сказала Хомили серьезно, — я боюсь. Столько всего сразу случилось. Что нам делать?

— Ну, сегодня мы ничего уже не сделаем, — ответил Под. — Это точно. Можем только поужинать и лечь спать. — Он встал.

— Ах, Арриэтта, — разрыдалась вдруг Хомили. — Гадкая, непослушная девочка! Как ты могла?! Как ты могла разговаривать с человеком... Если бы ты не...

— Меня увидели, — сказала Арриэтта. — Я не виновата, что меня увидели. Папу тоже увидели. И дядю Хендрири. И я вовсе не считаю, что все так ужасно, как вы говорите. Я не считаю, что человеки такие уж плохие...

— Они плохие и хорошие, — сказал Под, — честные

и обманщики — как придется. Если бы животные могли говорить, они сказали бы тебе то же самое. Держись от них подальше — вот что мне всегда твердили. Не важно, что они тебе обещают.

Глава пятнадцатая

В ту ночь, пока Арриэтта тихонько лежала, вытянувшись на постели под раскрашенным потолком, Под и Хомили проговорили до самого утра. Они говорили в столовой, они говорили в кухне, а позже — гораздо позже — она услышала их голоса из спальни. Она слышала, как открывались и закрывались ящики, как скрипели двери, как выдвигались коробки из-под кроватей. «Что они там делают? — с удивлением думала она. — И что будет дальше?» Она лежала в своей мягкой постели тихо-тихо, и рядом были ее любимые вещи — марка с видом гавани Рио-де-Жанейро, серебряный поросенок, бывший раньше брелоком, бирюзовое кольцо, которое она иногда просто ради шутки надевала на голову как корону, и — самые дорогие ее сердцу — прекрасные дамы с золотыми трубами, плывущие по потолку над мирным белым городком. Лежа вот так тихо и неподвижно в постели, Арриэтта вдруг поняла, что, конечно, она не хочет все это потерять, но и другого она терять тоже не хочет; и приключения, и безопасность — вот чего ей надо. А этого-то (говорили ей безустанный шепот и возня за стеной) иметь и невозможно.

Но на самом деле Хомили просто не сиделось на месте от беспокойства, и она бесцельно выдвигала ящики и вновь их задвигала, чтобы унять тревогу. Кончила она тем, что решила, когда Под наконец лег, накрутить волосы на папильотки.

— Право, Хомили, — устало запротестовал Под (он уже был в ночной рубашке), — ни к чему это. Ну кто тебя увидит?

— То-то и оно! — воскликнула Хомили, разыскивая в комоде папильотки. — Кто знает, что может случиться? Я не хочу, — добавила она, переворачивая вверх дном ящик и поднимая с полу его содержимое, — чтобы меня застали непричесанной.

Наконец она тоже легла, и Под со вздохом перевернулся на другой бок и закрыл глаза.

Хомили еще долго лежала, уставясь на керосиновую лампу; это была серебряная крышечка от духов с крошечным фитильком, плавающим в керосине. Она и сама не могла бы объяснить, почему ей так не хотелось тушить огонь. Наверху, в кухне, кто-то двигался, а обычно в это время там было тихо — весь дом спал, — да еще папильотки давили ей на затылок. Она глядела — в точности так же, как Арриэтта, — на знакомую до мелочей комнату (чересчур заставленную, теперь она это видела, ящиками, и коробками, и самодельными шкафами) и думала: «Что нас ждет? Может быть, еще ничего и не случится; возможно, девочка права, и мы подняли весь этот шум из-за чепухи; мальчишка в конце концов здесь только гость; возможно, — сонно думала Хомили, — он скоро уедет, и все»

Должно быть, она все же задремала (как она потом поняла), потому что ей привиделось, что она пересекает Паркинс-Бек; была ночь, дул сильный ветер, и поле поднималось перед ней крутой горой; она карабкалась вверх вдоль живой изгороди рядом с газопроводом, ноги ее скользили по мокрой траве, то и дело она спотыкалась и падала. Деревья с шумом раскачивались во все стороны, ветви их метались на фоне неба. А затем (как она рассказывала много позднее) послышался треск, словно деревья раскалывались в щепы...

И Хомили проснулась. Она огляделась: все было на своем месте, лампа по-прежнему горела, и все же, она сразу это почувствовала, что-то было не так — был сильный сквозняк, горло у нее пересохло, на зубах скрипел песок. Она взглянула наверх.

— Под! — закричала Хомили пронзительно и уцепилась за его плечо.

Под перевернулся на другой бок и сел. Они оба глядели на потолок: один край его отделился от стенки, и весь потолок поднялся под острым углом — вот откуда шел сквозняк, — а в отверстии в каком-нибудь дюйме от изголовья кровати торчал странный предмет — огромный серый стальной брус с плоским сверкающим концом

— Это отвертка, — сказал Под.

Они глядели на нее во все глаза как завороженные, не в силах двинуться с места, и несколько мгновений серый брус тоже оставался неподвижным Затем медленно-медленно он качнулся вверх, и острый край прижался к потолку. Хомили услышала скрип наверху и короткий вздох.

— Ой, колени, — закричала Хомили, — ой, мурашки!

И тут с треском крыша их дома вся целиком отлетела прочь и упала где-то, где — им не было видно.

Хомили завопила во все горло, это был настоящий, полновесный вопль, громкий и пронзительный, она вопила от всей души, казалось, крик успокаивает ее, она обретает в нем равновесие; глаза ее — не без любопытства — смотрели вверх в освещенную пустоту. Там, поняла она, высоко-высоко над ними, казалось, выше неба, был еще один потолок, с него свисал копченый окорок и две вязки лука. В дверях появилась Арриэтта; дрожа от холода и страха, она крепко вцепилась в свою ночную рубашку. Под шлепнул Хомили по спине.

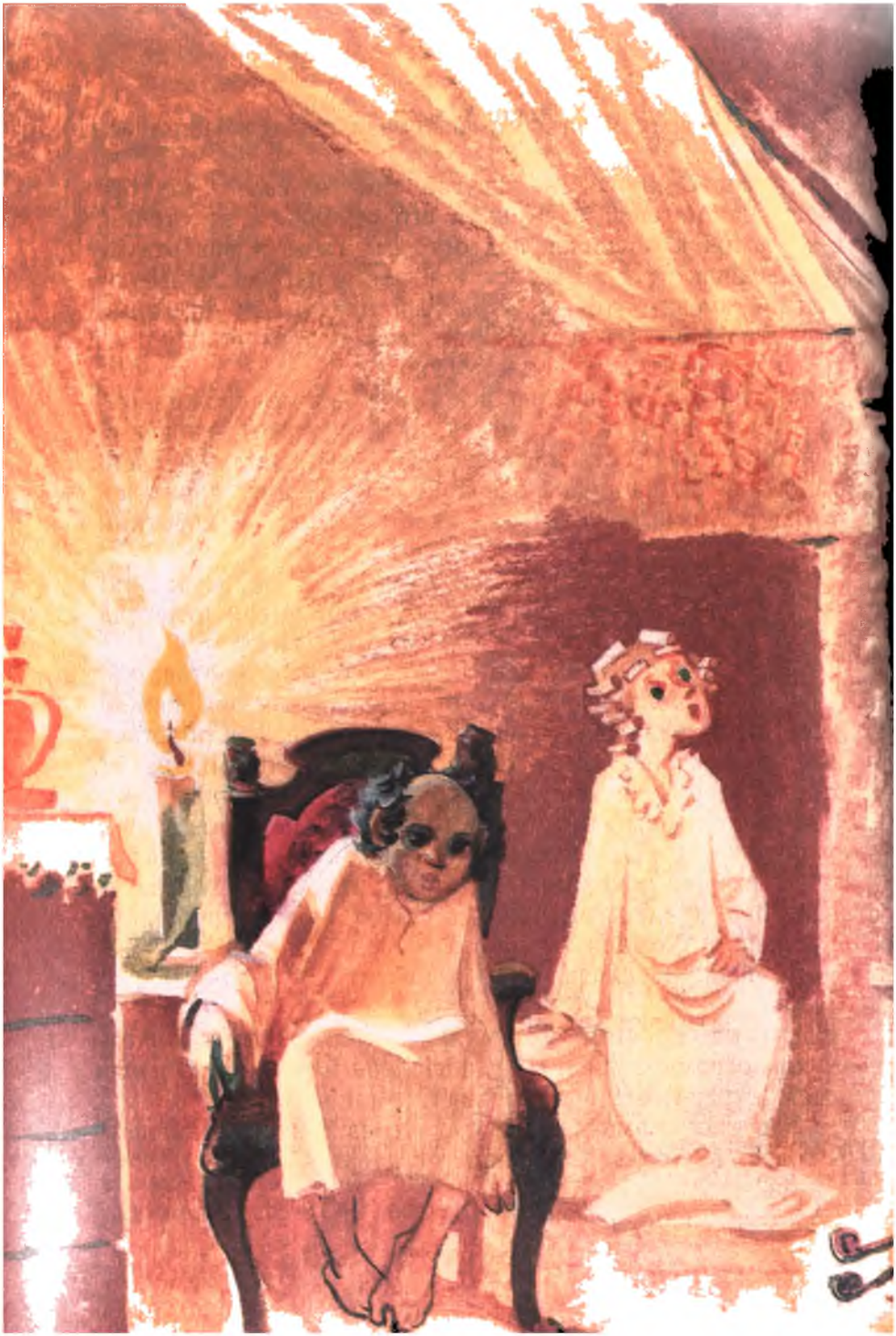
— Кончай, — сказал он, — хватит. — И она вдруг замолкла.

И тут между ними и тем далеким-далеким потолком возникло огромное лицо. Оно качалось над ними, улыбающееся, страшное в наступившей тишине.

— Это твоя мама? — спросил через секунду удивленный голос, и Арриэтта шепнул от двери:

— Да.

Это был мальчик.



Под вылез из кровати и стал рядом, дрожа от холода в одной ночной рубашке.

– Вставай, – сказал он Хомили, – не можешь же ты оставаться в постели.

Еще как могла! На Хомили была старая ночная рубашку с заплатой на спине, и ничто на свете не заставило бы ее двинуться с места. В груди ее закипал гнев; ее застали врасплох, с папильотками на голове, и она вдруг вспомнила, что вчера из-за всей этой сумятицы впервые в жизни не вымыла посуду после ужина и та стоит грязная в кухне на столе всем на обозрение. Хомили сердито уставилась на мальчика – в конце концов он был всего лишь ребенок.

– Положи крышу на место! – сказала она. – Немедленно! – Глаза ее метали молнии, папильотки тряслись.

Мальчик стал на колени, но и тогда, когда его большое лицо совсем близко наклонилась к ней, она не отступила. Она увидела его нижнюю губу – розовую и пухлую, – совсем как у Арриэтты, только во много раз больше; губа задрожала.

– Но я вам кое-что принес, – сказал он.

Хомили все так же сердито смотрела на него.

– Что? – спросила Арриэтта.

Мальчик взял что-то у себя за спиной и, держа так, чтобы не перевернуть, осторожно стал спускать к ним какой-то деревянный предмет.

– Вот что, – сказал он.

Он тяжело сопел от напряжения и даже высунул кончик языка. Деревянный предмет оказался кукольным буфетиком с двумя ящиками и полками внизу, полными столовой посуды. Мальчик поставил его в ногах кровати, на которой сидела Хомили. Арриэтта подбежала поближе, чтобы получше рассмотреть.

– Ах! – восторженно вскричала она. – Мамочка, погляди!

Хомили кинула быстрый взгляд – буфет был из

темного дуба, посуда разрисована от руки – и тут же отвела глаза.

– Да, – холодно сказала она. – Очень мило.

Наступило короткое молчание, никто не знал, как его нарушить.

– Дверцы внизу открываются по-настоящему, – сказал наконец мальчик, и к ним опустилась большущая рука, пахнувшая банным мылом. Арриэтта прижалась к стенке, а Под тревожно воскликнул:

– Осторожно!

– Верно, – через секунду сказала Хомили. – Вижу. Открываются.

Под облегченно вздохнул – огромная рука исчезла.

– Ну вот, Хомили, – стараясь умиротворить ее, сказал он, – ты всегда хотела иметь что-нибудь в этом роде.

– Да, – сказала Хомили. Она все еще сидела торчком на постели, обхватив колени руками. – Большое спасибо. А теперь, – холодно продолжала она, – будь любезен, опусти крышу.

– Подождите минутку, – умоляюще произнес мальчик. Он снова пошарил у себя за спиной, рука снова опустилась к ним в комнату – и вот рядом с буфетиком стояло крошечное креслице, обтянутое красным бархатом.

– Ах! – снова воскликнула Арриэтта, а Под смущенно сказал:

– Как раз мне впору.

– Попробуйте, сядьте, – попросил мальчик.

Под тревожно взглянул на него.

– Ну же, папа, – сказала Арриэтта, и Под сел – прямо в ночной рубашке; его босые ноги чуть-чуть не доставали до земли.

– Очень удобно, – сказал он.

– Оно будет стоять у очага в столовой! – воскликнула Арриэтта. – Оно будет так мило выглядеть на красном ковре...

– Давайте попробуем, – сказал мальчик, и рука снова опустилась.

Под еле успел соскочить с кресла и поддержать закачавшийся буфетик, в то время как кресло взмыло у него над головой и опустилось, по-видимому, в соседней комнате. Арриэтта выбежала из спальни родителей и помчалась по коридору.

– Ах! – раздался ее голос. – Идите посмотрите. Просто прелесть!

Но Под и Хомили не двинулись с места. Мальчик потолком нависал над их головами, им были видны пуговицы на его ночной рубашке, как раз на животе. Видимо, он разглядывал столовую.

– Что вы держите в горчичнице? – спросил он.

– Уголь, – раздался голос Арриэтты. – И я помогала добывать этот новый ковер. Вот часы, о которых я тебе говорила, и картины...

– Я тебе принесу марки получше, – сказал мальчик. – У меня есть юбилейные с видом на Тадж-Махал.

– Погляди! – снова послышался голос Арриэтты, и Под взял Хомили за руку. – Вот мои книги...

Хомили крепче вцепилась в Пода, в то время как огромная рука опустилась рядом с Арриэттой.

– Тихо, – прошептал Под, – сиди спокойно...

Мальчик, видимо, рассматривал книги.

– Как они называются? – спросил он, и Арриэтта одним духом выпалила все названия подряд.

– Под, – шепнула Хомили, – я сейчас закричу...

– Нет, – шепнул Под в ответ. – Не надо. Ты уже кричала.

– Я чувствую, что крик подступает мне к горлу.

Под встревоженно взглянул на нее.

– Задержи дыхание, – сказал он, – и считай до десяти.

– Ты не можешь почитать их мне? – спросил мальчик у Арриэтты.

– Могу, – ответила Арриэтта, – но я бы лучше почитала что-нибудь новое.

— Но ты же не приходишь ко мне, — жалобно протянул мальчик.

— Верно, — сказала Арриэтта. — Теперь буду приходить.

— Под, — шепнула Хомили, — ты слышал, что она сказала?

— Да-да, — шепнул Под, — не волнуйся...

— Хочешь посмотреть кладовые? — спросила Арриэтта, и Хомили прижала руку ко рту, чтобы заглушить крик.

Под взглянул наверх.

— Эй! — позвал он, стараясь привлечь к себе внимание мальчика. — Положи крышу на место, — попросил Под, стараясь говорить убедительно и деловито, — мы замерзнем.

— Хорошо, — согласился мальчик, но голос его звучал нерешительно, он потянулся за куском пола, служившим им потолком. — Заколотить гвоздями снова? — спросил он и взял молоток.

— Конечно, заколотить, — сердито сказал Под.

— Понимаете, — сказал мальчик, — там, наверху, у меня есть еще вещи...

Под заколебался, а Хомили толкнула его локтем:

— Спроси — какие, — шепнула она.

— Какие? — спросил Под.

— Вещи из старого кукольного дома, который стоит на верхней полке шкафа возле камина в классной комнате.

— Не видел там никакого кукольного дома, — проворчал Под.

— Он стоит под самым потолком, — сказал мальчик, — вам снизу не видно; надо встать на полку, чтобы добраться до него.

— А какие вещи есть в этом домике? — спросила Арриэтта из гостиной.

— О, самые разные, — отозвался мальчик. — Ковры на полу и на стенах, и кровати с матрасами, и птичка в клетке — ненастоящая, конечно, — и кастрюли, и столы,

и пять позолоченных стульев, и пальма в кадке, и блюдо с тортом из папье-маше, и еще одно – с бараньей ногой...

Хомили наклонилась к Поду.

– Скажи ему, чтобы он прибил потолок... чуть-чуть, – шепнула она.

Под вытаращил на нее глаза, и она изо всех сил закивала головой и крепче стиснула руки. Под обернулся к мальчику.

– Хорошо, – сказал он, – прибей потолок, но легонько, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Пару гвоздиков тут и там...

Глава шестнадцатая

И вот в их жизни наступила новая пора, такое им и во сне не снилось! Каждую ночь крыша взлетала вверх – и появлялись новые сокровища: настоящий ковер для столовой, крошечный совок для угля, жесткий диван с подушками, обтянутыми узорчатой тканью, двуспальная кровать с покрывалом, односпальная ей в пару с полосатым матрасом, картины в рамах вместо марок, плита, которую нельзя было топить, но которая так мило выглядела в кухне, овальные столы, и четырехугольные столы, и маленькие секретер с одним ящиком, два платяных шкафа из кленового дерева (один с зеркальной дверцей) и комод с изогнутыми ножками... Хомили не только привыкла к тому, что крыша над ее головой поднимается каждую ночь, но дошла до того, что предложила Поду приделать к ней петли.

– Мне не нравится, что потолок надо приколачивать, от этого в комнатах такая пыль!

Когда мальчик принес им фортепьяно, Хомили стала просить Пода, чтобы он сделал им гостиную.

– Рядом со столовой, – сказала она, – а кладовую отодвинь подальше. Тогда будет куда поставить эти золоченые кресла, о которых он столько говорит, и пальму в кадке...

Однако Под порядком устал от передвигания мебели и с нетерпением ждал спокойных вечеров, когда он сможет дремать у очага в своем новом красном бархатном кресле. Не успевал он поставить комод в одном месте, как Хомили, выйдя из комнаты и вновь войдя, чтобы «получить впечатление», заставляла переставлять его в другое – «на пробу». И каждый вечер, как раз тогда, когда Под привык ложиться спать, потолок взлетал вверх и появлялись новые вещи. Но Хомили была неутомима, глаза ее блестели, щеки горели румянцем, и хотя целый день они только и делали, что толкали и тащили новую мебель то туда, то сюда, она не могла угомониться и подождать до утра.

– Только попробуем, – умоляла она, поднимая один конец тяжелого кукольного серванта, так что Поду не оставалось ничего другого, как поднять другой конец, – на это не уйдет и минуты.

Но Под прекрасно знал, что в действительности пройдет не один час, пока наконец, измученные и вспотевшие, они не свалятся в постель, да и тогда Хомили будет время от времени вскакивать, чтобы бросить «последний взгляд».

Тем временем в благодарность за все эти сокровища Арриэтта читала мальчику вслух – на лужайке позади вишни. Он лежал в траве на спине, а она стояла у его плеча и говорила, когда пора переворачивать страницу. Какими счастливыми казались ей потом эти дни – голубое небо, ветви вишни над головой, тихий шелест травы под ветром и большое внимательное ухо мальчика рядом. Она во всех подробностях изучила это ухо, все бугорки, впадинки и извилины. Иногда, осмелев, она прислонялась к плечу мальчика. Пока она читала, он лежал тихо-тихо и всегда горячо благодарил ее потом. Перед ними обоими открывались новые миры... диковинные миры для Арриэтты. Она очень много узнала, но кое-что из этого ей было трудно принять. Она осознала раз и навсегда, что земля, на которой они жили, вертится

вокруг своей оси вовсе не ради маленького народца. «Но и не ради большого», – напоминала она мальчику, когда видела, что он улыбается чему-то про себя.

Под вечер Под приходил за ней – очень усталый Под, растрепанный и пыльный – и уводил ее пить чай. А дома ее ждала возбужденная Хомили и новые сюрпризы.

– Закрой глаза! – кричала Хомили. – Теперь можно! – И Арриэтта, словно в счастливом сне, видела, что ее дом меняется с каждым часом. Что только ее не ждало! Однажды ее встретила кружевная занавеска на решетке, подхваченная розовой лентой.

Единственное, что печалило Хомили, – отсутствие гостей; им некого было позвать, никто не наносил им визитов, никто не забегал к ним на огонек; ни восторженных охов и ахов, ни завистливых взглядов. Чего бы Хомили не отдала за Клавесинов или Надкаминных! Даже Захомутники и те были бы лучше, чем никто!

– Напиши дяде Хендрири, – предложила Хомили Арриэтте, – и все расскажи ему. Хорошее, длинное письмо, ничего не пропусти!

Арриэтта начала писать на куске ненужной теперь промокашки, но чем дальше она писала, тем скучнее становилось письмо – не письмо, а прейскурант магазина или каталог вещей в доме, который сдают внаймы со всей обстановкой. То и дело ей приходилось вскакивать с места, чтобы пересчитать ложки или посмотреть незнакомые слова в словаре, и вскоре она отложила письмо – у нее было так много интересных занятий, так много новых книг, так много тем для бесед с мальчиком!

– Он болел, – рассказывала она матери и отцу. – Его прислали сюда поправляться на свежем воздухе. Но скоро он снова уедет в Индию. Ты знаешь, – спрашивала она пораженную Хомили, – что арктическая ночь тянется полгода? И что расстояние между полюсами меньше, чем расстояние между двумя противоположными точками экватора, соединенными диаметром?

Да, это были счастливые дни, все и дальше шло бы

хорошо, как говорил впоследствии Под, если бы они добывали только из кукольного дома. Никто из взрослых, по-видимому, даже не помнил об его существовании, поэтому никто не хватился бы пропажи. Однако гостиная наверху по-прежнему оставалась для них большим искушением; в нее так редко теперь заходили, там было так много столиков с безделушками, до которых Под раньше не мог добраться, и, конечно, мальчик мог открыть дверцы стеклянной горки.

Сначала он принес им серебряную скрипку, затем серебряную арфу, которая доходила Поду до плеча; и он натянул на нее струны из конского волоса, вытащенного из дивана в кабинете.

– Мы будем устраивать музыкальные вечера! – воскликнула Хомили, когда Арриэтта тронула пальцем струну и в комнате раздался тихий, глухой звук. – Если б только, – с жаром продолжала она, крепко сжимая руки, – отец взялся за гостиную! – Она теперь чуть не каждый вечер накручивала волосы на папильотки и с тех пор, как навела порядок в доме, иногда даже переодевалась к ужину в атласное платье; оно висело на ее плечах как мешок, но Хомили называла его туникой. – Мы могли бы использовать твой раскрашенный потолок, и у нас достаточно деревянных кубиков, чтобы сделать настоящий паркэт. – Она произносила это слово точь-в-точь, как когда-то Клавесины.

Даже тетя Софи далеко наверху, в своей роскошной неубранной спальне, заразилась духом дерзаний, который волнами радости заливал весь старый дом. Несколько раз за последнее время Под заставал ее на ногах. Теперь он приходил к ней не за тем, чтобы брать что-нибудь, а просто чтобы отдохнуть: эта комната стала, если можно так выразиться, его клубом, местом, куда он спасался от «мирских тревог». Больше всего Пода тревожило новоприобретенное богатство; даже в самых необузданных мечтах он и представить себе не мог такого количества вещей. Он чувствовал, что Хомили давно уже следовало бы

остановиться; право же, их дом и без того достаточно великолепен. К чему все эти алмазные табакерки и миниатюры в усыпанных драгоценностями рамках, эти филигранные пудреницы и дрезденские статуэтки – все, как ему хорошо было известно, из горки, которая стояла в гостиной. Они прекрасно могли без них обойтись; что толку от пастушки ростом с Арриэтту или огромных щипцов, которыми снимают нагар с огромных свеч? Сидя возле каминной решетки, где он мог погреть руки, Под смотрел, как тетушка Софи бродит по комнате на костылях. «Не удивлюсь, если она как-нибудь спустится вниз, – уныло размышлял он, слушая знакомую ему историю, как она была приглашена к завтраку на королевскую яхту, – и уже тогда сразу заметит, что ее вещи пропали».

Однако первой заметила пропажу не тетя Софи, а миссис Драйвер. Миссис Драйвер навсегда запомнила неприятную историю с Розой Пикхэтчет.

Тогда так и не смогли выяснить, кто виноват. Даже Крэмпфирл чувствовал себя под подозрением. «С сегодняшнего дня, – сказала тогда миссис Драйвер, – я буду убирать сама. Никаких новых служанок в этом доме».

Рюмка мадеры, пара старых чулок, носовой платок, изредка перчатки – одно дело, тут, думала миссис Драйвер, она в своем праве. Но драгоценные безделушки из горки в гостиной – это, говорила она себе, глядя на полупустые полки в тот роковой день, дело совсем иного рода!

Она стояла у горки с метелочкой для обметания пыли в руке, и ее маленькие черные глазки превратились в две хитрые злобные щелки. Она чувствовала себя одураченной.

Ей казалось, что кто-то, заподозрив ее в нечестности, пытается ее поймать.

Но кто это мог быть? Крэмпфирл? Мальчишка? Часовой мастер, который заводил в холле куранты?

Вещи исчезали постепенно одна за другой; их брал кто-то – в этом миссис Драйвер не сомневалась, – кто

знал порядки в доме и кто желал ей зла. «А не сама ли старая хозяйка? – подумалось ей вдруг. – Старуха последнее время взяла моду вставать с постели и разгуливать по комнате. Может, она спускается сюда ночью, тычет повсюду своей палкой, вынюхивает и высматривает по всем углам? – Миссис Драйвер вдруг вспомнила пустую бутылку из-под мадеры и два стакана, которые она так часто оставляла на кухонном столе. – Да, – подумала миссис Драйвер, – это на нее похоже...»

А потом будет лежать и посмеиваться у себя в комнате, ждать, когда она, миссис Драйвер, сообщит о пропаже. «Все в порядке внизу, Драйвер?» – таким вопросом она обычно встречает ее по утрам и посматривает искоса своими вредными старыми глазами.

– Да, она не остановится перед этим! – воскликнула миссис Драйвер вслух, держа метелку от пыли, словно дубинку. – Ну и дурацкий у нее будет вид, когда я поймаю ее на месте в то время, как она будет красться по нижним комнатам посреди ночи! Ладно же, миледи, – мрачно пробормотала миссис Драйвер, – бродите тут сколько вам будет угодно, суйте нос во все щели, мы еще увидим, чья возьмет!

Глава семнадцатая

В тот вечер миссис Драйвер еле отвечала Крэмпфирлу, не пожелала, как всегда, посидеть и выпить с ним и топала взад-вперед по кухне, то и дело поглядывая на него уголком глаза. Ему стало не по себе; в молчании миссис Драйвер таилась угроза, таилось что-то, чего не заметить было нельзя. Даже тетя Софи почувствовала это, когда миссис Драйвер принесла ей вино; угроза была в звоне бокала о графин, когда миссис Драйвер ставила поднос на столик, и в грохоте деревянных колец, когда миссис Драйвер задергивала портьеры, и в скрипе половиц, когда миссис Драйвер шла по комнате к двери, и в лязге задвижки, когда она захлопнула дверь. «Что с

ней стряслось?» – подумала тетя Софи, наливая себе первый бокал.

Мальчик тоже почувствовал эту угрозу. По тому, как миссис Драйвер пристально глядела на него, в то время как он сидел, скорчившись, в ванне; по тому, как она намылила мочалку и проворчала: «Ну-ка!» Она терла его медленно, тщательно, сердито и за все время мытья не сказала ни слова. Когда он лег, она пересмотрела все его вещи, заглянула за все дверцы в шкафах, выдвинула все ящики в комоде. Она вытащила из-под шкафа его чемодан и нашла драгоценного мертвого крота, и запас кускового сахара, и лучший кухонный нож для чистки картофеля. Но даже тогда она ничего не сказала. Поцокав языком, бросила крота в мусорную корзину, сунула себе в карман сахар и нож. Прежде чем прикрутить газ, миссис Драйвер снова внимательно взглянула на него, скорее недоуменно, чем обвиняюще.

Комната миссис Драйвер была над буфетной, туда вела отдельная лестница. В ту ночь миссис Драйвер не раздевалась. Она завела будильник на двенадцать часов и поставила его, чтобы тиканье не мешало ей спать, за дверь; затем она сняла туфли и, ворча, забралась под одеяло. Не успела она закрыть глаза (рассказывала она потом Крэмпфирлу), как будильник зазвенел; он кричал во все горло, подпрыгивал на четырех ножках на голом деревянном полу Миссис Драйвер вылезла из-под одеяла и вслепую подошла к двери.

– Тише, – сказала она будильнику, нащупывая кнопку. – Тише, – и прижала его к груди Она стояла в одних чулках на верхней площадке лестницы, которая вела в буфетную; ей показалось, что внизу мелькнул огонек. Миссис Драйвер перегнулась через лестничные перила Да, вот опять – словно трепыхнулось крылышко мотылька! Свеча – вот что это такое! Свеча, которую кто-то несет в руке за лестницей, за буфетной, где-то в кухне.

Не выпуская будильника, миссис Драйвер стала

бесшумно красться вниз по лестнице, тяжело дыша от волнения. В темноте раздался тихий вздох, словно эхо какого-то движения. Для миссис Драйвер, стоявшей на холодных плитках пола в буфетной, этот звук, который и звуком-то не назовешь, значил одно: кто-то тихонько открыл и закрыл дверь, обшитую зеленой байкой, ту самую дверь, что ведет из кухни в холл. Миссис Драйвер ощупью вошла в кухню и стала шарить на полке над плитой в поисках спичек. Она опрокинула перечницу и бумажный пакетик с гвоздикой и, взглянув вниз, вдруг заметила ниточку света – за секунду до того, как зажгла спичку. Мерцающая, как светлячок, нить у самых ее ног очерчивала на полу ровный прямоугольник.

Миссис Драйвер охнула и зажгла газ; кухня тотчас ожила; миссис Драйвер кинула взгляд на обитую зеленой байкой дверь, и ей показалось, что дверь еще чуть качается, словно ее только что закрыли. Миссис Драйвер подбежала к двери и распахнула ее, но в коридоре было темно и тихо – ни тени, ни приглушенных шагов вдалеке. Она отпустила дверь, и та снова закрылась, вздохнув медленно и печально. Да, этот звук она и слышала – этот не то вздох, не то шепот, словно кто-то тихо втянул в себя воздух.

Осторожно подобрав юбку, миссис Драйвер двинулась обратно к плите. На полу возле выступающей половицы лежал какой-то розоватый предмет. «Ага, – подумала она, – вот отсюда, от этой половицы, и шел свет!» Миссис Драйвер обвела взглядом кухню: все остальное выглядело как обычно, точно таким же, как было, когда она ушла отсюда в последний раз, – посуда в кухонном буфете, кастрюли на столе, полотенца ровным рядком на веревке над плитой. Розоватый предмет оказался коробочкой для ароматических пастилок, сделанной в форме сердца. Миссис Драйвер сразу ее узнала, она всегда лежала в застекленном столике, стоявшем у камина в парадной гостиной. Миссис Драйвер подняла коробочку с пола; она была золотая с эмалью и крошечными бриллиантиками, вделанными в крышку.

– Вот это да! – вскричала миссис Драйвер и, быстро наклонившись, неожиданно резким движением выдернула выступающую половицу.

По дому разнесся пронзительный вопль Миссис Драйвер увидела, что внизу, под полом, кто-то двигается – бегает, карабкается, кричит! Раздавались какие-то звуки – писк, бормотанье, щебет. Эти кто-то выглядели как человечки... с руками и ногами... и разинутыми ртами. Да, так они и выглядели... но конечно же, они не могли быть людьми. Они бегали взад, вперед, туда и сюда, они были повсюду.

– Ой! Ой! Ой! – вопила миссис Драйвер и, нащупав позади себя стул, забралась на него. Стул зашатался и, все еще крича, она вскарабкалась со стула на стол...

Там она и стояла, словно на острове посреди бушующего океана, и со слезами в голосе звала на помощь. Ей казалось, что прошла целая вечность, пока не раздался стук в буфетной. Это был Крэмпфирл, разбуженный наконец криками и светом.

– Что там? Что случилось? – звал он. – Впустите меня!

Но миссис Драйвер ни за что не хотела слезать со стола.

– Гнездо! Гнездо! – вопила она. – Живые и пищат!

Крэмпфирл нажал всем телом на дверь и выломал замок. Он ввалился в кухню, щурясь от света, его вельветовые штаны были надеты прямо поверх ночной рубашки.

– Где? – спросил он, вытаращив глаза. – Какое гнездо?

Миссис Драйвер, все еще не придя в себя, указала пальцем на пол. Как всегда, медленно и неторопливо Крэмпфирл подошел и посмотрел вниз. Он увидел дыру в полу, заполненную какими-то мелкими предметами. . вроде бы детскими игрушками, обрывками старья... и все.

– Ничего тут нет, – сказал он через минуту. – Это мальчишка, его рук дело. – Крэмпфирл пошевелил в дыре

носком ботинка. – Тут нет ничего живого, – сказал он.

– Но я их видела, говорю вам, – задыхаясь, произнесла миссис Драйвер, – вроде как человечки... с руками... или наряженные мыши...

Крэмпфирл уставился в дыру.

– Наряженные мыши! – неуверенно повторил он.

– Несколько сотен, – продолжала миссис Драйвер. – Бегали и пищали. Я видела их своими глазами, говорю вам.

– Ну, теперь там никого нет, – сказал Крэмпфирл и в последний раз раскидал все в дыре ногой.

– Значит, они убежали! – закричала миссис Драйвер. – Под пол... за стены... весь дом кишит ими.

– Что ж, – флегматично отозвался Крэмпфирл, – вполне может быть. Но если вы спросите меня, я думаю – это все проделки мальчишки, прячет тут свои вещи. – Глаза его вдруг заблестели, и он опустился на одно колено. – Может, и хорек у него тоже здесь.

– Послушайте, – сказала миссис Драйвер, и в голосе ее прозвучало отчаяние, – послушайте же меня. Мальчишка тут ни при чем, и хорек тоже. – Она ухватилась за спинку стула и неуклюже спустилась на пол, затем подошла к Крэмпфирлу, стоящему у дыры в полу. – У них были руки и лица, говорю я вам. Взгляните, – сказала она, указывая на что-то пальцем. – Видите? Это кровать. И теперь, поразмыслив, я вспоминаю, что один из них в ней лежал.

– Поразмыслив? – повторил Крэмпфирл.

– Да, – продолжала миссис Драйвер, – и я еще кое-что вспоминаю. Помните ту служанку, Розу Пикхэтчет?

– Дурочку?

– Ну, дурочка она была или нет, я теперь не знаю; так вот, она видела одного... одну... на каминной доске в гостиной... с бородой.

– Одного... одну.... кого? – спросил Крэмпфирл

Миссис Драйвер бросила на него испепеляющий взгляд.

– О чем я вам все это время толкую? Одного... одну из этих...

– Наряженных мышей? – сказал Крэмпфирл.

– Не мышей! – Миссис Драйвер чуть не кричала. – У мышей не бывает бород.

– Вы же сами сказали... – начал Крэмпфирл.

– Я знаю, что я так сказала. Хотя у этих бород не было. Но как их назвать? Чем они могут быть, кроме как мышами?

– Не так громко, – шепнул Крэмпфирл. – Мы разбудим весь дом.

– Через зеленую дверь ничего не слышно, – сказала миссис Драйвер. Она подошла к плите и взяла угольные щипцы. – А если даже и услышат? Мы не делаем ничего плохого. Отодвиньтесь, – продолжала она, – дайте мне подойти к дыре.

Одну за другой она принялась извлекать оттуда вещи, сопровождая это возмущенными возгласами и удивленными ахами. Она сложила их на полу в две кучки: одна – из ценных вещей, другая – из того, что она назвала хламом. Ну и странные предметы свисали со щипцов!

– Только поглядите, ее лучший кружевной носовой платок... еще один, и еще! И моя самая большая игла... я знала, что она у меня была... и мой серебряный наперсток – как вам это нравится! – и еще один из ее наперстков! Батюшки, а сколько тут клубков шерсти, сколько катушек! Нечего удивляться, что никогда не можешь найти белые нитки, когда надо. Картошка... орехи... Поглядите-ка, баночка икры... Икры! Ну, это уж слишком, право, слишком! Кукольные стулья... столы... а промокательная бумага... Так вот куда она девается! О господи! – вдруг воскликнула она, вытаращив глаза. – А это что такое? – миссис Драйвер положила щипцы и наклонилась над дырой – нерешительно, боязливо, словно опасалась, что ее ужалит. – Часы... часы с изумрудами... ее часы! И она так их и не хватилась! – Голос миссис Драйвер зазвучал громче. – И они идут! Поглядите,

можете проверить по кухонным часам. Двадцать пять минут первого.

Миссис Драйвер внезапно села на стул; глаза ее неподвижно смотрели в одну точку, щеки побелели и обвисли, словно из нее выпустили воздух.

– Вы знаете, что это значит? – спросила она Кромпфирла.

– Нет. А что? – сказал он.

– Кража, – сказала миссис Драйвер, – вот что. Об этом надо сообщить в полицию.

Глава восемнадцатая

Мальчик лежал, плотно укрывшись одеялом, и дрожал. Отвертку он положил под матрас. Он слышал, как зазвонил будильник, услышал вскрик миссис Драйвер на лестнице и убежал. Свеча на столике возле его кровати все еще немного чадила, и воск был теплым на ощупь. Мальчик лежал и ждал, но никто не поднялся наверх. Ему казалось, что прошла целая вечность, когда наконец куранты в холле пробили один удар. Час ночи. Внизу не раздавалось ни звука, и, выскользнув из постели, мальчик пробрался по коридору на лестничную площадку. Там он немного посидел, дрожа и вглядываясь в темноту внизу. Было тихо, лишь тикали часы да порой раздавался шорох или вздох, который можно было принять за порыв ветра, но который – мальчик знал это – издавал сам дом: устало вздыхали доски пола, стонали суковатые доски стен. Все было спокойно, и мальчик набрался храбрости: спустившись на цыпочках по лестнице, прошел по коридору до кухни. Немного подождав за зеленой дверью, он осторожно распахнул ее. Кухня была погружена в тишину и полумрак. Так же, как миссис Драйвер, мальчик нашарил на полке над плитой коробок и зажег спичку. Он увидел дыру в полу, лежащие кучей предметы рядом и – одновременно – заметил на полке свечу. Неловко дрожащими пальцами зажег ее. Да, тут оно все

и лежало — содержимое домика в подполье, брошенное как попало, и рядом щипцы. Миссис Драйвер унесла все, что считала ценным, а «хлам» оставила на полу. И, сваленное вот так, оно и выглядело хламом: мотки шерсти, сморщенные картофелины, разрозненные кукольные столы и стулья, спичечные коробки, катушки, скомканные промокашки...

Мальчик опустился на колени. Сам дом был разгромлен, переборки между комнатами свалились; там, где Под углублял пол комнат, чтобы было просторнее, была голая земля, валялись спички, старое цевочное колесо, кожура луковиц, бутылочные пробки... Мальчик смотрел, моргая глазами; рука со свечой так дрожала, что на пальцы потек горячий воск. Затем он стал на ноги и, пройдя на цыпочках через кухню, закрыл дверь в буфетную. Вернулся обратно и, склонившись над дырой, тихо позвал:

— Арриэтта... Арриэтта!

Подождал немного и позвал снова. Опять что-то горячее капнуло ему на руку: это была его слеза. Он сердито смахнул ее и, опустив голову еще ниже, позвал опять:

— Под! — шепнул он. — Хомили!

Они возникли так бесшумно в пляшущем свете свечи, что сначала он их не увидел. Они стояли молча, подняв к нему белые от испуга лица, там, где раньше был проход к кладовым.

— Где вы были? — спросил мальчик.

Под откашлялся.

— В другом конце коридора. Под курантами.

— Мне надо вас отсюда забрать, — сказал мальчик.

— Куда? — спросил Под.

— Не знаю. Может быть, на чердак?

— Что толку? — сказал Под. — Я слышал, что они говорили. Они собираются сообщить в полицию, и принести кошку, и вызвать санитарную инспекцию и крысолова из Лейтон-Баззарда.

Наступило молчание. Маленькие глаза смотрели в большие глаза.

— В доме не будет ни одного безопасного места, — сказал наконец Под.

Никто не шевельнулся.

— А как насчет кукольного домика на верхней полке в классной комнате? — предложил мальчик. — Туда даже кошка не заберется.

Хомили кивнула в знак согласия.

— О да, — еле слышно вздохнув, произнесла она, — кукольный домик...

— Нет, — все так же без выражения произнес Под. — На полке жить нельзя. Может быть, кошка и не заберется наверх, зато и мы не спустимся вниз. Там как в клетке. Нам нужна вода и...

— Я стану носить вам воду, — сказал мальчик, — и здесь, — он коснулся кучки «хлама», — есть кровати и другие вещи.

— Нет, — сказал Под, — полка не годится. Да и ты скоро уедешь, так они говорили.

— О, Под, — умоляюще зашептала Хомили, — в кукольном домике есть лестница, и две спальни, и столовая, и кухня... И ванная, — добавила она.

— Но этот дом под самым потолком, — растолковывал жене Под. — Тебе же надо есть, не так ли? — спросил он. — И пить?

— Да, Под, я знаю. Но...

— Никаких «но», — сказал Под и тяжело вздохнул. — Нам остается одно, — сказал он. — Переселиться.

— О!.. — прошептала Хомили, и Арриэтта принялась плакать.

— Полно, полно, — устало сказал Под, — не расстраивайся так.

Арриэтта закрыла лицо руками, но слезы скатывались между пальцев; мальчик видел, как они поблескивают при свете свечи.

— А я и не расстраиваюсь, — всхлипнула она. — Я плачу от радости.

— Вы имеете в виду, — сказал мальчик Поду, однако

поглядывая одним глазом на Арриэтту, – что переедете в барсучью нору?

Мальчик чувствовал, что его тоже охватывает радостное волнение.

– Куда же еще? – спросил Под.

– О господи! – простонала Хомили и села на поломанный комод из коробков.

– Но вам надо где-то спрятаться на эту ночь, – сказал мальчик. – Надо где-то побыть до утра.

– О господи! – снова простонала Хомили.

– Тут он прав, – сказал Под. – Мы не можем идти по полю ночью. И днем это нелегкое дело.

– Я знаю! – вскричала Арриэтта. Ее мокрое от слез лицо, блестевшее при свете свечи, сияло трепетной радостью. Арриэтта поднялась на цыпочки и взметнула вверх руки, словно собиралась взлететь. – Давайте переночуем в кукольном доме этой ночью, а завтра... – она закрыла глаза, словно ослепленная ярким видением, – завтра мальчик положит нас... положит нас... – Куда – она не могла сказать.

– Положит нас? – вскричала Хомили глухим, словно загробным голосом. – Куда?

– В карман, – пропела Арриэтта. – Положишь, да? – Она снова взметнула руки, подняв к нему сияющее лицо.

– Да, – сказал он, – а потом принесу багаж в корзинке для рыбы.

– Ох! – вздохнула Хомили.

– Я выберу из этой кучи всю мебель. Они и не заметят. И все, что вам еще нужно.

– Чаю, – прошептала Хомили, – чтобы на всю жизнь хватило.

– Хорошо, – сказал мальчик. – Я принесу фунт чаю. И кофе тоже, если хотите. И кастрюли. И сковородки. И спички. Все будет в порядке, – сказал он, обращаясь к Хомили.

– Но что они там, в поле, едят? – простонала Хомили. – Гусениц?

– Ну, Хомили, не говори глупостей, – сказал Под. – Люпи всегда была хорошей хозяйкой.

– Но Люпи там нет, – сказала Хомили. – Ягоды. Они едят ягоды? А как они готовят? На костре?

– Право, Хомили, – сказал Под, – мы все это выясним, когда попадем туда.

– Я не сумею разжечь костер, – сказала Хомили, – особенно на ветру. А если пойдет дождь? Как они готовят, если идет дождь?

– Ну же, Хомили, – попытался прервать ее Под, он уже начал терять терпение, но она продолжала.

– Ты не сможешь достать нам коробки две сардин? – спросила она мальчика. – И соли? И свеч? И спичек? И принести ковры из кукольного дома?

– Конечно, смогу, – сказал мальчик, – все, что вы захотите.

– Хорошо, – сказала Хомили. У нее все еще был очень встрепанный вид – отчасти из-за того, что половина папильоток раскрутилась и волосы торчали вверх отдельными пучками, но она, видимо, умиротворилась. – Как ты поднимешь нас наверх в классную комнату?

Мальчик взглянул на свою ночную рубашку, в которой не было ни одного кармана.

– Я вас отнесу, – сказал он.

– Как? – спросила Хомили. – В руках?

— Да, — ответил мальчик.

— Лучше умереть, — сказала Хомили. — Лучше остаться здесь, чтобы меня съел крысолов из Лейтон-Баззарда.

Мальчик обвел взглядом кухню, он попал в тупик.

— Может быть, вы залезете в мешочек для бельевых прищепок? — сказал он наконец, увидев мешочек на его обычном месте — на ручке двери в буфетную.

— Хорошо, — сказала Хомили. — Только вынь раньше прищепки.

Он положил мешочек на пол, и Хомили первая храбро вошла в него.

Мешочек был сшит из холста и казался мягким на ощупь.

Когда мальчик поднял его, Хомили завизжала и прижалась к Поду и Арриэтте.

— Ой! — простонала она, когда мешок покачнулся. — Ой, не могу. Остановись! Вынь меня! Ой! Ой! — И, цепляясь друг за друга, они упали вверх тормашками на дно мешка.

— Успокойся, Хомили, — сердито сказал Под и крепко схватил ее за ногу.

Не так-то ему было легко удержать ее от крика, когда он сам лежал на спине, прижав подбородок к груди, а одна нога, застряв в складке мешочка, была поднята над головой. Арриэтта вскарабкалась наверх и выглянула наружу.

— Ой, Под, я не могу, — рыдала Хомили. — Останови его, Под. Я умираю. Скажи, чтобы он опустил нас на пол.

— Опусти нас, — терпеливо, как всегда, сказал Под. — На одну минутку. Вот так, хорошо.

Как только мешочек опустился на пол возле дыры, они все выбежали наружу.

— Послушайте, — чуть не плача, сказал мальчик Хомили, — вы должны попытаться.

— Она и пытается, — сказал Под. — Дай ей только

передохнуть и делай все помедленнее, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

Хорошо, – согласился мальчик, – но у нас мало времени. Ну, давайте же, – обеспокоенно продолжал он. – Прыгайте внутрь.

– Тише! – вскричал Под и замер.

Глядя вниз, мальчик видел три поднятых к нему лица – они казались белыми ракушками, неподвижными на фоне темноты. Секунда, и они исчезли – голые доски пола, пустая дыра. Он наклонился к ней.

– Под! – позвал он тревожным шепотом. – Хомили! Вернитесь! – А затем он тоже замер в той позе, в которой был.

За его спиной скрипнула дверь.

Это была миссис Драйвер. Она стояла на пороге между буфетной и кухней, не говоря ни слова. Обернувшись, мальчик уставился на нее.

– Доброе утро, – сказал он дрожащим голосом.

Она не улыбалась, но в глазах ее что-то мелькнуло – злорадство, торжество? В руках миссис Драйвер держала свечу, и лицо ее казалось исполосованным светом и тенями.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

Он по-прежнему не сводил с нее глаз и молчал.

– Отвечай, – сказала она. – И зачем тебе понадобился мешочек для бельевых прищепок?

Мальчик все еще глядел на нее с глуповатым видом

– Мешочек для прищепок? – повторил он и взглянул вниз, словно удивляясь, как тот оказался у него в руке. – Ни за чем.

– Это ты спрятал часы в дыре?

– Нет, – ответил он, опять глядя на нее. – Они уже там лежали.

– Ага! – сказала она и улыбнулась. – Значит, ты знал, что они там?

– Нет, – сказал он, – то есть да.

– Знаешь, кто ты такой? – спросила миссис Драйвер,

пристально глядя на него. – Ты подлый, трусливый, дрянной мальчишка.

Его лицо задрожало.

– Почему? – сказал он.

– Сам знаешь почему. Ты испорченный, злой, лени вый воришка. Вот кто ты такой. И они тоже. Эти мерзкие юркие, писклявые, хитрые, маленькие...

– Нет, они – нет, – прервал он ее.

– И ты с ними в сговоре! – Она подошла к нему и, схватив за плечо, рывком подняла с пола. – Знаешь, что делают с ворами? – спросила она.

– Нет, – сказал он.

– Сажают за решетку. В тюрьму. Вот что делают с ворами. Вот что будет с тобой.

– Я не вор! – закричал мальчик, губы его прыгали. – Я – добывайка.

– Кто-кто? – Она крепче вцепилась ему в плечо и повернула к себе лицом.

– Добывайка, – повторил он. Глаза его наполнились слезами. Ах, лишь бы они не потекли по щекам...

– А-а... значит, это так называется?! – воскликнула миссис Драйвер (в точности как он сам – как давно это было, казалось ему, – в тот день, когда он познакомился с Арриэттой).

– Так их зовут, – сказал мальчик. – Это такие человечки... добывайки...

– Добывайки? – озадаченно повторила миссис Драйвер, но тут же рассмеялась: – Ну, теперь с этим покончено. В этом доме они добыли все, что могли, пришла пора отдавать! – Она потащила мальчика к двери.

Слезы градом покатились по его лицу.

– Не трогайте их, – умоляюще произнес он. – Я уберу их отсюда, я обещаю... я знаю, как...

Миссис Драйвер засмеялась и толкнула его через порог зеленой двери.

– Их и так уберут, можешь не волноваться, – сказала она. – Крысолов знает, как их убрать. И кот Крэмпфирла

знает. И санитарный инспектор. И пожарники, если понадобится. Полиция тоже знает, не сомневайся. Нечего беспокоиться, как их убрать. Главное – найти их гнездо, – продолжала она, понизив голос до злобного шепота, так как они проходили мимо спальни тети Софи, – остальное легко.

Она втолкнула его в классную комнату и заперла снаружи дверь; он слышал, как скрипели половицы в коридоре, когда она возвращалась к себе. Мальчик заполз под одеяло – он очень озяб – и там наконец дал волю слезам.

Глава девятнадцатая

– Ну, слава богу, – сказала миссис Мей, кладя на стол крючок для вязания, – добрались до конца.

Кейт уставилась на нее.

– Не может быть, – еле вымолвила она, – о, пожалуйста... пожалуйста...

– Последний квадрат, – сказала миссис Мей, разглаживая его на коленях, – из ста пятидесяти, которые нам нужны. Теперь можно сшивать...

– О, – переводя дыхание, сказала Кейт, – вы говорите об одеяле! Я думала, вы имеете в виду эту историю.

– Истории тоже пришел конец, – рассеянно сказала миссис Мей, – в известном смысле. – И она принялась разбирать вязаные квадраты.

– Н-но... – запинаясь, произнесла Кейт, – не можете же вы... я хочу сказать... – И у нее вдруг сделался такой вид, который вполне оправдывал то, что о ней говорили: вспыльчивая, своевольная, ну и все остальное. – Это нечестно! – вскричала она. – Это обман! Это...

На глазах у нее появились слезы; она бросила на стол носок, вслед за ним штопальную иглу, лягнула ногой мешок с шерстяными клубками, лежавший возле нее на ковре.

– Почему, Кейт? – Миссис Мей была искренне удивлена.

— Еще что-то должно же было произойти! — сердито закричала Кейт. — А крысолов? А полисмен? А...

— И произошло, — сказала миссис Мей. — Очень многое произошло. Я как раз собиралась все это тебе рассказать.

— Тогда почему вы сказали, что это конец?

— Потому, — проговорила миссис Мей (у нее все еще был удивленный вид), — что брат никогда больше их не видел.

— Тогда о чем же еще рассказывать?

— О том, — сказала Мей, — о чем есть что рассказать.

Кейт с негодованием уставилась на нее.

— Так рассказывайте же!

Миссис Мей в свою очередь посмотрела на девочку.

— Кейт, — сказала она, немного помолчав. — Истории никогда по-настоящему не кончаются. Они продолжаются до бесконечности. Просто в каком-то месте их перестают рассказывать.

— Но не в таком месте! — сказала Кейт.

— Ладно, вдень нитку в иголку, — сказала миссис Мей, — серую, шерстяную. И мы сошьем вместе эти квадраты. Я начну сверху, ты — снизу. Сперва серый квадрат, потом зеленый, потом розовый и так дальше...

— Значит, на самом деле, — сердито сказала Кейт, пытаясь продеть толстую шерстяную нитку в маленькое игольное ушко, — он все-таки их видел.

— Нет, не видел, я не оговорилась. Ему неожиданно пришлось уехать... в конце той же недели... потому что в Индию шел пароход и на нем плыли знакомые, которые обещали взять его с собой. А те три дня, что он еще оставался в доме, миссис Драйвер продержала его взаперти.

— Три дня! — воскликнула Кейт.

— Да. Видимо, миссис Драйвер сказала тете Софи, что он простудился. Она не хотела причинять ему зла, но она твердо решила избавиться от добываек, а брат мог помешать ей.

— А ей это удалось? — спросила Кейт. — Я хочу сказать... они все пришли? И полисмен? И крысолов? И?..

— Санитарный инспектор не приехал. Во всяком случае, пока брат был там. И им не удалось вызвать крысолова из города, но они нашли человека из местных. Полисмен пришел... — Миссис Мей рассмеялась. — Эти три дня миссис Драйвер давала брату настоящий радиорепортаж о том, что происходит внизу. Она любила поворчать, а брат, запертый в своей комнате и больше ей не опасный, перестал быть для нее врагом. Она приносила ему в комнату еду и в первое же утро принесла на подносе всю игрушечную мебель и заставила поставить ее обратно в кукольный дом. Вот тогда-то она и сказала ему про полисмена. Он говорил мне, что она была вне себя от злости. Ему даже жалко ее стало.

— Почему? — спросила Кейт.

— Потому что полисмен оказался сыном Нелли Ранэйкр — Эрни, которого миссис Драйвер не раз гоняла в прежние времена из сада, когда он мальчишкой таскал яблоки с яблони, что растет у ворот. «Подлый, трусливый, дрянной воришка, — сказала она про него брату. — Расселся у меня в кухне, как у себя дома, выложил на стол записную книжку и скалит зубы... Говорит, ему стукнул двадцать один год... Наглый, как не знаю что, откуда только такие берутся!..»

— А он правда был, — спросила Кейт, глядя на нее во все глаза, — дрянной воришка?

— Конечно, нет. Не больше, чем брат. Эрни Ранэйкр был прекрасный юноша с прямой осанкой и прямой душой, гордость всей полиции. И он вовсе не скалил зубы над миссис Драйвер, когда она рассказывала ему свою историю, просто когда она описывала Хомили, спящую в постели, он кинул на миссис Драйвер взрослый (как говорил потом Крэмпфирл) взгляд, казалось, он хотел ей сказать: «Сильнее разбавляйте ее водой».

— Кого — ее? — спросила Кейт.

— Старую добрую мадеру, наверно, — сказала миссис Мей. — И тетя Софи заподозрила то же самое: она страшно разгневалась, когда узнала, что миссис Драйвер видела нескольких человечков, а она сама после целого графинчика мадеры видела всего одного, ну от силы двух. Она велела Крэмпфирлу принести все ящики с мадерой из подвала к ней в комнату и составить их у стены в углу, где она сможет, сказала она, за ними приглядывать.

— А кошку они достали? — спросила Кейт.

— Да. Но от нее тоже было мало толку. Это был старый кот Крэмпфирла, рыжий с белыми пятнами. По словам миссис Драйвер, у него было только два желания — удрать из дома или забраться в кладовую, где хранили продукты. «Что там говорить о добывайках, — ворчала миссис Драйвер, ставя на стол тарелку с рыбным пирогом, который она принесла брату на второй завтрак, — им до этого кота далеко — добыл себе в кладовой рыбу и полгоршка сметаны». Но кот недолго пробыл в доме. Первое, что сделали фокстерьеры, которых привел крысолов, это выгнали его оттуда. Ну и шум они подняли, рассказывал брат. Они гоняли кота по лестницам — вверх и вниз и по комнатам — взад и вперед и так лаяли, что чуть не охрипли. Последнее, что видел брат из окна, — рыжее пятно, которое мчалось через рощу и дальнее поле, а за ним — терьеры, вся свора, как один.

— Поймали они его?

— Нет, — рассмеялась миссис Мей, — он еще жил у Крэмпфирла, когда туда приехала я через год. Немного угрюмый и необщительный, но целый и невредимый.

— Расскажите, что было, когда приехали вы.

— О, я там недолго пробыла, — торопливо сказала миссис Мей, — а потом дом продали. Брат никогда больше туда не приезжал.

Кейт подозрительно глядела на нее, покалывая нижнюю губу иголкой.

— Значит, они так и не поймали добываек? — спросила она наконец.

Миссис Мей отвела глаза.

– Да нет, не поймали, но... – Она заколебалась. – То, что они сделали, было для бедного брата и того хуже.

– Что они сделали?

Миссис Мей отложила иглу и несколько минут молча смотрела на руки.

– Я ненавидела этого крысолова, – внезапно сказала она.

– А вы его разве знали?

– Его все там знали. У него было бельмо на глазу. Его звали Рич Уильямс. Он и свиней колол, и... ну и всякие другие вещи делал... у него были ружье, топор, лопата, кирка и приспособление с кузнечными мехами, чтобы выкуривать крыс. Я не знаю точно, чем он их выкуривал... он сам варил это ядовитое снадобье из трав или химикалий, но запах я помню; он долго еще держался у амбаров и вообще всюду, где этот Рич Уильямс бывал. Можешь себе представить, что было с братом, когда на третий день – тот самый день, когда он должен был уезжать, – до него донесся этот запах...

Брат был уже одет и совсем готов в дорогу. Упакованные чемоданы стояли внизу в холле. Пришла миссис Драйвер, отперла дверь и повела его по коридору в спальню тети Софи. Он стоял бледный, застывший, в пальто и перчатках возле ее завешенной пологом кровати.

– У тебя что – уже морская болезнь началась? – насмешливо спросила тетя Софи, глядя на него с высоты кровати.

– Нет, – ответил он, – это от запаха.

Тетя Софи принюхалась.

– Что это за запах, Драйвер? – спросила она.

– Там крысолов, миледи, – ответила миссис Драйвер, покраснев. – Там, в кухне...

– Что?! – воскликнула тетя Софи. – Вы их выкуриваете?! – И она засмеялась. – О боже, о боже! – всхлипывала она. – Но если они вам не по вкусу, Драйвер, избавиться от них проще простого.

— Как, миледи? — спросила миссис Драйвер, и даже ее двойной подбородок и тот покраснел. Ей было очень неловко.

Обессилев от смеха, тетя Софи помахала унизанной кольцами рукой.

— Покрепче затыкайте бутылку пробкой, — выговорила она наконец и указала им кивком на дверь.

Спускаясь по лестнице, они все еще слышали ее смех.

— Она в них не верит, — пробормотала миссис Драйвер и крепче ухватила брата за плечо. — Ну и глупо! Посмотрим, что она запоет, когда я потом принесу их к ней в комнату на чистой газете, всех рядком по росту... — И миссис Драйвер без церемонии поволокла брата через холл.

Куранты были сдвинуты с места, и брат сразу же заметил, что дыра в деревянной панели была законопачена. Входные двери, как обычно, стояли настежь, и в холл врывался солнечный свет. У двери, на коврике, стояли его чемоданы, поджариваясь на солнце. С фруктовых деревьев за дорожкой уже облетел цвет, и ветки покрылись крошечными светло-зелеными листочками, прозрачными на солнце.

— Времени хоть отбавляй, — сказала миссис Драйвер, взглянув на часы, — кеб приедет не раньше половины четвертого...

— Часы стоят, — сказал брат.

Миссис Драйвер обернулась. На ней была шляпа и парадное черное пальто, ведь она самолично везла его на станцию. Вид у нее был непривычный, словно она собралась идти в церковь.

— Да, — сказала она; у нее открылся рот и тяжело обвисли щеки. — Верно, из-за того, что мы их сдвинули, — решила она. — Все будет в порядке, когда их поставят на место. В понедельник придет мистер Фриш. — И она снова крепко ухватила его повыше локтя и потащила дальше.

— Куда мы идем? — спросил он, упираясь.

– В кухню. У нас еще есть минут десять. Разве ты не хочешь посмотреть, как их поймают?

– Нет, – сказал он, – нет, – и вырвался от нее.

Миссис Драйвер глядела на него, улыбаясь.

– Ну а я хочу, – сказала она. – Хочу рассмотреть их получше. Он напускает под пол свое снадобье, и они выбегают наружу. Во всяком случае так делают крысы. Но сперва, говорит он, надо заделать все выходы. – И ее глаза вслед за глазами брата обратились к дыре под часами – она была замазана словно бы серым тестом, а сверху был криво прилеплен кусок оберточной бумаги.

– Кто ее нашел? – спросил он.

– Рич Уильямс. Это его работа.

– Ее можно расковырять, – сказал мальчик минуту спустя.

Миссис Драйвер рассмеялась, на этот раз добродушно:

– О нет, нельзя! И думать нечего. Накрепко зацементировано, целый цементный блок, да еще поперек железный лист от старой печки из оранжереи. Рич Уильямс с Крэмпфирлом целый день провозились до самого чая. Нам здесь больше таких фокусов не надо. Да еще под курантами. Их не так-то просто сдвигать с места. Особенно если хочешь, чтобы они точно ходили. Видишь, где они стояли, – там, где на полу вроде бы подставка?

Вот тут-то брат в первый и последний раз в жизни увидел это подножие из плитняка.

– Ладно, пошли, – сказала миссис Драйвер и снова взяла его за руку. – Мы услышим кеб из кухни.

Но когда они прошли в кухню через зеленую, обшитую байкой дверь, там было форменное столпотворение. Услышать отсюда, как подъезжает кеб, нечего было и думать.

– Спокойно, спокойно, спокойно!.. – повторял громко и монотонно Крэмпфирл, удерживая на поводке тяжело дышащих и заливисто лающих терьеров крысолова. Полисмен тоже был там – Эрни, сын Нелли Ранэйкр.

Он пришел просто из интереса и стоял в стороне от прочих, сдвинув каску на затылок, с чашкой чая в руке. Лицо его было розовым от возбуждения, и он безостановочно мешал чай ложкой.

— Пока не увижу — не поверю, — весело сказал он вошедшей миссис Драйвер.

Там же был мальчик из деревни, с хорьком. Хорек все время пытался вылезти из кармана, рассказывал брат, а мальчик заталкивал его обратно. Сам Рич Уильямс сидел на корточках возле дыры. Он зажег что-то под куском мешковины, и в кухне стояла страшная вонь. Вот он начал накачивать мехи, медленно и осторожно, напряженно склонившись над ними, полностью уйдя в свое занятие.

Брат стоял там как во сне. («Возможно, мне действительно все это приснилось», — сказал он мне позднее... много позднее, когда мы уже были взрослыми людьми.) Он оглядел кухню. Увидел в окно залитые солнцем фруктовые деревья и ветку вишни, стоявшей на склоне; увидел пустые чашки на столе и торчащие из них ложки — одна чашка была без блюдца; увидел прислоненное к стене у самой зеленой двери снаряжение крысолова — связку кроличьих силков, два мешка, лопату, ружье, кирку и его обтрепанное пальто с заплатами из кожи.

— Приготовьтесь! — раздался голос Рича Уильямса; голос дрожал от возбуждения, но головы Рич не повернул. — Приготовьтесь. Сейчас будет пора спускать собак.

Миссис Драйвер выпустила руку брата и подошла поближе к дыре.

— Назад, — сказал, не оборачиваясь, крысолов. — Мне нужно свободное место...

И миссис Драйвер попятилась к столу. Она поставила рядом с ним стул и, сев, приподняла с полу ноги, но вновь их опустила, поймав смеющийся взгляд Эрни Ранэйкра.

— Ничего, мамаша, — сказал он, вздернув бровь, — мы вас подсадим, когда будет надо.

Кинув на него испепеляющий взгляд, миссис Драйвер схватила со стола три чашки и сердито зашаркала к буфетной. «Грязный, лживый, такой-растакой...» — ворчала она, проходя мимо брата. И при этих словах он вдруг ожил...

Он быстро обежал взглядом кухню: все были поглощены ожиданием, все глаза были устремлены на крысолова... все, кроме глаз деревенского мальчишки, — он как раз доставал из кармана хорька. Брат потихоньку снял перчатки и стал пятиться медленно... медленно... к боленой двери, не сводя глаз с группы вокруг дыры. На мгновение он остановился возле вещей крысолова и протянул настороженную, шарящую руку; наконец его пальцы сомкнулись на гладкой деревянной ручке, отполированной долгим употреблением; он быстро глянул вниз, чтобы не ошибиться, — да, как он и надеялся, это была кирка. Он прислонился к двери и чуть заметно надавил на нее спиной. Она послушно приоткрылась, бесшумно, как всегда. Никто не поднял головы.

— Спокойно, — говорил крысолов, низко склоняясь над мехами, — надо немного подождать, пока дым заполнит все подполье... там не очень-то хорошая вентиляция.

Брат проскользнул в приоткрывшуюся дверь, и она снова со вздохом закрылась, заглушив шум. Несколько шагов он прошел на цыпочках, затем пустился бегом.

Вот он снова в залитом солнцем холле, вот и его чемоданы на коврике у дверей. Он налетел на часы, и они пробили — бам-м! — звук был дрожащий и тревожный. Брат поднял кирку над головой и обрушил сбоку удар на дыру внизу панели. Бумага разорвалась, отлетело несколько кусков цемента, и кирка резко отскочила — он еле удержал ее в руках. Да, там за цементом действительно было железо. Еще удар. И еще... Вся панель над дырой была в зазубринах, но кирка по-прежнему отскакивала назад. Бесполезно; руки, мокрые от пота, скользили по гладкому дереву ручки. Он остановился, чтобы перевести дыхание, и увидел подъезжающий кеб. Кеб был еще на дороге позади живой

изгороди в дальнем конце фруктового сада; скоро он подъедет к яблоне возле ворот, затем покатит по подъездной аллее к парадной двери. Брат взглянул на часы – они ровно тикали, возможно, в результате его толчка. Этот звук почему-то успокоил его, перестало так сильно стучать сердце; время – вот что было ему нужно, еще немного времени. «Надо подождать, пока дым заполнит все подполье, – сказал крысолов, – там не очень-то хорошая вентиляция».

«Вентиляция» – спасительное слово. По-прежнему с киркой в руке брат выбежал из двери; на гравийной дорожке он споткнулся и чуть не упал, ручка кирки подскочила и больно ударила его по виску. Когда он подбежал к решетке, оттуда тонкой струйкой уже сочился дым, и ему показалось, что он увидел какое-то движение на фоне темноты между прутьями. Конечно, где же еще им быть?! Но он не стал задерживаться, чтобы убедиться в этом. Позади уже слышался хруст гравия под колесами и стук копыт. Брат был, как я уже говорила тебе, не очень большой и не очень сильный мальчик, и ему было всего девять лет (а не десять, как он похвастался Арриэтте), но он сумел освободить один край решетки всего двумя ударами кирки по кирпичу. Решетка повисла наискосок отверстия, казалось, она держится на одном гвозде. Брат поднялся на склон и, размахнувшись, со всей силы кинул кирку в траву за вишней. Он помнит, что когда он бежал к кебу, спотыкаясь, задыхаясь и обливаясь потом, он подумал, что и это – пропажа кирки – приведет в свое время к очередным неприятностям.

Глава двадцатая

– Но как же! – воскликнула Кейт. – Значит, он не видел, выбрались ли они из подполья?..

– Нет. Сразу же появилась миссис Драйвер; она была очень сердита, потому что они опаздывали на поезд. Она

велела ему сейчас же садиться, она хочет успеть вернуться, сказала она, и посмотреть, «как они подохнут». Вот какая она была, эта миссис Драйвер.

Несколько секунд Кейт молчала, глядя на пол.

– Значит, это действительно конец, – сказала она.

– Да, – ответила миссис Мей, – в некотором роде. Или начало...

– Но, – Кейт подняла встревоженное лицо, – что, если им не удалось убежать, когда он оторвал решетку? Может быть, их все же поймали?

– О нет, им это удалось, – не задумываясь, сказала миссис Мей.

– Откуда вы знаете?

– Знаю, и все, – сказала миссис Мей.

– Но как они перебрались через поля? Где коровы, и вороны, и всякое другое?

– Прошли их пешком, конечно. Семейство дяди Хендрири раньше них сделало это. Чего не сделаешь, если твердо решился!

– Бедная Хомили! Как она, должно быть, была расстроена.

– Она и была расстроена, – сказала миссис Мей.

– А откуда они знали дорогу?

– Им надо было идти вдоль газопровода, – сказала миссис Мей. – Там есть что-то вроде насыпи через рощу и поля за ней. Понимаешь, когда рабочие выкопали канаву и уложили в нее трубу, она заняла место, и потом вся земля не уместилась обратно, получился небольшой вал.

– Но бедная Хомили... она осталась без чая... и без мебели... и без всех ее вещей. Как вы думаете, они захватили с собой что-нибудь?

– О, люди всегда захватывают что-нибудь, – отрывисто сказала миссис Мей, – иногда самые неожиданные вещи... ты ведь читала о кораблекрушениях – Она говорила теперь торопливо, словно устала рассказывать. – Осторожнее, девочка, рядом с серым не розовый, а зеленый. Тебе придется все отпороть.

— Но, — продолжала с отчаянием в голосе Кейт, бери ножницы, — Хомили было, наверно, так неприятно явиться к Люпи бедной родственницей, бедной и разорительной.

— Разоренной, — терпеливо поправила ее миссис Мей, — и Люпи там не было, ты забыла. Люпи туда не вернулась. Хомили оказалась в своей стихии. Я так и вижу ее. «Ох уж эти мне мужчины...» — сказала, верно, она и сразу же подвязала передник.

— Разве там были одни мальчики?

— Да. И Клавесины, и Куранты. И, наверно, они ужасно избаловали Арриэтту.

— Но что они ели, как вы думаете? Гусениц?

— О боже, девочка, конечно же, нет. У них была замечательная жизнь. Барсучьи норы — это целые квартиры... там масса жилых помещений, и переходов, и кладовых. Они, верно, собирали лесные орехи... лущили из колосьев зерно и складывали в кладовые, а потом мололи муку, в точности как люди... им даже сеять не нужно было, бери готовым. У них был мед. Они могли делать чай, и цветочный, и липовый. И собирать ягоды шиповника и боярышника, и терн, и чернику, и лесную землянику. Мальчики могли удить в ручейках, а для них мальки — что для нас скумбрия. У них были птичьи яйца — столько, сколько душа пожелает, — для омлетов, пирогов и заварных кремов. Понимаешь, они скоро узнали, где что надо искать. И конечно, у них была зелень для салатов. Только подумай, какой превосходный салат можно приготовить из нежных побегов молодого боярышника — в детстве мы называли его бутерброд с сыром — со щавелем и одуванчиками, а если еще приправить его тимьяном и диким чесноком! Не забывай — Хомили всегда хорошо готовила. Недаром же они жили под кухней.

— Но их со всех сторон подстерегала опасность, — не сдавалась Кейт, — все эти ласки, и вороны, и горностаи, и все прочие твари.

— Верно, — согласилась миссис Мей. — Им грозила опасность. Так же, как и всем нам. У них по крайней мере не было войн. А ты подумай о первых колонистах в Америке! Или о крестьянах, которые живут посреди саванны в Африке, где вокруг рыщут дикие звери, или о тех, что живут в джунглях Индии! Они понемногу знакомятся с повадками зверей. Даже кролик знает, когда лиса охотится, а когда нет; он может пробежать у нее под носом, если она сытно поела и нежится на солнце. Все дети Хендрири были мальчики, они должны были научиться охотиться, чтобы добывать пищу, научиться защищать себя. Я не думаю, чтобы Арриэтта или Хомили уходили далеко от дома.

— Арриэтта уходила, — сказала Кейт.

— Да, — согласилась, смеясь, миссис Мей. — Арриэтта, пожалуй, уходила.

— Значит, у них было мясо? — сказала Кейт.

— Да, иногда. Но добывайки — не убивайки. Я думаю, — сказала миссис Мей, — что если горностай, скажем, убивал куропатку, они могли добыть ее ногу или крыло.

— А если лиса убивала кролика, они добывали его мех?

— Да, на одеяла и шубы.

— А какие на вкус ягоды боярышника, если их очистить от кожуры и испечь? — с блестящими от возбуждения глазами спросила Кейт. — Как печеный картофель?

— Возможно, — ответила миссис Мей.

— Но они не могли готовить в барсучьей норе. Я полагаю, они разводили костер. А как зимой? Что они делали, чтобы не замерзнуть?

— Знаешь, что я думаю? — сказала миссис Мей; она отложила работу и немного наклонилась вперед. — Я думаю, они использовали ее, со всеми переходами и кладовыми, как огромный холл-лабиринт. Никто, кроме них, не знал, как пройти по всем галереям и переходам

к их настоящему дому. Добывайки любят длинные коридоры и ворота, и они любят жить далеко от парадных дверей.

— Где же тогда они жили?

— Мне пришло в голову: а не могли они использовать газопровод? — сказала миссис Мей.

— Да-да! — вскричала Кейт. — Я вижу, что вы имеете в виду.

— Земля там мягкая, песчаная. Я думаю, они прошли через всю барсучью нору и вырыли большой круглый зал на одном уровне с газопроводом, а вокруг зала сделали маленькие комнатки, как каютки. И я думаю, — продолжала миссис Мей, — что они проделали в трубе три маленькие дырочки. Одну совсем малюсенькую, такую, что и не увидишь; и газ, который оттуда шел, всегда горел. А две другие, побольше, с затычками; когда они хотели их зажечь, они вынимали затычки. Большие «горелки» зажигались от маленькой. Вот тебе и освещение, и огонь для готовки.

— Но додумались ли они до этого?

— Додумались. Они умные, — успокоила ее миссис Мей, — слишком умные, чтобы жить рядом с газопроводом и не добыть немного газа. Не забывай, кто они.

— Но им был нужен вентилятор.

— О, — сказала миссис Мей, — у них и был вентилятор.

— Откуда вы знаете? — спросила Кейт.

— Потому что однажды, когда я там была, мне почудился запах тушеного мяса.

— Ах! — взволнованно вскричала Кейт и, забравшись с коленями на табурет, перегнулась к миссис Мей. — Значит, вы все-таки там были? Вот откуда вы все это знаете. Вы их тоже видели!

— Нет, нет, — сказала миссис Мей, немного отодвигаясь. — Я их никогда не видела. Ни разу!

— Но вы там были? Вы что-то знаете! Вижу, что знаете.

— Да, я там была, — миссис Мей посмотрела прямо в горящие нетерпением глаза Кейт; казалось, она была в нерешительности, чуть ли не чувствовала себя виноватой. — Хорошо, — согласилась она наконец, — я тебе расскажу, но я ни за что не ручаюсь. Я приехала туда как раз перед тем, как тетю Софи забрали в больницу. Я знала, что дом продадут, поэтому я... — Миссис Мей опять заколебалась, затем продолжала смущенно: — Я вынула всю мебель из кукольного дома, положила в наволочку и отнесла туда. И на свои карманные деньги купила кое-что... чай и кофейные зерна... и соль, и перец, и гвоздику, и большой пакет сахара. И взяла целый ворох шелковых лоскутков, которые остались, когда мы шили лоскутное одеяло. И немного рыбьих косточек на иголки. Я положила туда крошечный наперсток, который был в моем куске рождественского пирога, и целый набор щипчиков и тарелочек из цветной фольги, которые были в коробке из-под шоколадных конфет...

— Но вы их ни разу не видели?

— Нет. Ни разу. Я просидела несколько часов на склоне под живой изгородью из боярышника. Мне очень нравился этот склон: отовсюду торчали перекрученные корни, в песке были ямки, там росли лесная фиалка, и первоцвет, и ранняя смолка. С самого верха склона было видно на много миль кругом — и поля, и леса, и долины, и извилистые проселочные дороги, трубы большого дома.

— Может быть, вы сидели не там, где надо.

— Не думаю. Сидя так в траве, глядя на жуков и муравьев, я нашла желудь; он был гладкий и сухой, сбоку у него была пробуравлена дырочка, а самая верхушка срезана...

— Чайник! — воскликнула Кейт.

— Думаю, что да. Я все кругом обыскала, но носика из перышка так и не нашла. Тогда я принялась звать их, я кричала во все норки и дыры... как раньше брат. Но мне никто не ответил. А когда я пришла туда на следующий день, наволочка исчезла.

— И все, что в ней, тоже?

— Да. То, что в ней, тоже. Я обшарила все вокруг — вдруг увижу шелковый лоскут или зернышко кофе. Но нет, я не нашла ничего. Конечно, там мог кто-нибудь проходить и унести наволочку со всем содержимым. Вот в тот день, — сказала миссис Мей, улыбаясь, — я и почуяла запах тушеного мяса.

— А на который день, — спросила Кейт, — вы нашли дневник Арриэтты?

Миссис Мей вновь положила шитье.

— Кейт, — начала она удивленно, затем нерешительно улыбнулась. — Почему ты это спрашиваешь? — Щеки ее порозовели.

— Я догадалась, — сказала Кейт. — Я знала, что есть что-то... что-то, чего вы не хотите мне говорить. Например, что вы прочитали чужой дневник.

— Не дневник, — сказала миссис Мей поспешно, но щеки ее покраснели еще пуще прежнего. — Я нашла книжечку под названием «Памятные заметки», ту, с пустыми страницами. Там Арриэтта про все это и написала. И я не тогда ее нашла, а через три недели... накануне того дня, когда я насовсем уехала оттуда.

Несколько минут Кейт сидела молча, во все глаза глядя на миссис Мей. Наконец она протяжно вздохнула.

— Но это же все доказывает, — сказала она. — Подземный зал и все остальное.

— Не совсем, — сказала миссис Мей.

— Почему? — спросила Кейт.

— Арриэтта писала букву «е» как маленький месяц с черточкой посредине.

— Ну и что из того? — спросила Кейт.

Миссис Мей рассмеялась и снова взялась за шитье.

— Мой брат тоже так писал эту букву, — сказала она.

ДОБЫВАЙКИ
В ПОЛЕ

Глава первая

Что было однажды, может случиться дважды.

Из дневника Арриэтты. 19 марта

Ну кому еще было выяснить судьбу добываек, как не Кейт?

Много лет спустя, когда она была уже совсем взрослой, она записала их историю для своих четверых детей, собрав ее по крупицам, как собирают материал для исторических или биографических книг. Кое-что она помнила сама, кое-что ей рассказали другие, а кое-что — лучше уж сразу признаться в этом — она просто придумала. Самой примечательной находкой, подтверждающей ее рассказ, была крошечная старомодная записная книжечка с золотым обрезом, найденная Кейт в доме лесника в поместье Стаддингтонов неподалеку от Лейтон-Баззарда в Бедфордшире.

Старый Том Доброу, лесник, всегда был против того, чтобы история добываек была записана на бумаге, но, поскольку он давным-давно умер и лежал тихо и спокойно в могиле, а дети Кейт были вовсе не тихими и далеко не спокойными, она решила, что, будь он жив, он бы,

наверное, преодолел свое предубеждение, понял ее и простил. Так или иначе, по размышлении Кейт решила рискнуть.

Когда Кейт была еще девочкой и жила с родителями в Лондоне, кров разделяла с ними одна старая дама (я думаю, она была их дальняя родственница), которую звали миссис Мей. Когда долгими зимними вечерами они сидели перед камином и миссис Мей учила Кейт вышивать тамбуром, именно она впервые и рассказала девочке о добывайках.

В ту пору Кейт и в голову не приходило сомневаться в том, что они существуют на свете — эти маленькие человечки, как две капли воды похожие на настоящих людей, — и живут, никому не видимые, под полом и за деревянной обшивкой стен в некоторых тихих старых домах. Лишь позднее Кейт стала брать это под сомнение. (И совсем напрасно, как вы узнаете из последующих глав. Ей предстояло узнать о куда более диковинных вещах и куда более непредвиденных и необычайных событиях, чем те, что могла себе представить миссис Мей.)

Все, что миссис Мей поведала Кейт о добывайках, было рассказано с чужих слов. Миссис Мей созналась — и даже приложила немало трудов, чтобы убедить в этом Кейт, — что сама она никогда в жизни не видела ни одного добывайки, а узнала об этом народце из вторых рук, от младшего брата, мальчика, обладавшего на редкость живой фантазией и — как это всем было известно — привычкой дразнить сестер. Да, решила Кейт, раздумывая об этом на досуге, хочешь — верь, хочешь — нет.

И сказать по правде, почти целый год, после того как миссис Мей впервые рассказала ей о добывайках, Кейт скорее склонялась к тому, чтобы не верить, иные увлечения отодвинули добываек на задний план. За этот год Кейт перешла в другую школу, завела новых подруг, получила в подарок собаку, начала кататься на коньках и научилась ездить на велосипеде. Поэтому у нее и в мыслях не было никаких добываек, когда однажды утром

за завтраком ранней весной миссис Мей протянула ей через стол письмо, сказав при этом (Кейт и внимания не обратила, как взволнованно звучит ее обычно спокойный голос):

– Я думаю, Кейт, это тебя заинтересует.

Письмо ничуть ее не заинтересовало. Кейт дважды перечитала его, но так ничегошеньки и не поняла. Написано письмо было стряпчим из фирмы «Джобсон, Гринг и Зловрединг»; в нем было полно длинных слов вроде «завещание» или «наследование», и даже слова среднего размера соединялись друг с другом таким странным образом, что казались Кейт совершенно бессмысленными (что, например, могло означать «нежилое жилье»? Сколько ни думай, смысла тут не найдешь). А уж имен там было! И Стаддингтон, и Доброу, и Эмберфорс, и Поклинтон, и целое семейство по фамилии Усопшие, которая почему-то писалась с маленького «у».

– Большое спасибо, – вежливо сказала Кейт, возвращая письмо.

– Я подумала, может быть... – сказала миссис Мей (и тут наконец Кейт заметила, что щеки старой дамы порозовели, словно от смущенья), – может быть, ты захочешь поехать со мной.

– Поехать... куда? – спросила Кейт с недоумевающим видом.

– Кейт, милочка! – воскликнула миссис Мей. – Зачем же я показывала тебе письмо? В Лейтон-Баззард, естественно.

Лейтон-Баззард? Много лет спустя, когда Кейт описывала эту сцену своим детям, она говорила им, что при этих словах сердце ее быстро-быстро забилось еще раньше, чем до ее сознания дошел их смысл. «Лейтон-Баззард... знакомое название... Да, так называется небольшой городок где-то... где-то, кажется, в Бедфордшире».

– Туда, где был дом моей двоюродной бабушки, тети

Софи, – подсказала ей миссис Мей. – Туда, где, по словам моего брата, он видел добываек. – И не успела Кейт прийти в себя от изумления, миссис Мей добавила деловым тоном: – Мне оставили по завещанию небольшой домик в поместье Стаддингтонов – том самом, где стоит большой дом, и... – тут она еще сильней покраснела, словно то, что она хотела сказать, казалось ей самой почти чудом, – и триста пятьдесят фунтов. Хватит, – добавила она радостно и изумленно, – на полный ремонт.

Кейт молчала. Прижав стиснутые руки к груди, словно стараясь сдержать неистовые удары сердца, она во все глаза глядела на миссис Мей.

– А мы увидим этот дом? – спросила она наконец охрипшим вдруг голосом.

– Конечно, потому-то мы и едем туда.

– Я хочу сказать – большой дом, дом тети Софи?

– А, Фирбэнкхолл, как его раньше называли? – У миссис Мей был немного озадаченный вид. – Не знаю, возможно, нам и удастся туда попасть. Все зависит от того, кто там сейчас живет.

– Все равно, – продолжала Кейт, стараясь взять себя в руки, – даже если мы не попадем внутрь, вы ведь можете показать мне решетку под кухней и склон, где гуляла Арриэтта, а если приоткроют хоть самую чуточку входную дверь, вы ведь покажете мне, где стояли куранты? Просто быстренько ткнете в то место пальцем... – И так как миссис Мей все еще колебалась, Кейт вдруг горячо добавила: – Вы же сами верили в них, разве нет? Или это была, – ее голос задрожал, прервался, – просто сказка?

– Ну и что из того? – быстро проговорила миссис Мей. – Ведь это была хорошая сказка? Не понимай все буквально, девочка, и не теряй способности верить в чудеса. В конце концов все, в чем сами мы не участвовали, о чем нам рассказывают, кажется сказкой. Единственное, что мы можем в таких случаях делать, – она приостановилась, с улыбкой глядя на Кейт, – быть

внимательными, смотреть на вещи непредвзято и тщательно просеивать факты.

«Тщательно просеивать факты? Что ж, фактов-то, — подумала Кейт, немного успокаиваясь, — предостаточно». Еще до того, как миссис Мей впервые заговорила о добывайках, Кейт подозревала, что они существуют. Как иначе объяснить постоянное и непостижимое исчезновение всевозможных мелких предметов? И пропадали не только французские булавки, иголки, карандаши, промокашки, спичечные коробки и тому подобные вещи. Как ни мало Кейт прожила на свете, она уже успела заметить, что, стоит не заглядывать в ящик комода несколько дней, как, открыв его, ты обязательно чего-нибудь не досчитаешься: лучшего носового платка, единственной длинной иглы, сердоликового сердечка, счастливой монетки... «Но я точно знаю, что положила ее в этот ящик!» — сколько раз она сама произносила эти слова, сколько раз слышала их от других! А уж что до чердака... «Я абсолютно уверена, — чуть не плача, говорила ей мама еще на прошлой неделе, стоя на коленях перед открытым сундуком и безуспешно пытаясь найти там пряжки от туфель, — что положила их в эту коробку вместе с веером из страусовых перьев. Они были завернуты в лоскут черного сатина, и я сунула их сюда, возле ручки...» И то же самое с ящичками от секретера, со швейными шкатулками, коробочками для пуговиц. В баночке с заваркой всегда оказывалось меньше чая, чем накануне вечером, куда-то исчезал рис, если уж об этом зашла речь, и кусковой сахар. Да, решила Кейт, фактов у нее хоть отбавляй, только как их просеять?

— Я полагаю, — задумчиво сказала она, принимаясь складывать салфетку, — одни дома больше для них подходят, чем другие.

— В некоторых домах их вообще нет, — сказала миссис Мей. — По словам брата, — продолжала она, — больше всего, как ни странно, они любят дома, где есть порядок. Он много раз мне говорил, что добывайки пугливы, им

надо точно знать, где что лежит и чем скорее всего будет занят тот или иной обитатель дома в то или иное время. В безалаберных, шумных домах, где хозяйство ведется кое-как, можно, представь себе, бросать вещи где попало, и ничего не пропадет — я имею в виду по вине добывавек. — И миссис Мей коротко рассмеялась.

— А могут добывайки жить под открытым небом? — вдруг спросила Кейт.

— С трудом, — сказала миссис Мей. — Они нуждаются в нас. Им требуются для жизни те же вещи, что и людям.

— Я думала, — продолжала Кейт, — о Поде, и Хомили, и маленькой Арриэтте. Я хочу сказать... когда их выкурили из-под кухни, что с ними стало, как вам кажется?

— Я сама часто спрашиваю себя об этом, — сказала миссис Мей.

— Неужели Арриэтта осталась последней из добываек, как говорил ваш брат?

— Да, так он и сказал: самая последняя, единственная на свете. От всего сердца надеюсь, что он был не прав. С его стороны гадко было так говорить, — задумчиво добавила миссис Мей.

— Не представляю только, как они перебрались через поля... Как вы думаете, им удалось в конце концов найти барсучью нору?

— Кто знает? Я ведь рассказала тебе ту историю с наволочкой. Ну, когда я сложила в наволочку всю мебель из кукольного дома и отнесла к барсучьей норе?

— И как вы почувствовали запах, словно неподалеку варили обед, да? Но это еще не значит, что наши добывайки добрались туда — Под, Хомили и Арриэтта. Ведь в барсучьей норе жили их родичи, не правда ли? Эти Хендрири? Может быть, это они готовили еду.

— Конечно, — сказала миссис Мей.

Несколько минут Кейт молчала, погрузившись в раздумья; но вот лицо ее просияло, и она повернулась на табурете вокруг своей оси.

— Если мы поедем туда на самом деле, — вскричала она (и в глазах ее запылал восторг, словно перед ней возникло видение), — где мы будем жить? На постоялом дворе?

Глава вторая

Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.

Из дневника Арриэтты. 24 марта

Но ничто не бывает таким, каким мы это себе представляем. В данном случае это относится к постоялому двору и — увы! — к дому тети Софи. Ни то, ни другое, по мнению Кейт, не было таким, каким ему следовало быть.

На постоялый двор (как теперь говорят — в гостиницу) следовало приезжать поздним вечером, а не в три часа пополудни, желательно в дождь, а еще лучше в грозу, и стоять он должен на вересковой пустоши (унылой и мрачной, как полагается ее называть). Хозяин там должен быть толстый, в мятом, запачканном соусом переднике; из кухни должны выглядывать поварята; и перед очагом должен стоять в полном молчании, грея у огня руки, высокий темноволосый незнакомец. А уж огонь там — всем огням огонь: огромные поленья в очаге и ослепительное пламя, с треском и гулом устремляющееся в трубу Над огнем, чувствовала Кейт, должен быть подвешен котел... Неподалеку для завершения картины — так во всяком случае представлялось ей — должны лежать собаки.

Но в действительности ничего этого не оказалось. За конторкой сидела молодая женщина в белой блузке, которая записала их имена в книгу приезжих. Были там две официантки: Морин (блондинка) и Маргарет (тихая, как мышка, в выпуклых очках) — и пожилой официант, у которого волосы сзади были совсем другого цвета, чем

спереди. В камине лежали не поленья, а искусственные угли, которые неустанно лизал жалкий язычок электрического света, и (это было хуже всего) вместо высокого темноволосого незнакомца перед камином стоял стряпчий мистер Зловрединг (его имя так и произносилось: Зло-врединг) – кругленький, розовенький, но какой-то удивительно холодный на вид, наверно, из-за седых волос и серых глаз.

Однако снаружи светило яркое весеннее солнце, и Кейт понравилась ее выходящая на рыночную площадь спальня со шкафом красного дерева и умывальником с холодной и горячей водой. А завтра, знала она, они увидят дом – этот легендарный, таинственный дом, который неожиданно стал реальным, не воздушный замок, а строение из настоящих кирпичей и известки, которое находится всего в двух милях от них. Достаточно близко, подумала Кейт, чтобы можно было прогуляться туда после чая, если только миссис Мей не будет так долго разговаривать с мистером Зловрединг.

Но когда на следующее утро они туда наконец пошли (миссис Мей в длинном пальто, похожем на охотничье, с вишневой тростью, подбитой снизу резиной), Кейт была разочарована. Дом оказался ничуть не похож на то, что она себе воображала: просто длинный барак из красного кирпича с двумя рядами блестящих окон, смотревших на нее, словно слепые глаза.

– Со стен сняли плющ, – сказала миссис Мей, не в силах скрыть удивления, однако через минуту она оправилась и добавила более бодрым тоном: – И правильно сделали, ничто так не разрушает кирпичную кладку.

Они зашагали к дверям по подъездной дорожке, и миссис Мей принялась объяснять Кейт, что дом всегда считался ярким образцом архитектуры начала восемнадцатого века.

– Это правда было все здесь? Именно здесь? – повторяла Кейт с недоверием в голосе, словно миссис Мей могла забыть.

– Ну, конечно, милочка, что за глупый вопрос! Вот тут, возле ворот, росла яблоня – яблоня с желто-коричневыми яблоками... и третье окно слева, то, с решеткой, – окно моей спальни. Я спала там во все последние приезды сюда. Детская, понятно, с другой стороны. А вот огород. Мы с братом любили прыгать с этой ограды на кучу компоста. Я помню, однажды Крэмпфирл сильно нас разбранил и померил стену метлой. Десять футов в высоту.

(«Крэмпфирл? Значит, он действительно существовал на свете...»)

Парадная дверь была распахнула. «В точности так, – подумала вдруг Кейт, – как много лет назад, в тот незабываемый для Арриэтты день, когда она впервые увидела «белый свет». Раннее весеннее солнце заливало недавно побеленные ступени и заглядывало в высокий темный холл. Солнечные лучи образовали сияющий полог, сквозь который ничего не было видно. Рядом с крыльцом Кейт заметила железную скобу для сапог. Та или не та, по которой Арриэтта слезла на землю? Сердце Кейт учащенно забилось.

– А где решетка? – шепнула она, в то время как миссис Мей дернула звонок. (Они услышали его звяканье в темной глубине дома, казалось, в нескольких милях от них.)

— Решетка? — переспросила миссис Мей, дел несколько шагов назад на гравийную дорожку и оглядыв фасад дома. — Вон там, — сказала она, понизив голос кивнув головой. — Ее починили, — добавила она, — это та же самая решетка.

Кейт направилась прямо к ней. Вот она, та решетк через которую все они убежали — Под, Хомили маленькая Арриэтта. На стене было зеленоватое пятн несколько кирпичей выглядели более новыми, чем в остальные. Решетка была выше, чем она думала, и должно быть, пришлось прыгать вниз. Подойдя вплотну Кейт наклонилась и заглянула внутрь: сырость и темнот больше ничего. Вот, значит, где они жили.

— Кейт! — тихо позвала миссис Мей, стоявшая порога (так, должно быть, Под звал Арриэтту в тот ден когда она бросилась бежать по дорожке от дома).

И Кейт, обернувшись, увидела вдруг то, что она сра узнала, то, что наконец было в точности таким, каки представлялось ей в воображении, — склон холм усыпанный первоцветом. Хрупкие зеленые стебли с сизь налетом среди повядшей прошлогодней травы и желты словно светлое золото, цветы. А куст азалии превратил в высокое дерево.

Миссис Мей снова позвала ее, и Кейт вернулась входным дверям.

— Пожалуй, позвоним еще раз, — сказала миссис Ме и они снова услышали призрачное звяканье. — Звон подвешен возле кухни, — объяснила шепотом мисс Мей, — прямо за дверью, обтянутой зеленой байкой.

(Дверью! Обтянутой! Зеленой! Байкой!.. Кейт каз лось, что миссис Мей произносит каждое слово заглавной буквы.)

Наконец за солнечным пологом показалась какая-фигура — неряшливая девица в мокром холщовом фарту и в стоптанных туфлях.

— Да? — сказала она, прищурив глаза от солнца, уставилась на них.

Миссис Мей приняла холодный и чопорный вид.

– Я хотела бы повидать хозяина этого дома, – сказала она.

– Мистера Досет-Пула, – спросила девица, – или директора? – Она подняла руку ко лбу, чтобы прикрыть глаза от света, не выпуская сырой половой тряпки, с которой капала вода.

– О! – воскликнула миссис Мей. – Так это школа?

Кейт перевела дух: «Вот, значит, почему дом так похож на казарму».

– А что же еще, – сказала девушка. – Разве здесь не всегда была школа?

– Нет, – сказала миссис Мей. – В детстве я здесь жила. Быть может, я могу поговорить с тем, кто стоит во главе этого заведения?

– Здесь нет никого, кроме матушки, – сказала девушка, – она сторожиха и уборщица. – Все уехали на весенние каникулы – и учителя и ученики.

– Ну, в таком случае, – нерешительно произнесла миссис Мей, – мы больше не будем вас задерживать...

Она уже было повернулась, чтобы уйти, когда Кейт, не желая сдавать позиции, обратилась к девушке:

– Можно нам заглянуть в холл?

– Глядите на здоровье, – сказала немного удивленно девушка и чуть отступила в глубину, словно освобождая им путь. – Мне-то что.

Они прошли сквозь солнечный полог в прохладную полутьму. Кейт огляделась по сторонам: холл был высокий и просторный, стены обиты деревянными панелями. А вот и лестница, она поднималась все выше и выше, из одного мира в другой, в точности как описывала Арриэтта... Однако все остальное выглядело не так, как представляла себе Кейт. Пол был покрыт блестящим темно-зеленым линолеумом, в воздухе чувствовался кисловатый запах мыльной воды и свежий запах воска.

– Тут, под линолеумом, прекрасный каменный пол, – сказала миссис Мей, стуча по нему тростью.

Девушка с минуту с любопытством глядела на них, затем, словно это ей надоело, отвернулась и исчезла в темном коридоре за лестницей, шаркая растоптанными туфлями.

Кейт только было собралась открыть рот, как миссис Мей коснулась ее руки.

– Шш! – шепнула она, и Кейт затаив дыхание, чтобы ничем не нарушить тишину, услышала странный звук – то ли вздох, то ли стон. Миссис Мей кивнула: – Да, это она. Дверь, обитая зеленой байкой.

– А где стояли часы? – спросила Кейт.

Миссис Мей указала на стену, туда, где висела длинная вешалка для пальто:

– Вон там. Вход Пода был, должно быть, за батареей, только тогда ее не было. Им бы батарея пришлась по вкусу... – Миссис Мей указала на дверь в другом конце холла, где висела табличка и четкими белыми буквами было написано: «Директор». – А там был кабинет.

– Где жили Надкаминные? И откуда Под добывал промокашки?

Кейт стояла с минуту, глядя на дверь, затем, прежде чем миссис Мей успела ее остановить, подбежала к ней и дернула за ручку.

– Кейт, вернись! Туда нельзя.

– Заперто, – сказала Кейт, возвращаясь. – А можно нам хоть одним глазком заглянуть наверх? – продолжала она. – Мне бы так хотелось увидеть детскую. Я поднимусь туда тихо-тихо...

– Нет, Кейт, пошли, нам пора. Нам вообще не положено здесь находиться. – И миссис Мей твердой походкой направилась к дверям.

– Ну позвольте мне хоть посмотреть снаружи в окно кухни, – умоляюще сказала Кейт, когда они снова оказались на солнце.

– Нет, Кейт, – сказала миссис Мей.

– Только взглянуть, где они жили. Где была та дырка под плитой – спуск Пода... Ну, пожалуйста.

— Ладно, только побыстрей, — сказала миссис Мей, с тревогой посматривая вокруг, в то время как Кейт бежала по дорожке.

Но и кухня принесла ей разочарование. Кейт знала, где она находится, ведь под ней была та самая решетка, и, приставив ладони к вискам, чтобы не мешало отраженное стеклом солнце, она прижалась лицом к окну. Постепенно очертания комнаты сделались четкими, но Кейт не увидела ничего похожего на кухню. Полки с бутылями и сверкающими ретортами, тяжелые столы, вроде верстаков, ряды бунзеновских горелок. На месте кухни теперь была лаборатория.

Что ж, слезами горю не поможешь. По пути домой Кейт собрала крошечный букетик фиалок; на второй завтрак им подали телятину и мясной пирог с салатом, а на сладкое она могла выбрать сливы или булочку с вареньем. А затем приехал на машине мистер Зловрединг, чтобы взять их и показать домик миссис Мей.

Сперва Кейт не хотела ехать. Она надумала отправиться потихоньку на поле под названием Паркинс-Бек и побродить там в поисках барсучьих нор. Но когда миссис Мей сказала, что это поле находится сразу за ее домом, Кейт решила все же поехать с ними — хотя бы ради того, чтобы позлить мистера Зловрединга. Все это время он, не скрывая своего нетерпения, выглядывал из окна машины с таким выражением, словно хотел сказать: «Будь это мой ребенок!..» И хорошо, что она так решила (как она часто потом говорила своим детям), ведь ей могло никогда больше не представиться случая побеседовать и (что куда важнее) завести дружбу с... Томасом Доброу.

Глава третья

И в ямах бывают кочки.

Из дневника Арриэтты. 25 марта

— А это действительно нежилое жилье? — спросила миссис Мей, когда они ехали в машине. — Этого старика — я забыла его имя — там не будет?

— Старого Тома Доброу? О да, можете не волноваться. Мы устроили его в дом для престарелых. Хотя, — тут мистер Зловрединг издал короткий смешок, — он этого вовсе не заслужил.

— Почему? — спросила Кейт, как всегда, прямо.

Мистер Зловрединг озадаченно взглянул на нее с таким видом, словно на его глазах вдруг заговорил пес.

— Потому, — сказал он, обращаясь к миссис Мей и не глядя на Кейт, — что он старый обманщик и пустозвон, который надоел тут всем хуже горькой редьки, вот почему. — Он снова издал самодовольный смешок. — Врет, как сивый мерин, как здесь у нас говорят.

Каменный домик с тростниковой крышей стоял на вершине холма. Кругом расстилались луга, позади был лес. «У него какой-то заброшенный вид», — подумала Кейт, в то время как они с трудом взбирались наверх. Возле входной двери была деревянная бочка с водой, она немного рассохлась и позеленела от плесени. По вымощенной кирпичом дорожке текла узкая струйка, терявшаяся среди щавеля и репейника. В дальнем конце дома была деревянная пристройка, на стенах которой Кейт увидела звериные шкурки, прибитые для просушки.

Мистер Зловрединг громко постучал во входную дверь, с которой почти совсем слезла краска.

— Я не думала, что дом так далеко от дороги, — сказала миссис Мей, еле переводя дух, и добавила, указав концом трости вниз на подножие заросшего травой холма: — Надо будет провести сюда тропинку.

Кейт услышала внутри дома шарканье. Мистер Зло-

врединг снова постучал в дверь и нетерпеливо крикнул:

– Пошевеливайся, Том! Долго нам тут ждать?

Шаги стали громче, дверь со скрипом приоткрылась, и Кейт увидела старика – высокого, худого, но на удивление широкоплечего. Голова у него была опущена на грудь и чуть повернута в сторону, и когда он улыбался (а он тут же ей улыбнулся), у него делался лукавый вид. Его темные глаза были ясные и необыкновенно блестящие, и устремил он их сразу же на Кейт.

– Ну, Том, – деловито сказал мистер Зловрединг. – Как ты себя чувствуешь? Лучше, надеюсь? Это миссис Мей, новая хозяйка твоего дома. Можем мы зайти?

– Мне прятать нечего, – сказал старик, отступая, чтобы дать им пройти, но улыбаясь одной лишь Кейт. Ей подумалось, что старик нарочно избегает глядеть на мистера Зловрединга.

Они прошли гуськом мимо него в комнату. Там почти не было мебели, но она выглядела чистой и аккуратной, если не считать кучи стружек на каменном полу и груды чего-то, что Кейт сперва приняла за растопку. В почерневшем от сажи очаге, который, по-видимому, служил и для отапливания и для готовки, тлел огонь.

– Я вижу, ты тут немного прибрал, – сказал мистер Зловрединг, оглядываясь по сторонам. – Впрочем, это не имеет значения. На вашем месте, – добавил он, обращаясь к миссис Мей и почти не понизив голос, – я бы здесь все основательно вымыл и продезинфицировал до того, как начнут работать плотники.

– А по-моему, здесь чудесно! – с жаром вскричала Кейт, возмущенная его неделикатностью, и миссис Мей, бросив на старика дружеский взгляд, поспешила присоединиться к ней.

Но старый Том словно ничего не заметил. Он стоял, глядя на Кейт, и улыбался своей загадочной улыбкой.

– Лестница наверх вот здесь, – сказал мистер Зловрединг, направляясь к двери в глубине комнаты, – а здесь – посудомойня.

Миссис Мей двинулась следом за ним, но задержалась на пороге.

– А ты разве не пойдешь со мной посмотреть дом, Кейт? – спросила она.

Кейт не тронулась с места. Она кинула быстрый взгляд на старика, затем на миссис Мей.

– Нет, спасибо, – сказала она.

Миссис Мей, несколько удивившись, поспешила за мистером Зловрединг в посудомойню, а Кейт подошла к груде прутьев со снятой корой.

– Что вы делаете? – робко спросила она после недолгого молчания.

Старик очнулся от забытья.

– Это? – сказал он мягким голосом. – Это держалки... для крыш. – Он взял нож, попробовал лезвие на ороговевшей коже большого пальца и, подвинув низкую табуретку, сел. – Иди сюда ко мне, – сказал он. – Я тебе покажу.

Кейт пододвинула к нему стул и молча стала смотреть, как он разрезает на несколько частей ветку лещины, которую она сперва приняла за растопку. Через минуту он сказал негромко, не поднимая головы:

– А он пусть себе говорит что хочет. Ты не слушай.

– Кто – мистер Зловрединг? – спросила Кейт. – А я и не слушаю. Зловрединг! Ну и противное имя. По сравнению с вашим, я хочу сказать, – добавила она горячо. – Вы что ни сделаете – будет хорошо. Вы – Доброу.

Старик предостерегающе повернул голову к посудомойне, прислушался, затем сказал:

– Пошли наверх.

И Кейт тоже уловила звук тяжелых шагов по деревянным ступеням.

– Знаешь, сколько я прожил в этом доме? – спросил старик, все еще склоняя голову набок, словно считал шаги над головой. Шаги мерили во всех направлениях комнату, бывшую, видимо, его спальней. – Почти

восемьдесят лет, – добавил он, немного помолчав. Он взял ободранный прут и крепко зажал концы в руках.

– А теперь вам надо уезжать отсюда? – сказала Кейт, глядя на его руки, еще крепче сжавшие прут.

Старик рассмеялся, словно ее слова были шуткой, Кейт заметила, что смеется он совсем беззвучно, тряся головой.

– Так они говорят, – сказал он, все еще смеясь, и одним движением рук перекрутил упругий прут так, как выкручивают мокрую тряпку, и одновременно сложил его пополам. – Но я не уеду, – добавил он и кинул согнутый прут в кучу.

– Кто же станет вас выгонять? – сказала Кейт. – Разве только вы сами захотите уехать, – осторожно добавила она. – Не думаю, чтобы миссис Мей стала это делать.

– Она-то? – сказал старик, глядя на потолок. – Да она с ним заодно.

– Она приезжала сюда, когда была девочкой, – сказала Кейт. – Жила в том большом доме. Как он назывался – Фирбэнк, да?

– Ага, – сказал он.

– Вы ее знали? – с любопытством спросила Кейт. – Ее тогда звали мисс Эйда.

– Еще бы мне не знать мисс Эйды, – сказал старик. – И ее знал, и ее тетушку. И ее брата. – Он снова засмеялся. – Я знал всю их семейку.

И тут у Кейт возникло странное чувство: ей показалось, будто она уже слышала раньше эти слова, и произносил их точно такой же старик, и сидела она в точно такой же комнате возле освещенного солнцем окна в ясный, хотя и холодный весенний день. Кейт озадаченно поглядела на побеленные известкой, потрескавшиеся стены – и ей почудилось, что она узнает образованный трещинами узор. Даже выбоины и щели на вытертом полу были ей знакомы. Удивительная вещь, ведь ей никогда раньше не доводилось здесь бывать (в этом Кейт не

сомневалась). Кейт взглянула на старика, набираясь смелости для следующего вопроса.

– А Крэмпфирла вы тоже знали? – сказала она, немного помолчав, и еще прежде, чем он раскрыл рот, Кейт догадалась, какой будет ответ.

– Еще бы мне его не знать, – сказал старик и снова рассмеялся, покачивая головой, словно радовался какой-то неведомой ей шутке.

– И миссис Драйвер, кухарку?

Тут веселье старого Тома достигло своего предела.

– Миссис Драйвер! – сказал он, чуть не задохнувшись от безмолвного смеха. – Еще бы! – И он вытер глаза рукавом.

– А Розу Пикхэтчет? – продолжала Кейт. – Служанку, которая подняла такой визг.

– Нет, – сказал старый Том, все еще смеясь и качая головой. – Но я слышал о ней. Визжала, говорят, на весь дом.

– А вы знаете – почему? – взволнованно вскричала Кейт.

Он покачал головой:

– Без всяких на то причин, на мой взгляд.

– Но разве вам не рассказывали, что она увидела на каминной полке в гостиной человечка ростом с фарфорового купидона? Она подумала, что это статуэтка, и принялась смахивать с него пыль метелочкой из перьев... и вдруг он чихнул. На ее месте всякий бы завизжал, – закончила свой рассказ Кейт и только тут перевела дух.

– Почему? – сказал старый Том, ловко снимая кору с ветки, словно это была перчатка. – От них никому худа нет, от добываек-то. И беспорядка не устраивают. Не то что полевые мыши. Не могу понять и никогда не мог, почему люди поднимают такой шум, стоит им увидеть хоть одного добывайку. Вопят, визжат и чего только ни делают! – Он провел пальцем по голому дереву, проверяя, хорошо ли снята кора. – Выкуривают, травят, словно диких зверей. А к чему? Добывайки и сами уйдут,

дайте срок, если узнают, что их видели. Теперь возьмем полевых мышей... – Он сгибал прут, и ему не хватило дыхания.

– Ой, не надо их брать! – вскричала Кейт. – Пожалуйста! Лучше расскажите мне еще про добываек.

– А что о них рассказывать? – сказал старик, бросая согнутый прут в кучу и выбирая новый. – Добывайки как две капли воды похожи на людей, а что можно рассказать о людях? Полевые мыши – другое дело: стоит одной из них забраться в дом, ваша песенка спета, коли можно так сказать. Уйди хоть на час, и они все до единой налетят, точно стая скворцов. Все загадят. Все разбросают. И без толку их выгонять – сегодня они здесь, а завтра их нет, а послезавтра – снова здесь. Понимаешь, что я хочу сказать? Уж коли они повадились – пиши пропало, хуже саранчи. Да, – продолжал он, – тут и спору нет – в таком доме, как этот, от полевых мышей куда больше вреда, чем от добываек. В таком доме, как этот, – повторил он, – что стоит в стороне от жилья, чуть не у самого леса, добывайки могут составить компанию. – Он взглянул на потолок, там все еще слышались шаги. – Что они там делают, а? – спросил он.

– Меряют, – сказала Кейт. – Миссис Мей захватила с собой складной метр. Они скоро спустятся, – торопливо продолжала Кейт, – а я хочу попросить вас о чем-то... о чем-то важном. Если меня завтра отправят гулять – одну, я хочу сказать, – пока они будут говорить о делах, можно мне прийти сюда к вам?

– Почему бы и нет, – сказал старик, принимаясь за следующий прут. – И коли ты принесешь острый нож, я научу тебя снимать кору.

– Знаете, – с выражением начала Кейт, но, взглянув на потолок, понизила голос. – Ее брат, брат миссис Мей... ну, мисс Эйды, или как вам больше нравится... своими глазами видел добываек в большом доме! – Она приостановилась для большего эффекта и впилась взглядом ему в лицо.

– Ну и что с того? – безмятежно сказал старик. – Надо только глядеть в оба. Мне довелось видеть куда более диковинные вещи, чем эти человечки... Возьмем, к примеру, барсуков. Вот придешь завтра сюда, я тебе такое о них порасскажу, ушам не поверишь, а я видел все это своими глазами.

– А *добываек* вы видели или нет? – нетерпеливо вскричала Кейт. – Вы видели хоть одного добывайку из большого дома?

– Тех, что жили в конюшне?

– Нет, тех, что жили под кухней.

– А, этих! Их выкурили оттуда. Но люди зря болтают... – сказал он, поднимая вдруг лицо, и Кейт заметила, что когда старый Том перестает улыбаться, оно делается очень печальным.

– Что болтают?

– Да что я напустил на них хорька. В жизни бы этого не сделал, раз узнал, что там добывайки.

– Ах! – воскликнула Кейт и от волнения забралась коленями на стул. – Так, значит, вы – тот самый мальчик с хорьком!

Старый Том искоса посмотрел на нее.

– Я был мальчиком, – сдержанно сказал он, – и у меня был хорек.

– Но ведь они спаслись, правда? – взволнованно настаивала Кейт. – Миссис Мей говорит, что они убежали через решетку.

– Верно, – сказал старый Том, – перебрались через дорожку и поднялись на холм.

– Но вы же не знаете этого наверняка, – сказала Кейт, – вы же не видели этого... А может быть, все же видели? Из окна.

– Не волнуйся, я знаю это наверняка, – сказал старый Том. – Оно верно, я видел их в окно, но узнал я все иначе... – Он приостановился и поглядел на Кейт. Хотя он улыбался, он все еще был настороже.

– Пожалуйста, расскажите мне. Пожалуйста, – умоляюще произнесла Кейт.

Старик бросил взгляд на потолок.

– Ты знаешь, кто он? – спросил он, наклоняя голову.

– Мистер Зловрединг? Стряпчий.

Старик кивнул.

– Верно. И нам ни к чему, чтобы все это было на бумаге.

– Не понимаю, – сказала Кейт.

Старик вздохнул и взял в руки нож.

– То, что я расскажу *тебе,* ты расскажешь *ей,* а *он* запишет все это на бумаге.

– Миссис Мей ничего не расскажем ему. Она...

– Она с ним заодно, вот как я это мыслю. И понапрасну спорить со мной. Видно, теперь человек не может умереть там, где он рассчитывал умереть. И знаешь почему? – спросил он, свирепо уставившись на Кейт. – Из-за того, что написано на бумаге. – И, яростно перекрутив прут, старый Том сложил его пополам

Кейт глядела на него в полном недоумении.

– А если я пообещаю никому не говорить? – робко сказала она наконец.

– Пообещаешь?! – воскликнул старик. Глядя на Кейт, он указал пальцем наверх. – Ее двоюродный дедушка, старый сэр Монтегю, *обещал* мне этот дом. «Он твой, Том, до конца жизни», – сказал он. Обещания! – сердито повторил старик, словно выплюнул это слово. – Обеща-

ния – что корка от пирога: их на то и дают, чтобы порушить.

Глаза Кейт налились слезами.

– Ладно! – крикнула она. – И не надо. не рассказывайте!

Лицо Тома изменилось почти так же внезапно, как у Кейт.

– Ну, полно, маленькая, не плачь, – умоляюще сказал он, удивленный и огорченный ее слезами.

Но Кейт, к своему стыду, не могла перестать. Слезы градом катились по щекам, кончик носа, как всегда, когда она плакала, пылал огнем.

– Я только хотела узнать, – всхлипывала Кейт, нашаривая платок, – все ли у них в порядке... и как им удалось устроиться. и нашли ли они барсучью нору

– Уж ее-то они нашли, можешь не волноваться, – сказал старый Том. – Ну перестань же плакать, маленькая. Полно тебе.

– Я перестану... через минутку, – сказала Кейт приглушенным голосом и высморкала нос.

– Послушай-ка меня, – продолжал старик расстроенно, – уйми слезы, утри глаза, и старый Том тебе что-то покажет... – Он неуклюже встал с табурета и склонился над ней, опустив плечи, как птица крылья, словно желая ее защитить. – Это тебе понравится. Ладно?

– Все, – сказала Кейт, в последний раз насухо вытерев глаза и нос. Она убрала платок и улыбнулась старику. – Вот и перестала.

Старый Том опустил руку в карман, но затем, кинув осторожный взгляд на потолок, казалось, передумал: было слышно, что шаги наверху направляются к лестнице.

– Все в порядке, – сказала Кейт, тоже прислушиваясь, и он вновь пошарил в кармане и вытащил мятую жестяную коробочку вроде тех, в которых курильщики трубок держат табак, и принялся неловко открывать крышку узловатыми пальцами. Наконец она открылась.

Тяжело дыша, старый Том перевернул коробочку и что-то оттуда вытряхнул.

– Вот... – сказал он, и Кейт увидела на его мозолистой ладони крошечную книжечку.

– О! – не веря своим глазам, воскликнула она.

– Бери, бери, – сказал старый Том, – она не кусается. – И в то время как Кейт робко протягивала к нему руку, добавил с улыбкой: – Это дневник Арриэтты.

Но Кейт и так знала это; она знала это еще до того, как увидела потускневшие золотые буквы: «Записная книжка-календарь с пословицами и поговорками». Книжечка была выцветшая от солнца, с потеками и пятнами от дождя и такая ветхая, что когда Кейт раскрыла ее, все страницы целиком выскользнули из переплета. Чернила или карандаш, а может быть, сок каких-то растений – чем там пользовалась Арриэтта, когда писала, – потеряли свой цвет и стали где коричневыми, где желтыми, а где блекло-лимонными. Книжка раскрылась на 31 августа, и Кейт прочитала вверху страницы изречение: «Небесный свод – наш лучший кров», – а под ним неумелой рукой Арриэтты были нацарапаны три записи: «В кладовой пауки», «Миссис Д. уронила кастрюлю. С потолка течет суп», «Разговаривала со Спиллером».

«Кто такой Спиллер? – спросила себя Кейт. – Тридцать первое августа? К этому времени они уже покинули большой дом. Значит, Спиллер появился в новой жизни Арриэтты, тогда, когда они очутились под открытым небом». Кейт наугад перевернула назад несколько страниц.

«Мама сердится».

«Нанизывала зеленые бусы».

«Лазала на живую изгородь. Яйца тухлые»

«Лазала на живую изгородь? Видно, Арриэтта занялась охотой за птичьими гнездами... а яйца оказались плохими, ведь был уже, – Кейт посмотрела на число – да, тот же август, и девиз этого дня был: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь».

— Откуда она у вас? — спросила Кейт изумленно.

— Нашел, — ответил старый Том.

— Где? — вскричала Кейт.

— Здесь, — ответил Том, и Кейт увидела, что его взгляд устремлен к очагу.

— В этом доме?! — воскликнула Кейт недоверчиво, и в то время как она глядела на его непроницаемое морщинистое лицо, ей внезапно припомнились недобрые слова мистера Зловрединга: «Самый большой лжец в округе». Но ведь вот на ее ладони лежит настоящий дневник Арриэтты. Кейт уставилась на него, пытаясь разобраться в собственных мыслях.

— Хочешь, я тебе еще что-то покажу? — спросил вдруг старый Том. Кейт стало даже жаль его, казалось, он догадался о ее тайных сомнениях. — Иди-ка сюда.

И, поднявшись со стула, Кейт медленно, словно во сне, направилась следом за ним к очагу.

Старик наклонился и, тяжело дыша от напряжения, принялся отодвигать от стены тяжелый дровяной ларь. Только он оттащил его в сторону, как на пол с тихим стуком упала дощечка, и Том испуганно взглянул на потолок. Наклонившись вперед, Кейт увидела, что дощечка прикрывала довольно большое отверстие со стрельчатым верхом, выдолбленное в плинтусе.

— Видишь? — сказал, немного запыхавшись, старый Том, прислушавшись сперва, все ли в порядке. — Этот ход идет до самой кухни, здесь к их услугам был огонь, там — вода. Они жили здесь много лет.

Кейт опустилась на колени и заглянула в дыру.

— Здесь? В вашем доме? — Голос ее звучал недоверчиво, чуть ли не испуганно. — Вы говорите про... Пода? И Хомили?.. И маленькую Арриэтту?

— Да, и они тоже. К концу, так сказать.

— Но разве они не жили под открытым небом? Арриэтта так об этом мечтала...

— Ну, под открытым небом они пожили предостаточно, — сказал старый Том с коротким смешком. — Если

только это можно было назвать жизнью. Или, если на то пошло, это можно было назвать открытым небом. Но ты только посмотри, – тихо продолжал он, и в голосе его зазвучала неприкрытая гордость, – тут, за стеной между дранкой и штукатуркой, у них была лестница! Настоящий многоквартирный дом в шесть этажей, и на каждом этаже вода. Видишь вот это? – спросил он, положив ладонь на ржавую трубу. – Она спускается от бака на крыше и идет в кухню. Они сделали в трубе шесть кранов, – и никогда ни одной протечки! – Старый Том замолчал, погрузившись в воспоминания, затем поднял дощечку, закрыл дыру и подвинул на место ларь. – Они жили тут много-много лет, – сказал он с нежностью в голосе и вздохнул. Затем выпрямился и отряхнул с рук пыль.

– Они? Но *кто* именно? – торопливо прошептала Кейт. (Шаги наверху были уже на лестничной площадке.) – Вы говорите про других добываек, не про моих, да? Вы же сказали, что мои нашли барсучью нору, верно?

– Нору-то они нашли, не волнуйся, – сказал старый Том и, коротко рассмеявшись, направился, чуть прихрамывая, к своему табурету.

– Но откуда вы это знаете? Кто вам рассказал? – спросила Кейт, идя за ним следом. Ее слова обгоняли одно другое, так она волновалась.

Старый Том сел, выбрал прут и неторопливо – можно было с ума сойти от нетерпения – проверил пальцем острие ножа.

– Она, – сказал он наконец и разрезал прут на три части.

– Вы разговаривали с Арриэттой?

Он предостерегающе поднял брови и дернул головой, чтобы она не кричала: Кейт услышала тяжелые шаги на деревянных ступенях лестницы.

– Не говори ничего этой, – шепнул старый Том. – Не то станет языком болтать.

Кейт продолжала смотреть на него во все глаза: если бы он ударил ее по голове поленом из дровяного ларя, она не была бы так ошеломлена.

– И она все-все вам рассказала? – задыхаясь от волнения, прошептала Кейт.

– Шш, – шепнул старик, глядя на дверь.

Миссис Мей и мистер Зловрединг уже сошли с лестницы и, судя по звуку их голосов, снова завернули в кухню, чтобы кинуть последний взгляд.

– По крайней мере две раковины, – деловито проговорила миссис Мей.

– Ну, не все, так почти все, – еле слышно сказал старый Том. – Она прокрадывалась сюда ко мне чуть не каждый вечер, редко когда пропускала.

Он улыбался, глядя в очаг, и Кейт внезапно увидела картину: освещенная огнем очага комната, мальчик – один во всем доме – с ножом и прутом в руках и еле видимая в тени крошечная фигурка, сидящая, возможно, на спичечном коробке. Тонкий монотонный голос... «Постепенно, – думала Кейт, – мальчик почти переставал его слышать, голос сливался с живой тишиной комнаты, с пением чайника на огне, с тиканьем часов. Вечер за вечером, неделя за неделей, месяц за месяцем, быть может, год за годом... Да так оно и есть, – подумала Кейт (все еще изумленно глядя на старого Тома, хотя в этот момент в комнату вошли миссис Мей и мистер Зловрединг, громко толкуя об умывальниках), – должно быть, Арриэтта действительно рассказала Тому все-пре-все...»

Глава четвертая

Хороший рассказ повторяй хоть десять раз.

Из дневника Арриэтты. 26 марта

«И теперь нужно одно, – думала Кейт, лежа в тот вечер в постели и слушая бульканье то холодной, то

горячей воды в трубах, – нужно, чтобы старый Том рассказал ей, Кейт, все в таких же мельчайших подробностях, в каких, без сомнения, Арриэтта рассказала все ему самому».

Кейт чувствовала, что он согласится на это, несмотря на свой страх перед тем, что записано на бумаге, раз уж он так далеко зашел. «От меня-то никто ничего не узнает, – твердо решила Кейт, – во всяком случае при его жизни». (Хотя почему его это так волнует, ведь все равно все считают, что он врет как сивый мерин.) Особенно большие надежды Кейт возлагала на дневник Арриэтты. Старый Том не забрал его обратно; маленькая книжечка лежала сейчас у нее под подушкой, и уж в ней-то во всяком случае было полно того, что «записано на бумаге». Правда, Кейт далеко не все могла тут понять. Записи были слишком краткие и беглые, похожие на заголовки, видно, Арриэтта делала их только для того, чтобы они вызвали в ее уме то или иное событие. Некоторые звучали особенно таинственно и непонятно... «Да, – внезапно решила Кейт, – так вот и надо сделать: она уговорит старого Тома объяснить ей эти записи... Что Арриэтта имела в виду, спросит она его, когда, например, писала: «Черные люди. Мама спасена»?»

И ее желание сбылось. Пока миссис Мей говорила о делах со стряпчим или спорила с плотниками и водопроводчиками, Кейт уходила одна через луга в маленький домик к старому Тому.

Случались дни (как через много лет объясняла Кейт своим детям), когда старый Том не проявлял ни к чему интереса и из него было трудно вытащить хоть словечко, но бывало и так, что какая-нибудь запись в дневнике подстегивала его память и из ее глубин, словно чудом, всплывали такие воспоминания (не вернее ли будет сказать: он так высоко взлетал на крыльях фантазии?), что Кейт порой спрашивала себя, уж не был ли он сам когда-нибудь добывайкой... Кейт подумала, что это самое миссис Мей говорила о своем брате, том самом брате,

которого знал Том Доброу (он сам в этом признался). Хоть тот и был на три года его младше, они вполне могли быть друзьями. Даже — кто знает! — закадычными друзьями. Одно бесспорно — они были два сапога пара. Один, как известно, любил рассказывать небылицы, чтобы подразнить сестер, про другого попросту говорили, что он врет как сивый мерин. Но так или иначе, много лет спустя, когда Кейт стала совсем взрослой, она решила рассказать всем на свете, что, по словам Тома, случилось с Подом, Хомили и маленькой Арриэттой после того ужасного дня, когда их выкурили из их дома под кухней и они были вынуждены искать убежище в чистом поле.

Вот ее рассказ — «записанный на бумаге». Просеять факты, отделить правду от вымысла вы можете сами.

Глава пятая

Терпенье и труд все перетрут.

Из дневника Арриэтты. 25 августа

Сперва, по-видимому, они просто бежали, но не куда глаза глядят, а как раз туда, куда надо, — вверх по склону холма, где росла азалия и где (как давно это было!) Арриэтта впервые встретила мальчика, а затем по вершине, поросшей густой травой.

Как они пробрались там, частенько говорила потом Хомили, она не может и ума приложить — сплошной частокол из стеблей. И насекомые... Хомили и в голову не приходило, что на свете так много разных насекомых. Одни неподвижно висели, прицепившись к чему-нибудь, другие проворно бегали туда и сюда, третьи (эти были хуже всех) глядели неподвижным взглядом и не трогались с места, а затем, все еще не спуская с вас глаз, медленно пятились назад. Казалось, говорила Хомили, что сперва они хотели вас укусить, а потом передумали, но не из доброты, а из осторожности. «Злющие, — говорила она, — вот они какие были. Да, злющие-презлющие!»

Пока Под, Хомили и Арриэтта пробирались между стеблями, они чуть не задохнулись от цветочной пыльцы, которая облаком сыпалась на них сверху. То и дело на их пути вставали обманчиво сочные, колышущиеся листья с острыми краями, которые резали руки. Они скользили по коже нежно, как смычок по струнам скрипки, но оставляли кровавый след. Не раз им встречались высохшие узловатые стебли, о которые они спотыкались и падали головой вперед, и частенько не на землю, а на похожее на подушку растение с серебристыми, тонкими, как волос, шипами, уколы которых причиняли жгучую боль. Высокая трава... Высокая трава... До конца жизни она преследовала Хомили в самых страшных снах.

Чтобы попасть в сад, им надо было пробраться сквозь живую изгородь из бирючины. Мертвые листья под темными ветвями... мертвые листья и гниющие сморщенные ягоды, среди которых, утопая в них чуть не по пояс, они прокладывали путь, а кругом под живыми листьями, шуршавшими над головой, влажная духота. И здесь тоже были насекомые: они переворачивались на спину, или внезапно подпрыгивали, или коварно уползали прочь.

Дальше по саду идти было легче. Здесь все лето гуляли куры, и в результате, как обычно, осталась голая, вытоптанная земля цвета лавы, без единой травинки. Ничто не заслоняло дорогу. Но если добывайкам было хорошо видно, то и их самих было видно не хуже. Фруктовые деревья стояли далеко друг от друга, за ними было трудно укрыться, любой, кто выглянул бы из окна, вполне мог удивленно воскликнуть: «Что это там такое движется в саду, как вы думаете? Там, у второго дерева справа... будто листья под ветром. Но сейчас нет никакого ветра. Скорее это напоминает бумажку, которую тащат на нитке... И на птиц не похоже, те скачут в разные стороны...» Вот какие мысли проносились в уме Пода, когда он уговаривал Хомили идти дальше.

– Не могу я, – со слезами говорила она. – Мне надо присесть. Хоть на минуточку. Ну, пожалуйста, Под!

Но он был непреклонен.

— Посидишь, — говорил он, подхватывая ее под локоть и подталкивая вперед, — когда доберемся до леса, Арриэтта, возьми маму под руку с той стороны и не давай ей останавливаться.

Когда добывайки наконец очутились в лесу, они бросились на землю у самой тропинки — они слишком устали, чтобы искать более укромный уголок.

«Ах, батюшки!.. Ах, батюшки!» — повторяла Хомили (но говорила она скорее по привычке), и по ее выпачканному землей лицу и блестящим темным глазам Под и Арриэтта видели, что она вовсю шевелит мозгами. И она держала себя в руках, это они тоже видели, другими словами, Хомили вовсю старалась.

— Ни к чему так бежать, — сказала она наконец, немного отдышавшись. — Нас никто не заметил; они, верно, думают, что мы все еще там, под полом, словно в ловушке.

— Я не так в этом уверена, — сказала Арриэтта. — Когда мы поднимались на холм, в кухонном окне мелькнуло чье-то лицо. Похоже, что это был мальчишка. А в руках он держал что-то вроде кота.

— Если бы нас хоть кто-то заметил, — возразила Хомили, — они бы уже давно кинулись в погоню, вот что я тебе скажу.

— Верно, — согласился Под.

— Ну, в какую сторону мы теперь пойдем? — спросила Хомили, оглядываясь и не видя ничего, кроме деревьев. На щеке у нее была большая царапина, волосы растрепались и висели неровными прядями.

— Пожалуй, сперва разберем поклажу, — сказал Под. — Давайте посмотрим, что мы захватили с собой. Что у тебя в мешке, Арриэтта?

Арриэтта развязала мешок, который спешно собрала два дня назад на случай крайней необходимости — как раз такой случай, как сейчас, — и принялась выкладывать вещи на дорожку. Чего там только не было! Три

металлических крышечки от пузырьков с пилюлями, все три разного размера, так что они аккуратно вкладывались одна в другую; довольно большой огарок свечи и семь восковых спичек; смена нижнего белья и шерстяная фуфайка, связанная Хомили на тупых штопальных иголках из распущенного на нитки, много раз стиранного носка; и, наконец, главные сокровища Арриэтты — карандашик, снятый с бальной программки, и записная книжка-календарь с пословицами и поговорками, в которой она вела дневник.

— Ну зачем тебе понадобилось тащить ее с собой? — проворчал Под, кидая мельком взгляд на этот увесистый фолиант, в то время как он вытаскивал свои пожитки.

«Затем же, — подумала про себя Арриэтта, глядя на вещи, которые вынимал отец, — зачем ты сам взял сапожную иглу, молоток (сделанный из язычка электрического звонка) и моток шпагата. У каждого свое увлечение, каждому нужны орудия своего ремесла». (А ее собственным увлечением была литература.)

Помимо сапожных принадлежностей Под взял из дому половинку ножниц, осколок лезвия от безопасной бритвы, обломок детского лобзика, бутылочку из-под аспирина с завинчивающейся крышкой, полную воды, небольшую скрутку тонкой проволоки и две стальные шляпные булавки, одну из которых, ту, что покороче, он дал сейчас Хомили.

— Поможет тебе забираться наверх, — сказал Под, — возможно, часть пути нам придется идти в гору.

Хомили взяла с собой вязальные иглы, остаток нераспущенного носка, три куска сахару, палец от лайковой перчатки, набитый смесью соли с перцем и завязанный крепко-накрепко ниткой, несколько кусочков сухого печенья, маленькую жестяную коробочку, в которой когда-то держали граммофонные иглы и где теперь был чай, брусочек мыла и зеркальце.

Под хмуро осмотрел всю эту разнокалиберную груду.

— Вполне вероятно, что мы взяли не то, что надо, —

сказал он, – но теперь ничего не попишешь. Кладите все обратно, – продолжал он, подавая им пример, – нам пора двигаться. Это ты хорошо придумала, Арриэтта, засунуть крышку в крышку. Пожалуй, будь их побольше хоть на одну, на две, было бы и того лучше.

– Но ведь нам только надо добраться до барсучьей норы, – принялась оправдываться Арриэтта. – Я хочу сказать, ведь у тети Люпи все, наверно, есть, ну, всякая там кухонная утварь и посуда.

– Лишняя кастрюля еще никому никогда не помешала, – сказала Хомили, запихивая обратно остаток носка и завязывая мешок куском синего шелка для вышивания, – в особенности если живешь в барсучьей норе. А кто сказал, что твоя тетя Люпи вообще там? – продолжала Хомили. – Я думала, она потерялась... заблудилась... или еще что... в этих полях.

– Вполне возможно, что она уже нашлась, – сказал Под. – Ведь прошло около года – не так ли? – с тех пор, как она ушла из дома.

– И так или иначе, – добавила Арриэтта, – кастрюли она с собой вряд ли взяла.

– Никогда не могла понять, – сказала Хомили, вставая с земли и проверяя, не слишком ли тяжел мешок, – и никогда не пойму, кто бы что бы не говорил, что ваш дядя Хендрири нашел в этой гордячке и воображале Люпи.

– Хватит, – сказал Под, – сейчас не время косточки перемывать. – Он тоже встал и, повесив свой походный мешок на шляпную булавку, перекинул его через плечо. – Ну, – сказал он, осматривая их с ног до головы, – у вас все в порядке?

– И не скажешь положа руку на сердце, – продолжала Хомили, – что она злая. Но уж больно она нос дерет.

– Как ботинки? – спросил Под. – Не жмут?

– Пока нет, – сказала Хомили.

– А как ты, дочка?

– У меня все в порядке, – откликнулась Арриэтта.

– Перед нами долгий путь, – сказал Под. – Торопиться мы не будем, пойдем потихоньку. Но без остановки. И ворчать тоже не будем. Ясно?

– Да, – сказала Арриэтта.

– И глядите в оба, – продолжал Под, в то время как они уже шли по тропинке. – Если увидите что-нибудь опасное, делайте то же, что я... и быстро... поняли? Только не разбегаться по сторонам. И не визжать.

– Да знаю я все это, – сердито сказала Арриэтта, прилаживая на спину мешок, и двинулась вперед, словно хотела, чтобы до нее не долетали его слова.

– Ты *думаешь,* что знаешь, – сказал Под ей вслед. – На самом деле ты совсем ничего не знаешь, ты не умеешь прятаться, и мать твоя – тоже. Это требует тренировки, это, если хочешь, искусство...

– Как это не знаю? – повторила Арриэтта. – Ты же мне рассказывал.

Она поглядела в сторону, в темные глубины зарослей куманики возле тропинки, и увидела огромного паука, висящего в воздухе (паутины его не было видно) Паук, казалось, смотрел прямо на нее – Арриэтта увидела его глаза и смерила его вызывающим взглядом.

– За пять минут не расскажешь, – настаивал Под, – того, чему учиться надо на собственном опыте. То, что я рассказал тебе, дочка, в тот день, когда взял тебя наверх добывать, даже не азбука в нашем деле. Я старался тебя научить, потому что твоя мать попросила меня. И видишь, куда это нас привело?

– Перестань, Под, – отдуваясь, сказала Хомили (они шли слишком быстро), – к чему вспоминать прошлое?

– Но это именно я и хочу сказать, – возразил ей Под. – Прошлое и есть опыт, на прошлом учишься. Понимаешь, когда идешь добывать...

– Но ты занимался этим всю жизнь, Под... ты прошел выучку, а Арриэтта поднялась наверх всего один раз...

— Это я и хочу сказать! — сердито вскричал Под, приостанавливаясь, чтобы Хомили могла его догнать, и упрямо продолжал: — Это именно я и хочу сказать. Если бы она знала хоть азбуку того, как надо прятаться...

— Берегись! — раздался резкий возглас Арриэтты, опередившей их на несколько шагов.

Послышался нарастающий шум и громкое хриплое карканье. Их покрыла большая тень... и внезапно на тропинке остался стоять один Под — лицом к лицу с огромной черной вороной.

Птица глядела на него злобно, но немного опасливо, кривые когти были слегка повернуты внутрь, большой клюв приоткрыт. Под, замерев на месте, тоже глядел на птицу. Он был похож на короткий и толстый гриб, выросший вдруг на тропинке. Огромная птица повернула голову набок и с любопытством поглядела на Пода другим глазом. Под не двигался и по-прежнему пристально смотрел на нее. Ворона издала горлом тихий звук, похожий на блеянье, и, удивленная, сделала шаг вперед. Под по-прежнему не двигался. Ворона сделала один косой прыжок... второй... и тут — все с тем же неподвижным лицом — Под заговорил.

— Убирайся туда, где ты была, — сказал он спокойно, даже дружески, и птица приостановилась в нерешительности. — И, пожалуйста, без глупостей. Нам это ни к чему, — продолжал Под ровным голосом. — Косолапая ты, вот что я тебе скажу! Я раньше и не замечал, что вороны косолапые. Выпялилась на меня одним глазом и голову набок свернула... Верно, думаешь, это красиво... — Под говорил вежливо, даже любезно. — А вот и нет, при таком-то клюве...

Ворона застыла на месте. Каждая линия ее оцепеневшего тела выражала теперь не любопытство, а полнейшее изумление. Она не верила своим глазам.

— Прочь отсюда! Убирайся! — вдруг закричал Под, делая к ней шаг. — Кыш!..

И огромная птица, бросив на него безумный взгляд,

испуганно каркнула и поднялась в воздух, хлопая крыльями. Под вытер лоб рукавом. Из-под листа наперстянки выползла Хомили, все еще бледная и дрожащая.

– О, Под, – тяжело дыша, проговорила она, – это просто чудо! Ты – настоящий герой.

– Это совсем не трудно... Главное – держать себя в руках.

– Но она такая огромная! – сказала Хомили. – Когда они в воздухе, даже представить трудно, что они такой величины.

– Величина тут ни при чем, – сказал Под, – они разговора боятся. – Он смотрел, как Арриэтта выбирается из пустого пня и отряхивает платье. Когда она тоже посмотрела на него, он отвел глаза. – Ну, – сказал он, немного помолчав, – пора двигаться.

Арриэтта улыбнулась и после секундного колебания подбежала к отцу.

– Ну, это уже зря, – еле слышно проговорил Под, когда она обвила руками его шею.

– Ах! – воскликнула Арриэтта, прижимаясь к отцу, – ты заслужил медаль за отвагу... Я хочу сказать: ты не растерялся перед этой вороной.

– Нет, девочка, – возразил Под, – ты вовсе не это хотела сказать. Ты хотела сказать, что я ее прозевал, что она поймала меня врасплох, в то самое время как я рассуждал о том, что надо всегда быть начеку. – Он похлопал ее по руке. – Но в главном ты права: *мы* действительно не растерялись. Вы с мамой не потратили ни одной лишней секунды, и я вами горжусь. – Он отпустил ее руку и закинул мешок за спину. – Но в следующий раз, – добавил он, внезапно оборачиваясь, – не прячься в пень. Он может быть пустым и в то же время полным, если ты меня понимаешь, и ты попадешь из огня да в полымя...

Они шли все вперед и вперед, не сходя с тропинки, проложенной рабочими, когда те рыли ров для газопровода. Тропинка вела через пастбище, постепенно взбираясь вверх. Так они миновали два луга, проходя без труда под нижней перекладиной любых накрепко запертых ворот и осторожно пробираясь между высохшими на солнце следами от коровьих копыт. Следы были похожи на кратеры, края у них осыпались, и один раз Хомили, покачнувшись под тяжестью ноши, оступилась и оцарапала колено.

На третьем лугу газопровод пошел налево, и Под, увидев далеко впереди перелаз через живую изгородь, решил, что они могут спокойно оставить газопровод и идти дальше по тропинке у изгороди.

— Уже недолго осталось, — успокаивающе произнес он, когда Хомили стала умолять, чтобы он дал им немного отдохнуть, — но останавливаться нам нельзя. Видишь вон тот перелаз? Мы должны прийти к нему до захода солнца.

И они потащились дальше. Для Хомили этот последний отрезок пути был самым тяжелым. Ее натруженные ноги двигались механически, как ножницы; согнувшись под поклажей, она с удивлением смотрела, как ее ступни попеременно выступают вперед — она вообще больше не чувствовала ног, не понимала, как они тут оказались.

Арриэтта жалела, что им виден перелаз, ей казалось, что они топчутся на месте. Уж лучше глядеть на землю и лишь время от времени поднимать глаза — тогда видишь, насколько ты продвинулся.

Наконец они достигли вершины холма; направо, в дальнем конце пшеничного поля, за живой изгородью лежал лес, а прямо перед ними простиралось — сперва чуть спустившись вниз, затем полого поднимаясь к горизонту — огромное пастбище, испещренное тенями от деревьев, позади которых на розовом небе садилось солнце.

Добывайки стояли на кромке пастбища, не в силах отвести от него глаз в благоговейном страхе перед его

необъятностью. Посреди этого бесконечного моря дремлющей травы плавал зеленый островок деревьев, почти погрузившийся в тень, которую он отбрасывал далеко от себя.

– Это и есть Паркинс-Бек, – сказал после долгого молчания Под.

Они стояли все трое под перелазом, страшась выйти из-под его гостеприимного крова.

– Паркинс... что? – тревожно спросила Хомили.

– Паркинс-Бек. Это название пастбища. Здесь они и живут – Хендрири и его семейство.

– Ты хочешь сказать, – медленно проговорила Хомили, – здесь и есть барсучья нора?

– Вот-вот, – отозвался Под, глядя вперед.

В золотом свете заходящего солнца усталое лицо Хомили казалось желтым, челюсть отвисла.

– Здесь... но где – здесь? – спросила она.

Под махнул рукой.

– Где-нибудь на этом поле, – сказал он.

– На этом поле... – тупо повторила Хомили, вперив взгляд в его едва различимые границы и далекие группки утонувших в тени деревьев.

– Ну, само собой, нам придется поискать эту нору, – смущенно сказал Под. – Не думала же ты, что мы направимся прямо к ней.

– Я думала, ты знаешь, где она, – сказала Хомили. Голос ее звучал хрипло. Арриэтта, стоявшая между родителями, непривычно для себя самой молчала.

– Я привел вас сюда, не так ли? – сказал Под. – На худой конец, переночуем на открытом воздухе, а завтра с утра начнем искать.

– А где ручей? – спросила Арриэтта. – Кажется, тут где-то должен быть ручей.

– Так оно и есть, – ответил Под. – Он течет с той стороны пастбища вдоль живой изгороди, а потом сворачивает – вон там и пересекает тот дальний угол. Та густая зеленая полоса – неужели не видишь? – это камыш.

— Да-а, — неуверенно протянула Арриэтта, изо всех сил напрягая глаза, затем добавила: — Я хочу пить.

— И я, — сказала Хомили и вдруг села на землю, как будто из нее выпустили воздух. — Всю дорогу вверх шаг за шагом, час за часом я говорила себе: «Ничего, как только мы доберемся до этой барсучьей норы, я сяду и первым делом выпью чашечку горячего крепкого чая», — только это меня и подбадривало.

— Что ж, и выпьешь, — сказал Под, — у Арриэтты есть свечка.

— И я тебе еще кое-что скажу, — продолжала Хомили, глядя перед собой. — Я не могу идти через это поле, ни за что на свете не пойду, придется нам обходить его кругом.

— Так мы и сделаем, — сказал Под, — посреди поля барсучьей норы не найдешь. Мы обойдем его вокруг постепенно, одна сторона за другой, и начнем завтра с утра. Но сегодня нам придется спать не раздеваясь, это точно. Сейчас начинать поиски нет смысла, скоро совсем стемнеет, солнце вот-вот зайдет за холм.

— И собираются тучи, — сказала Арриэтта, глядевшая на закат. — Как быстро они мчатся!

— Дождь! — вскрикнула Хомили в ужасе.

— Надо спешить, — сказал Под, закидывая мешок за спину. — Давай сюда твой, Хомили, тебе будет легче идти...

— В какую нам сторону? — спросила Арриэтта.

— Пойдем вдоль этой, более низкой изгороди, — сказал Под, трогаясь с места. — Постараемся добраться до воды. Если нам это не удастся до того, как пойдет дождь, укроемся где сможем.

— Что значит — где сможем? — спросила Хомили, ковыляя следом за ним по кочкам в густой траве. — Осторожно, Под, крапива!

— Вижу, — сказал Под. (Они шли сейчас по дну неглубокого рва.) — Что это значит? Ну, в ямке или еще

-нибудь, – продолжал он. – Например, в такой, как эта. Видишь? Под тем корнем.

Подойдя к корню, Хомили заглянула внутрь.

– Ой, нет, я туда не полезу, – сказала она, – там внутри может кто-нибудь быть.

– А то заберемся под изгородь, – сказал Под.

– Ну, там от дождя не укрыться, – сказала Арриэтта. – Она шла немного в стороне от родителей по склону рва, где трава была ниже. – Мне отсюда видно: там одни стволы и ветки. – Ей стало зябко от свежего ветерка, под которым вдруг закачались листья на кустах, загремели сухие стручки, стукаясь друг о друга. – Небо уже почти совсем затянуло! – крикнула Арриэтта.

– Да, скоро стемнеет, – сказал Под, – ты лучше спускайся сюда к нам, неровен час – потеряешься.

– Не потеряюсь, мне отсюда лучше видно. Глядите-ка! – вдруг закричала она. – Тут лежит старый ботинок. Он нам не подойдет?

– Старый – что? – не веря своим ушам, переспросила Хомили.

– Возможно, – сказал Под, оглядываясь по сторонам. – Где он?

– Слева от тебя. Вон там. В высокой траве...

– Старый ботинок! – вскричала Хомили, увидев, что он скидывает на землю оба мешка. – Ты в своем уме, Под?

Но не успела она кончить, как хлынул дождь, по траве запрыгали огромные капли.

– Возьмите мешки и станьте обе под лист щавеля, а я пока посмотрю.

– Старый ботинок... – повторила Хомили, все еще не веря сама себе, в то время как они с Арриэттой скорчились под широким листом. Ей пришлось кричать во все горло – дождь не шуршал, а грохотал по листу. – Ну и шум! – жалобно сказала Хомили. – Прижмись ко мне, Арриэтта, ты простудишься, это уж как пить дать. Батюшки, мне попало за шиворот!..

– Смотри, – сказала Арриэтта, – папа нас зовет. Пойдем.

Хомили наклонила голову и выглянула из-под качающегося листа. Там в нескольких ярдах от них стоял Под, еле видный среди мокрой травы за завесой дождя. «Как в тропиках», – подумала Арриэтта, вспомнив свой «Географический справочник». Она представила себе, как человек борется со стихиями, болота в джунглях, дышащие миазмами леса... А она смогла бы?..

– Что твоему отцу нужно? – раздался недовольный голос Хомили. – Не можем же мы выйти из-под листа в такой ливень... Ты только взгляни.

– Мы скоро будем по колено в воде, – сказала Арриэтта, – ты разве не видишь? Ведь это ров. Ну же, мама, вылезай. Нам надо со всех ног бежать туда, папа нас зовет.

Они кинулись бегом, пригнувшись к земле и чуть не оглохнув от грохота дождя. Под помог им подняться повыше, туда, где росла более высокая трава, подхватил их мешки, и они принялись, скользя и падая, пробираться следом за ним через «дебри», как говорила сама себе Арриэтта.

– Вот он, – сказал Под, – забирайтесь.

Ботинок лежал на боку; попасть внутрь можно было только ползком.

– Батюшки! – не переставая повторяла Хомили. –

батюшки!.. – И боязливо оглядывалась вокруг. Но внутри ботинка было темно. – Интересно, кто его раньше носил, – сказала Хомили и остановилась на месте.

– Ну что ты застыла, – сказал Под, – двигайся дальше! Не бойся.

– Дальше? Ни за что, – сказала Хомили, – я не сделаю дальше ни шага. Там, в носке, может что-нибудь быть.

– Не бойся, – повторил Под, – я смотрел. В носке нет ничего, кроме дыры. – Он сложил мешки с одного бока. – Можно будет прислониться к ним, – сказал он.

– Ах, если бы знать, кто его носил, – повторила Хомили, вытирая мокрое лицо еще более мокрым передником и боязливо всматриваясь в темноту.

– Ну и что бы это тебе дало? – спросил Под, развязывая самый большой мешок.

– Знать бы, чистюля он был или грязнуля, – сказала Хомили, – и от чего он умер. А вдруг от какой-нибудь заразной болезни.

– С чего ты взяла, что он умер? – спросил Под. – Скорее всего он здоров как бык и, возможно, в эту самую минуту, вымыв руки, садится за стол пить чай.

– Чай? – переспросила Хомили, и лицо ее просветлело. – Где свеча, Под?

– Вот она, – сказал Под. – Арриэтта, дай-ка мне восковую спичку и среднюю крышку от пузырька из-под аспирина. Мы должны экономно расходовать заварку. Впрочем, мы всё должны расходовать экономно.

Хомили протянула палец и дотронулась до изношенной кожи.

– Завтра утром я устрою тут, внутри, генеральную уборку, – сказала она.

– Совсем неплохой ботинок, – сказал Под, вынимая из мешка половинку ножниц. – Если хочешь знать, нам повезло, что мы его нашли. Можешь не волноваться, он чистый – чище не надо. И солнце его пекло, и дождь промывал, и ветер проветривал – и так год за годом. –

Он воткнул лезвие ножниц в дырочку для шнурка и крепко привязал.

— Зачем ты это делаешь, папа? — спросила Арриэтта.

— Чтобы поставить на него крышку, понятно, — ответил Под, — это будет вроде кронштейна над свечой. Треноги-то у нас здесь нет. Пойди теперь набери в крышку воды, снаружи ее предостаточно... Вот умница.

Да, снаружи воды было предостаточно, она низвергалась с неба потоками, но вход в ботинок был с подветренной стороны, и на земле перед ним остался крошечный сухой пятачок. Арриэтта без труда набрала воду, наклонив над крышкой острием вперед большой лист наперстянки. Вокруг слышался ровный шум дождя, из-за света свечи внутри ботинка мрак снаружи, казалось, еще сгустился. Пахло травой и листьями, луговыми просторами и лесными зарослями, а когда Арриэтта повернулась, чтобы отнести воду, на нее повеяло еще одним запахом — душистым, пряным, пьянящим. «Надо будет утром об этом вспомнить», — подумала Арриэтта; так пахла дикая земляника.

После того как они напились горячего чаю и съели по хорошему куску сладкого рассыпчатого печенья, они сняли верхнюю одежду и развесили ее на половинке ножниц над горящей свечой. Затем еще немного побеседовали, накинув на плечи — один на троих — старый шерстяной носок...

— Вот смешно, — заметила Арриэтта, — сидеть в носке внутри ботинка.

Но Под, глядя на пламя свечи, тревожился, что они зря ее тратят, и когда одежда их немного просохла, погасил свечу. Уставшие до предела, они легли наконец на мешки и прижались друг к другу, чтобы было теплее. Последнее, что услышала Арриэтта перед тем, как уснуть, был ровный шум дождя, барабанившего по коже ботинка.

Глава шестая

Яблоко от яблони недалеко падает.

Из дневника Арриэтты. 16 августа

Первой проснулась Арриэтта. «Где это я?» — с удивлением подумала она. Ей было тепло, даже жарко, — с двух сторон от нее лежали Хомили и Под. Повернув слегка голову, она увидела в темноте три маленьких звездочки; прошло несколько секунд, прежде чем она догадалась, что это такое. И тут все, что произошло вчера, всплыло у нее в памяти: их бегство из дома, живая изгородь из бирючины, через которую они как безумные пробирались в сад, утомительный путь в гору, дождь, ботинок... Маленькие золотые звездочки, поняла Арриэтта, — это дырки для шнурков.

Арриэтта осторожно села. Ее охватила благоуханная свежесть. Через вход в ботинок она увидела, словно в рамке, чудесную картину: освещенная мягкими лучами солнца, чуть колышущаяся трава, примятая там, где они вчера пробирались, таща за собой мешки; желтый лютик — липкий и блестящий на вид, словно только что выкрашенный масляной краской; на рыжеватом стебле щавеля — тля, такого нежно-зеленого цвета, что против солнца она казалась совсем прозрачной. «Муравьи их доят, — вспомнила Арриэтта, — может, и нам попробовать?»

Она проскользнула между спящими родителями и, как была — босиком, в ночной кофточке и нижней юбке, — отважно вышла наружу.

Был прекрасный солнечный день — от омытой дождем земли поднималось множество ароматов. «Вот об этом, — подумала Арриэтта, — я всегда и мечтала, это я и представляла себе, я знала, что это существует на свете... знала, что мы это увидим!»

Она пробралась между травинок — теплые, согретые солнцем дождевые капли ласкали ее, спустилась немного

вниз по направлению к изгороди, выбралась из густо растущей высокой травы и вошла в неглубокий ров, где вчера вечером в темноте под дождем ей показалось так страшно.

Дно рва было покрыто теплой на ощупь грязью, которая быстро сохла на солнце; от него к живой изгороди поднималась пологая насыпь. Ах, какая чудесная это была насыпь, с множеством корней и крошечным папоротником, с небольшими песчаными норками, с листьями фиалки, с розовыми звездочками лесной гвоздики и — то тут, то там — с шариками более темного алого цвета — лесной земляникой.

Арриэтта стала взбираться наверх — неторопливо, блаженно, нежась под теплым солнцем; ее босые ноги без труда находили путь, не то что неуклюжие ноги людей. Арриэтта сорвала три земляничины и с наслаждением их съела, лежа на спине на песчаной площадке перед мышиной норой. Отсюда ей было видно все пастбище, но сегодня оно выглядело по-иному — такое же огромное, как и раньше, так же странно поднимающееся к небу, но светлое и полное жизни под лучами утреннего солнца. Теперь все тени шли в другом направлении и казались влажными на сверкающей золотом траве. Арриэтта увидела вдали одинокую купу деревьев; по-прежнему казалось, что они плывут по травяному океану. Она подумала о страхе матери перед открытым пространством. «А я бы пошла через это поле, — сказала себе Арриэтта, — я бы куда угодно пошла...» Может быть, так же думала и Эглтина? Эглтина — дочка дяди Хендрири, которую, по словам родителей, съела кошка. Неужели, если ты смел, ты обязательно попадешь в беду? Неужели действительно лучше, как ей внушают, жить потихоньку от всех в темном подполье?

Проснулись муравьи и занялись своими делами — они торопливо и озабоченно сновали то туда, то сюда меж зеленых былинок. Время от времени кто-либо из муравьев, покачивая усиком, поднимался на верх травинки и

обозревал окрестности. Ах, как празднично было на сердце у Арриэтты. Да — на горе или радость — они здесь, под открытым небом, и обратного пути нет!

Подкрепившись земляникой, Арриэтта вскарабкалась по насыпи еще выше и вошла под тенистую живую изгородь. Над ее головой была зеленая пустота, испещренная солнечными пятнами. А еще выше, там, куда с трудом мог достать взор, уходили вверх ряд за рядом и ярус за ярусом зеленые своды, и пересекались во всех направлениях упругие ветви — изнутри изгородь походила на собор.

Арриэтта поставила ногу на нижний сук и подтянулась в зеленый сумрак. Это оказалось совсем нетрудно — ведь со всех сторон под рукой были ветки, — куда легче, чем подниматься по лестнице. Забраться на лестницу такой высоты — настоящий подвиг, нужны выносливость и терпение, а какой интерес? Каждая ступенька в точности такая же, как другая. А здесь все было разным. Одни веточки были сухие и жесткие, с них тут же слезали кольца серовато-коричневой коры, другие были гибкие, живые, напоенные соком. На таких Арриэтта качалась (как часто она мечтала об этом в той, другой, жизни в подполье!). «Я приду сюда в ветреный день, — сказала она себе, — когда все кусты оживают и клонятся до самой земли...»

Она взбиралась все выше и выше. Нашла пустое птичье гнездо — устилавший его мох был сухой, как солома. Арриэтта забралась внутрь и немного полежала. Затем принялась кидать на землю кусочки мха. Глядя, как они отвесно падают вниз меж сучьев сквозь путаницу ветвей, она куда сильней ощущала высоту и испытывала восхитительное головокружение, приятное, пока она была в гнезде. Но покидать это убежище и карабкаться дальше вверх показалось ей теперь куда опасней, чем раньше. «А что, если я упаду, — подумала Арриэтта, — как этот мох? Пролечу по воздуху здесь, в тени, буду ударяться, как они, по пути о сучья?» Но она все же решилась. Не

успели ее руки обхватить ветку, а пальцы босых ног чуть растопыриться, чтобы уцепиться за кору, как Арриэтта почувствовала, что ей ничто не грозит, — в ней проснулась способность (до сих пор она скрывалась в самых глубинах ее существа) взбираться на любую высоту. «Это у меня наследственное, — сказала себе Арриэтта, — вот почему у добываек кисти и ступни длиннее, чем у человеков; вот почему папа может спуститься со стола по складке на скатерти, вот почему он может залезть на портьеры по бомбошкам, вот почему он может соскользнуть по тесьме с бюро на стул, а со стула на пол. Если я девочка и мне не разрешали добывать, это еще не значит, что я лишена этой способности...»

Внезапно, подняв голову, сквозь кружевное плетение листьев, шелестевших и трепетавших под ее торопливой рукой, Арриэтта увидела голубое небо. Поставив ногу в развилку ветки и подкинув тело наверх, Арриэтта зацепилась за шип дикой розы и разодрала юбку. Она вытащила шип из ткани и зажала в руке (по величине он был все равно что рог носорога для человека). Шип оказался легким для своей величины, но очень острым и грозным на вид. «Он может нам пригодиться, — мелькнуло в уме Арриэтты. — Надо подумать... что-нибудь... какое-нибудь оружие...» Еще один рывок, и ее голова и плечи оказались над изгородью. На Арриэтту упали горячие солнечные лучи, и, ослепленная блеском, она прищурила глаза, чтобы все рассмотреть.

Горы и долы, луга и леса — все нежилось на солнце. На соседнем пастбище паслись коровы. Через поле к лесу шел человек с ружьем — у него был совсем безобидный вид, казалось, он очень далеко. Арриэтта увидела крышу дома тети Софи; из кухонной трубы шел дым. На повороте дороги, вившейся меж живых изгородей, вдалеке показалась тележка молочника; поблескивала металлическая маслобойка, еле слышно, как волшебные колокольчики, позвякивали медные украшения на упряжи. Что за мир —

миля за милей, горизонт за горизонтом, сокровище за сокровищем, – полный самых невообразимых богатств, и она могла ничего этого не увидеть! Могла жить и умереть, как многие ее родственники, в пыльном полумраке, спрятавшись под полом или за стенными панелями.

При спуске вниз Арриэтта нашла ритм: смелый бросок, затем разжать пальцы и упасть на ближайшее скопление листьев, своего рода сеть из гибких веточек, пружинящих под руками и ногами. Инстинкт подсказывал Арриэтте, что сеть ее удержит: надо было лишь слегка коснуться ее и спускаться дальше. Гуще всего листья росли на концах ветвей, а не внутри изгороди, и путь Арриэтты вниз больше всего напоминал катанье на волнах: прыжок – скольжение, прыжок – скольжение.

Но вот Арриэтта мягко спрыгнула на травянистый склон, и последняя веточка, упруго и грациозно покачиваясь над ее головой, вернулась на свое место.

Арриэтта посмотрела на руки: на одной ладони была ссадина. «Ничего, загрубеют», – сказала она себе. Волосы ее стояли дыбом и были полны кусочков коры, а в белой вышитой нижней юбке зияла большая дыра.

Арриэтта торопливо сорвала три ягоды земляники, надеясь задобрить родителей, и, завернув их в лист от фиалки, чтобы не испачкать кофточку, спустилась с насыпи, пересекла ров и вошла в высокую траву.

У Хомили, стоявшей возле входа в ботинок, был, как всегда, озабоченный и встревоженный вид.

– Ах, Арриэтта! Куда ты пропала? Завтрак был готов уже двадцать минут назад. Твой отец чуть с ума не сошел.

– Почему? – удивленно спросила Арриэтта.

– Он страшно волнуется... всюду тебя искал.

– Я была совсем рядом, – сказала Арриэтта. – Я лазала на изгородь. Вы могли меня позвать.

Хомили приложила палец к губам и боязливо посмотрела по сторонам.

– Здесь нельзя *звать,* – сказала она, понижая голос

до сердитого шепота. – Твой отец говорит, здесь вообще нельзя шуметь. Ни звать, ни кричать – ничего, что могло бы привлечь внимание. Опасность, твердит он, опасность – вот что окружает нас со всех сторон.

– Я не хочу сказать, что нам надо все время говорить шепотом, – подхватил Под, появляясь неожиданно из-за ботинка. В руках у него была половинка ножниц (он выкашивал узкий проход в самой густой траве). – Но никуда больше не уходи, дочка, не сказав, куда ты идешь, и зачем, и на сколько. Поняла?

– Нет, – сказала Арриэтта неуверенно. – Не совсем. Я хочу сказать, я не всегда знаю, *зачем* я иду. (Зачем, например, она взобралась на самый верх живой изгороди?) Где тут опасность? Я ничего не видела. Если не считать трех коров на соседнем поле.

Под задумчиво взглянул наверх, туда, где в чистом небе недвижно висел ястреб-перепелятник.

– Опасность везде, – сказал он, помедлив секунду. – Впереди и позади, наверху и внизу.

Глава седьмая

Нет худа без добра.

Из дневника Арриэтты. 27 августа

Хомили и Арриэтта еще не кончили завтракать, а Под уже занялся делом. Он ходил задумчиво вокруг ботинка, осматривал его со всех сторон, щупал кожу опытной рукой, глядел на нее вблизи, затем отступал, прищурив глаза, назад. Наконец вынес наружу походные мешки один за другим и аккуратно сложил на траве, а сам забрался внутрь. Хомили и Арриэтта слышали, как он отдувался и бормотал что-то, опустившись на колени, – они догадались, что он внимательно проверяет все швы, пазы, качество работы и измеряет размеры «пола».

Через некоторое время Под вышел и сел на траве рядом с ними.

— Жаркий будет денек, — сказал он медленно, — вон как солнце палит.

Он снял галстук и тяжело перевел дух.

— Что ты там рассматривал, Под? — спросила немного погодя Хомили.

— Ты видела этот ботинок, — сказал Под и тоже помолчал. — Бродяги таких не носят, и для рабочих людей таких не шьют; этот ботинок, — продолжал Под, пристально глядя на Хомили, — принадлежал джентльмену.

— Ах, — облегченно вздохнула Хомили, прикрывая глаза и обмахиваясь бескостной ладонью. — Как будто гора с плеч свалилась!

— Почему, мама?! — возмущенно спросила Арриэтта. — Чем тебе не годится ботинок, который носил рабочий человек? Папа ведь тоже рабочий человек, не так ли?

Хомили улыбнулась и с сожалением покачала головой.

— Все дело в качестве, — сказала она.

— Да, здесь твоя мать права, — сказал Под. — Этот ботинок ручной работы, я редко держал в руках такую прекрасную кожу. — Он наклонился к Арриэтте. — А к тому же, дочка, обувь джентльмена всегда ухожена, ее смазывают и ваксят каждый день. Если бы не это, неужели, вы думаете, этот ботинок смог бы выдержать — а он выдержал — дождь и ветер, жару и мороз? Да, джентльмены платят немалые денежки за свою обувь, но уж и требуют высокое качество.

— Так, так, — утвердительно кивала головой Хомили, глядя на Арриэтту.

— Дыру в носке я могу залатать, — продолжал Под, — куском кожи от языка. Сделаю на совесть, комар носа не подточит.

— К чему зря тратить время да нитки! — воскликнула Хомили. — Я хочу сказать: ради одной-двух ночей. Мы ведь не собираемся *жить* в ботинке, — сказала она, рассмеявшись, словно сама мысль об этом была нелепа.

— Я вот о чем подумал... — начал было Под.

— Я хочу сказать, — не слушая его, продолжала Хомили, — ведь у нас же есть родичи, которые живут на этом лугу... Хоть я и не считаю, что барсучья нора — подходящий дом, но все же этот дом есть, и где-то неподалеку.

Под кинул на нее серьезный взгляд.

— Может быть, — промолвил он так же серьезно, — но все равно я вот о чем думал. Я думал, — продолжал он, — родичи или не родичи они нам, они — добывайки. Верно? А кто из человеков, к примеру, видел добываек? — И он с вызовом поглядел вокруг.

— Кто? Да мальчик, — начала Арриэтта. — И...

— А, — сказал Под, — потому что ты, Арриэтта, еще не была добывайкой... не начала даже учиться, как надо добывать... Сама подошла и заговорила с ним — и как только не стыдно?! — сама разыскала его — ничего лучшего не нашла. И я тебе сказал тогда, к чему это приведет. За нами станут охотиться, сказал я, и кошки, и крысоловы, и полисмены, и все кому не лень. Так и вышло, я был прав.

— Да, ты был прав, — сказала Арриэтта, — но...

— Никаких «но», — сказал Под. — Я был прав тогда, и я прав сейчас. Ясно? Я все это продумал, я знаю, о чем говорю. И на этот раз я никаких глупостей не потерплю. Ни от тебя, ни от твоей матери.

— От меня ты никаких глупостей не услышишь, Под, — кротко сказала Хомили.

— Ну так вот, — продолжал Под, — я вот как все это понимаю: человеки высокие и ходят быстро; а когда ты высокий, тебе дальше видно... так? Я хочу сказать вот что: если при всем при этом человеки не видят добываек... мало того, утверждают, будто мы и вовсе *не существуем* на свете, как можем мы, добывайки, — мы ведь и меньше человеков, и ходим медленнее — надеяться их увидеть. Конечно, когда живешь в одном доме с другими семействами, знаешь друг друга... Оно и понятно, мы ведь выросли под одной крышей. Но в новом месте

вроде того, как здесь, в чистом поле, если так можно сказать, добывайки прячутся от других добываек... Так мне кажется.

– Вот тебе на! – грустно вздохнула Хомили.

– Но мы вовсе не медленно двигаемся, – возразила Арриэтта.

– По сравнению с человеками, сказал я. Наши ноги передвигаются скоро, но их ноги длинней, посмотри только, какой они успевают пройти путь. – Под обернулся к Хомили. – Ты не расстраивайся. Я не говорю же, что мы никогда не найдем Хендрири... может быть, и найдем... и даже скоро. Во всяком случае до зимы...

– Зимы! – прошептала Хомили с ужасом в голосе.

– Но мы должны строить планы и действовать так, словно на свете не существует никаких барсучьих нор. Вы понимаете меня?

– Да, Под, – хрипло проговорила Хомили.

– Я все это продумал, – повторил Под. – Что у нас есть: три мешка с пожитками, две шляпные булавки и старый ботинок. Нам надо смотреть правде в глаза и быть готовыми ко всему. Более того, – добавил он торжественно, – нам надо изменить свой образ жизни.

– Как – изменить? – спросила Хомили.

– Ну, например, отвыкнуть от горячей еды. Никаких чаев, никаких кофиев. Мы должны оставить свечу и спички на зиму. Мы должны разыскивать свой хлеб насущный вокруг нас.

– Только не гусеницы, Под, – умоляюще проговорила Хомили, – ты ведь мне обещал! Я и кусочка не смогу проглотить!

– Тебе и не придется этого делать, – сказал Под, – уж об этом я позабочусь. В такое время года полно других вещей. Ну а теперь вставайте, я хочу посмотреть, удастся ли нам сдвинуть ботинок с места.

– Что ты хочешь делать? – озадаченно спросила Хомили, однако они обе послушно поднялись на ноги.

– Видишь, какие тут шнурки? – сказал Под. –

Крепкие и прочные, а почему? Да потому, что их хорошо промаслили, а может, просмолили. Перекиньте каждая шнурок через плечо и тащите. Станьте спиной к ботинку... Верно, вот так... И идите прямо вперед.

Хомили и Арриэтта налегли на постромки; ботинок, подпрыгивая на кочках, заскользил вперед по траве, да так быстро, что они споткнулись и упали — кто мог ожидать, что он окажется таким легким!

— Осторожно! — закричал Под, труся рысцой рядом с ними. — Постарайтесь не дергать... Поднимайтесь... Вот, вот, правильно... Ровнее, ровнее... Прекрасно. Видите, — сказал он, когда, подтащив ботинок туда, где кончался островок высокой травы, они остановились перевести дух, — видите, как он летит? Как птица!

Хомили и Арриэтта потерли плечи и ничего не сказали; они даже улыбались слегка — слабое отражение гордой и торжествующей улыбки Пода.

— Садитесь отдохните. Вы молодцы. Увидите теперь, все будет хорошо.

Они послушно сели в траву. Под улыбался во весь рот.

— Вот, значит, какое дело, — начал он. — Я говорил вам об опасности... Тебе говорил, Арриэтта... Почему? Да потому, что мы должны быть не только храбрыми — и я не знаю никого храбрее твоей матери, когда у нее нет другого выхода, — но и благоразумными, мы должны думать о том, что нас ждет, и не терять головы. Мы не можем позволить себе зря тратить силы — лазать по кустам просто для потехи и все такое прочее, — и мы не можем позволить себе рисковать. Мы должны составить план на будущее и не отступать от него. Ясно?

— Да, — сказала Арриэтта.

Хомили кивнула головой.

— Отец прав, — сказала она.

— Нужно иметь главную цель, — продолжал Под, — а у нас она есть, прямо под рукой — нам надо найти барсучью нору. Как же нам это сделать? Пастбище это

огромное, у нас уйдет чуть не весь день на то, чтобы пройти вдоль одной его стороны, не говоря уж о времени, которое понадобится для нор; к вечеру мы будем валиться с ног от усталости, это уж как пить дать. Ну а если я пойду на поиски один, у твоей матери не будет за весь день и минуты покоя, она места себе не найдет, пока я не вернусь, станет придумывать всякие страхи. И тебе покоя не даст, Арриэтта. Мы не можем позволить себе так выбиваться из сил. Когда волнуешься да суетишься по пустякам, перестаешь соображать – понимаете, о чем я говорю? И вот тут-то и случаются несчастья. Теперь послушайте, – продолжал Под, – что я придумал: мы обойдем это поле, как я уже говорил вам вчера, кругом по краю, один участок за другим, проверим все насыпи и живые изгороди, а стоянку будем устраивать день здесь, два дня там, как придется. Ведь норы не всюду есть, нам попадутся такие места, где не встретишь ни одной барсучьей норы. Вот мы их и проскочим, если можно так выразиться. Но из этого ничего не выйдет, понимаешь, Хомили, если быть привязанным к дому.

– Ты хочешь сказать, – пронзительно воскликнула Хомили, – что нам придется таскать за собой этот ботинок?

– Что ж, – сказал Под, – разве тебе было тяжело?

– Станет тяжело, когда мы положим туда все наши пожитки.

– По траве – нет, – сказал Под.

– А в гору?

– Но здесь, внизу, – *ровно,* – терпеливо возразил Под, – и так до камышей, затем вверх вдоль ручья, затем через поле – опять *ровно,* и последний кусок, который приведет нас обратно к перелазу, – вниз с начала до конца!

– Хм! – сказала Хомили, ее так и не удалось убедить.

– Ну, – сказал Под, – что у тебя на уме? Выкладывай, не стесняйся, я принимаю любые предложения.

— Ах, мама... — умоляюще начала Арриэтта, но тут же замолчала.

— А тащить все время только мне и Арриэтте? — спросила Хомили.

— Ну как тебе это могло прийти в голову? — сказал Под. — Тащить, ясное дело, будем по очереди.

— Ну что ж, — вздохнула Хомили, — плетью обуха не перешибешь!

— Вот и молодец! Я знал, что ты не струсишь, — сказал Под. — Что касается провианта... *еды,* — объяснил он, так как на лице Хомили выразилось недоумение, — лучше нам всем сразу стать вегетарианцами до мозга костей.

— Ни о каких костях и речи не будет, — угрюмо заметила Хомили, — если мы станем этими... вегетарианцами.

— Скоро созреют орехи, — сказал Под. — Вон там, в затишке, они уже и сейчас почти поспели. У них внутри что-то вроде молока. Сколько угодно ягод... ежевика, лесная земляника. Можно делать салаты — скажем, из одуванчика и щавеля. А на поле по ту сторону перелаза можно собрать колосья пшеницы. Мы справимся, главное — привыкнуть к новой жизни, не мечтать о ветчине, жареных пирожках с курятиной и тому подобном. Арриэтта, — продолжал он, — раз уж тебе так нравится лазать по кустам, пойдите-ка сейчас с мамой к изгороди — там есть лещина — и наберите орехов. Как ты, не против? А я займусь ботинком, надо его немного подлатать.

— А где тут орехи? — спросила Арриэтта.

— Вон там, на полпути до конца, — Под указал на густую светлую зелень в середине изгороди, — не доходя до воды. Ты заберешься наверх, Арриэтта, будешь рвать орехи и кидать их вниз, а мама подбирать. Попозже я к вам приду, нам надо будет вырыть яму.

— Яму? Для чего? — спросила Арриэтта.

— Не можем же мы таскать все орехи — этакую

тяжесть – с собой, – объяснил ей Под. – Да они и не поместятся в ботинке. Всюду, где мы будем находить провиант, мы будем устраивать тайник, так сказать, и оставлять на зиму.

– На зиму... – чуть слышно вздохнула Хомили.

Однако, помогая ей перебраться через колдобины во рве, который вполне мог служить им столбовой дорогой – он был мелким, сухим и почти скрытым от чужих глаз, – Арриэтта чувствовала себя куда ближе к матери, чем всегда, скорее сестрой, чем дочкой, как она сказала сама себе.

– Ой, посмотри! – вскричала Хомили, когда они увидели темно-розовый цветок лесной гвоздики; она наклонилась и сорвала его тонкий, как волос, стебель. – Какая прелесть! – нежно сказала она, погладив хрупкие лепестки загрубелым от работы пальцем, и засунула цветок в вырез блузки. Арриэтта нашла ему под пару светло-голубой первоцвет и воткнула его себе в волосы. Будний день вдруг превратился в праздник. «Цветы созданы для добываек», – подумала она.

Наконец они подошли к тому месту живой изгороди, где росла лещина.

– Ах, Арриэтта! – воскликнула Хомили, глядя на высоко раскинувшиеся ветки со смешанным чувством гордости и страха. – Тебе ни за что туда не забраться!

– Не забраться? Это мы еще посмотрим! – Арриэтта была в восторге оттого, что может похвастать тем, как она лазает по деревьям.

Она деловито, как настоящий рабочий, скинула фуфайку, повесила ее на серо-зеленый шип чертополоха, потерла ладони (плевать на них на глазах у матери она не решилась) и поднялась по насыпи.

Стиснув руки и прижав их к груди, Хомили смотрела снизу, как дрожат и качаются листья там, где, невидимая ей, взбирается наверх Арриэтта.

– У тебя все в порядке? – без устали повторяла она. –

Будь осторожна, дочка. Неровен час, упадешь и сломаешь ногу.

И вот уже сверху, словно пушечные ядра, посыпались один за другим орехи, и бедная Хомили принялась, задыхаясь, метаться под этим обстрелом туда и сюда, пытаясь найти их и собрать в одно место.

Сказать по правде, обстрел этот был неопасен, не так уж часто падали вниз орехи. Рвать их оказалось куда труднее, чем воображала Арриэтта. С одной стороны, было только начало лета, и орехи еще не созрели, каждый орех был заключен в оболочку, напоминавшую тугую зеленую чашечку наперстянки, и крепко прикреплен к ветке. Пока Арриэтта не научилась поворачивать гроздь орехов резким движением, ей приходилось прилагать много усилий, чтобы ее оторвать. Что еще важнее, даже добраться до них было непросто: надо было медленно ползти по раскачивающейся ветке к самому ее концу. (Позднее Под смастерил ей из кусочка свинца, шпагата и гибкого корня щавеля нечто вроде свинчатки, которой она сшибала орехи на землю.) Но Арриэтта не отступала, и вскоре во рву лежала порядочная кучка орехов, аккуратно сложенная вспотевшей от беготни Хомили

— Хватит! — крикнула она наконец Арриэтте и перевела дух. — Больше не кидай, не то твоему бедному отцу придется до ночи копать для них яму.

И Арриэтта, красная и разгоряченная, с царапинами на лице и ладонями в ссадинах, радостно принялась спускаться вниз. Она кинулась плашмя в кружевную тень папоротника и пожаловалась, что хочет пить.

— Там подальше есть вода, так сказал твой папа. Как ты думаешь, ты сможешь туда дойти?

Конечно, Арриэтта могла туда дойти. Устала или не устала, она твердо была намерена не дать угаснуть впервые вспыхнувшей в матери жажде приключений. Арриэтта захватила фуфайку, и они двинулись дальше вдоль рва.

Солнце поднялось выше, земля стала горячей. По

дороге они увидели мертвого крота, которым лакомились жуки.

– Не гляди, – сказала Хомили, ускоряя шаг и отводя глаза, словно они оказались свидетелями аварии на большой дороге.

Но Арриэтта, на этот раз более практичная, чем мать, сказала:

– Наверно, когда жуки с ним покончат, нам стоит забрать шкуру. Она может нам пригодиться... зимой, – уточнила она.

– Зимой... – прошептала Хомили. – Ты говоришь о ней нарочно, чтобы мне досадить, – добавила она, вдруг вспылив.

Ручей оказался не столько похож на ручей, сколько на небольшой прозрачный пруд. Когда они к нему подошли, по воде во все стороны стали расходиться серебряные круги – это плюхались на дно вспугнутые ими лягушки. Ручей вытекал, извиваясь, из чащи леса за изгородью, пересекал угол поля и переходил в небольшое болото, где в грязи виднелись глубокие отпечатки коровьих копыт. На противоположной стороне ручья пастбище было ограждено не кустарником, а ржавой проволокой. Проволока была натянута между покрытыми плесенью столбами, идущими по воде. Казалось, стволы деревьев столпились позади этой хрупкой преграды и ждут не дождутся, когда они смогут ринуться вперед через узкую полоску воды на залитое солнцем поле. Арриэтта увидела голубую дымку незабудок и там и сям одинокие копья камыша. Коровьи следы казались глубокими колодцами. Воздух был напоен восхитительным запахом ила, слегка сдобренного мятой. По зеркальной, лазурной, как небо, глади миниатюрного озера шла мелкая, волнистая рябь. «Как красиво», – подумала Арриэтта. Она была взволнована: ей никогда еще не приходилось видеть сразу так много воды.

– Кресс-салат, – скучным голосом сообщила Хомили. – Захватим немного.

Они осторожно пробирались между высокими закраинами кратеров от коровьих копыт. В темной глубине стоячей воды отражалось безоблачное небо. Наклоняясь над ними, Арриэтта видел на фоне сонной синевы свое лицо, четкое, но странно перекошенное.

– Смотри не упади, Арриэтта, – остерегла ее Хомили, – не забывай, у тебя всего две смены белья. Знаешь, – продолжала она, оживившись, – это очень пригодилось бы мне дома, под кухней. – Она указала на метелочку камыша. – Как раз то, что нужно для чистки дымохода. Удивительно, что твой отец ни разу не подумал об этом. Подожди, не пей, – посоветовала она, – пока не подойдем к проточной воде. И салат тоже лучше не рвать там, где вода стоячая. Еще подцепишь какую-нибудь заразу

Наконец они нашли место, где можно было напиться: большой кусок коры одним концом крепко врезался в землю, а другим выступал в воду, образуя нечто вроде крошечного причала или дамбы. Кора была серая, шишковатая, и весь обломок походил на греющегося на солнце крокодила. Арриэтта легла на него во весь рост и, сложив ладони лодочкой, принялась зачерпывать и пить большими глотками холодную воду. Хомили, немного поколебавшись, подобрала юбку и последовала ее примеру.

– Как жаль, – сказала она, – что у нас нет с собой ни кувшина, ни ведра, ни даже бутыли. Нам бы пригодилась вода там, в ботинке.

Арриэтта не ответила. Сквозь бегущие поверху струи она блаженно всматривалась в самую глубину ручья.

– Вегетарианцы едят рыбу? – проговорила она немного погодя.

– Не могу сказать, – ответила Хомили, – надо узнать у твоего отца. – Но тут в Хомили заговорили ее кулинарные пристрастия. – А что, тут есть рыба? – спросила она, глотая слюну.

– Масса, – мечтательно сказала Арриэтта, по-преж-

нему не отводя глаз от струящихся глубин. Кажется, что ручей тихонько дышит, подумала она. – Большая Длиной с мою руку от кисти до локтя. И еще какие-то стеклянные штуки, – добавила она, – вроде креветок.

– Что значит – стеклянные? – спросила Хомили.

– Ну, – объяснила Арриэтта все тем же отсутствующим тоном, – я хочу сказать – сквозь них все видно. И какие-то черные, – продолжала она, – похожие на бархатные шары, они прямо на глазах раздуваются.

– Скорее всего пиявки, – сказала Хомили, содрогнувшись, затем добавила неуверенно: – Пожалуй, они и ничего в тушеном виде.

– Как ты думаешь, папа может сделать рыболовную сеть? – спросила Арриэтта.

– Твой отец может сделать все на свете, – убежденно проговорила его преданная жена. – Не важно что – стоит только сказать.

Наступила тишина. Арриэтта тихо лежала на пропитанной солнцем коре. Казалось, она задумалась, и когда вдруг раздался ее голос, Хомили испуганно подскочила на месте – она тоже в кои-то веки угомонилась и уже стала погружаться в сон.

«Не дело, – подумала она, – засыпать на такой колоде, ничего не стоит перевернуться». И, встряхнув себя мысленно, она поднялась и заморгала глазами.

– Что ты сказала, Арриэтта? – спросила она.

– Я сказала, – не сразу ответила Арриэтта медленно и чуть нараспев (словно она тоже дремала), – почему бы нам не притащить ботинок сюда? Прямо на берег?

Глава восьмая

Мой дом – моя крепость.

Из дневника Арриэтты. 2 сентября

Это они и сделали. Под внимательно осмотрел участок, где они предлагали разбить лагерь, взвесил все «за» и «против» и с важным видом, словно сам все это придумал, провозгласил, что они переносят стоянку на новое место, как и раньше, у изгороди, но поближе – насколько это будет безопасно – к ручью.

– Хомили надо будет стирать. Без воды нам не обойтись, – заявил он таким тоном, словно это только сейчас пришло ему в голову. – И не исключено, что немного попозже я сделаю рыболовную сеть.

Хотя ботинок был сильно нагружен, впрягшись все трое в постромки, они тянули его по рву без всякого труда. Под выбрал для лагеря небольшую площадку, вернее даже нишу, или пещеру, на склоне на полпути между рвом и зеленой изгородью.

– Нельзя ставить дом очень низко, – объяснил он им (в то время как они вынимали на дне рва пожитки, чтобы легче было тащить наверх ботинок), – раз здесь бывают такие ливни, как вчера, и рядом ручей. Вы не должны забывать, – продолжал он, разбирая свои инструменты, – как нас залило дома, когда на кухне лопнул котел.

– Не должны забывать! – фыркнула Хомили. – Как будто можно об этом забыть! Залило, да еще крутым кипятком!

Она распрямила спину и стала смотреть вверх, туда, где должен был стоять их дом.

Лучшее место трудно было найти. «Настоящий замок», – подумала Арриэтта; только жить они будут не в темнице, а в светлице, потому что туда проникало достаточно воздуха и света. Когда-то давно большой дуб, входивший в живую изгородь, был спилен у самого основания. Крепкий круглый пень, поднимавшийся над землей, – изгородь там была реже – напоминал башню средневе-

новой крепости. Внизу во все стороны, как воздушные опоры, разметались корни. Часть из них все еще была жива, тут и там они выпустили зеленые побеги, похожие на крошечные дубки. Один из этих побегов нависал над их пещерой, кидая на ее вход узорную тень.

Крышей пещере служила нижняя сторона большого корня, другие – помельче – образовывали стены и устилали пол. Под сказал, что боковые корни придутся кстати в качестве полок.

Он занимался (пока ботинок все еще лежал во рву) тем, что вытаскивал из каблука гвозди.

– Что ты делаешь? – заметила Хомили, в то время как они с Арриэттой отбирали те вещи, которые следовало перенести наверх прежде всего. – Ведь каблук расшатается.

– На что нам каблук? – возразил Под, вспотевший от напряжения, – нам же этот ботинок не носить. А гвозди мне нужны, – закончил он не допускающим возражений тоном.

Плоская верхушка пня, решили они, пригодится им как наблюдательный пост, а также для выбеливания белья после стирки и для сушки кореньев и ягод. Или как ток для молотьбы. Хомили уговаривала Пода вырубить в склоне ступеньки, чтобы легче было взбираться. (Он сделал это, правда позднее, и впоследствии в течение многих лет натуралисты считали эти зарубки работой пятнистого дятла.)

– Нам надо вырыть тайник для орехов, – заметил Под, распрямляя ноющую спину, – но лучше сперва наведем здесь порядок и уют, если так можно сказать. Тогда, покончив с ямой и вернувшись домой, мы сможем сразу же лечь спать.

Семи гвоздей, решил Под, ему пока хватит (вытаскивать их было очень трудно). Еще раньше, когда Под латал носок ботинка, он придумал одну вещь. Прежде ему приходилось иметь дело только с тончайшей лайкой от дамских перчаток, и его сапожное шило оказалось

слишком хрупким, чтобы проткнуть толстую кожу ботинка. Вот он и решил использовать язычок электрического звонка как молоток, а гвоздь — как шило. С их помощью Под проколол два ряда дырок — один против другого — в самом ботинке и его языке (из которого он сделал заплату). Оставалось только продеть в них бечевку и затянуть потуже, и заплата была готова.

Тем же самым манером Под проделал теперь несколько отверстий вдоль верхнего края ботинка, так что в случае необходимости они могли зашнуровать его на ночь... как застегивают клапан у входа в палатку.

Затащить пустой ботинок наверх было нетрудно, но вот втиснуть его в нишу и положить в нужном направлении оказалось хитрым делом и потребовало искусного маневрирования. Наконец с этим было покончено, и они облегченно вздохнули.

Ботинок лежал на боку, подошвой к задней стенке пещеры, верхним краем наружу, так что ночью они смогут заранее заметить любого, кто потревожит их покой, а утром на них упадут первые лучи солнца.

Под вбил несколько гвоздей в идущий вдоль правой стены корень, похожий на полку (почти вся левая стена пещеры была заслонена ботинком), и повесил на гвозди свои инструменты: половинку маникюрных ножниц, детский лобзик, молоток (язычок от электрического звонка) и обломок лезвия от безопасной бритвы.

Над этой полкой в песке было углубление, которое Хомили могла приспособить под кладовую, места там было с избытком.

Когда Под поставил более длинную шляпную булавку возле входа в пещеру — самая выгодная стратегическая позиция, сказал он (булавку покороче, добавил Под, надо оставить в ботинке на случай ночных тревог), — они почувствовали, что на сегодня сделали больше, чем можно, и, хотя они очень устали, были собой довольны, ведь их труды не пропали даром.

— Ой, спина! — простонала Хомили, потирая пояс-

ницу. – Давайте немного отдохнем и полюбуемся видом.

И было чем полюбоваться. Освещенное полуденным солнцем поле было видно до самого конца. Из дальней купы деревьев вылетел фазан и, громко хлопая крыльями, полетел налево.

– Мы не можем тут долго рассиживаться, – сказал немного погодя Под, – нам надо еще выкопать тайник.

С трудом поднявшись с земли, они взяли половинку ножниц, один из походных мешков – мало ли что могло попасться им по дороге – и спустились в ров.

– Ну, ничего, – утешал Под Хомили по пути, – зато потом сразу ляжем спать. И тебе не надо ничего готовить, – добавил он.

Но для Хомили это было плохим утешением. Она вдруг почувствовала, что не только устала, но и голодна. «Только почему-то, – подумала она хмуро, – мне не хочется орехов».

Когда они подошли к тому месту, где лежали орехи, и Под срезал первые куски дерна, чтобы добраться до земли (для него это было не легче, чем нам корчевать кусты или вырывать с корнем траву в пампасах), Хомили немного ожила, намереваясь доиграть до конца свою роль мужественной помощницы. Ей никогда не приходилось копать землю, но это ее не пугало, даже наоборот. В этом диковинном мире возможны любые чудеса, вдруг у нее (кто знает?) окажется какой-нибудь новый талант.

Копать пришлось по очереди, ведь у них была на троих одна половинка ножниц. («Не горюйте, – сказал им Под, – завтра смастерю из чего-нибудь лопаты».)

Вдруг раздался громкий визг – это Хомили впервые в жизни встретилась с червяком. Он был с нее величиной, даже больше, она увидела это, когда он весь выполз из земли.

– Хватай его! – закричал Под. – Он тебя не укусит. Надо привыкать.

И еще до того, как Арриэтта (которой червяк тоже

не очень пришелся по вкусу) успела предложить свою помощь, Хомили, напрягшись всем телом, схватила извивающегося червяка и с каменным лицом выкинула его из ямы; червяк тут же благодарно уполз в траву.

— Тяжелый, — заметила Хомили и, не прибавив больше ни слова, снова принялась копать.

«Правда, — подумала Арриэтта, — она выглядит бледней, чем обычно».

После третьего червяка Хомили стала обращаться с ними с профессиональной небрежностью опытных заклинателей змей. Казалось, ей просто надоело, что они ползают у нее под ногами. Арриэтта была потрясена. Однако когда Хомили выкопала многоножку, ее спокойствие как рукой сняло. Хомили не только закричала во все горло, но взбежала, подняв юбки, до середины насыпи и, взобравшись на плоский камешек, принялась что-то быстро и невнятно говорить. Спустилась она лишь тогда, когда Под, пощекотав извивающееся чудовище кончиком ножниц, заставил его сердито ретироваться «в кусты».

Часть орехов они захватили с собой на ужин. Трех ядрышек, нескольких ягод лесной земляники, листика или двух кресс-салата, вымытых в чистой воде, оказалось вполне достаточно, чтобы наесться, однако трапеза их была унылой. Чего-то недоставало. Сейчас бы съесть кусочек рассыпчатого печенья, выпить чашечку горячего сладкого чая! Но Хомили решила придержать последнее печенье на завтрак, а что до чая, то по распоряжению Пода он будет появляться у них на столе только по праздникам и при чрезвычайных обстоятельствах.

Однако спали они хорошо и чувствовали себя в безопасности под защитой дубового корня, да еще зашнуровав сверху ботинок. Было, пожалуй, чуть-чуть душновато, но зато стало куда просторней, так как большая часть их пожитков была теперь сложена снаружи, в песчаной пещерке со стенами из корней.

Глава девятая

Что посеешь, то и пожнешь.

Из дневника Арриэтты. 3 сентября

– Сегодня, – сказал Под за завтраком на следующее утро, – нам бы надо пойти пособирать колосья. Вон там, в той стороне, лежит поле, где уже сжали пшеницу. Орехи и фрукты, конечно, хорошая вещь, – продолжал он, – но зимой нам понадобится хлеб.

– Зимой? – простонала Хомили. – Мы ведь собирались искать барсучью нору, если я не ошибаюсь? И, – добавила она, – кто будет молоть зерна?

– Ты и Арриэтта, – сказал Под. – Между двумя камнями. Это совсем нетрудно.

– Еще немного, и ты предложишь мне добывать огонь трением палки о палку, – проворчала Хомили. – Как, по-твоему, я смогу печь хлеб без печи? А откуда мне взять закваску? Если хочешь знать мое мнение, – продолжала она, – ни к чему нам собирать колосья и пытаться печь из них хлеб – все это ерунда. Нам надо совсем другое – положить в карманы по ореху, рвать ягоды, которые попадутся по пути, и как следует поискать семейство Хендрири.

– Будь по-твоему, – согласился, хоть и не сразу, Под и тяжело вздохнул.

Они убрали остатки завтрака, спрятали самые ценные вещи внутрь ботинка, зашнуровали его до конца и двинулись вверх по холму мимо ручья, вдоль живой изгороди, стоявшей под прямым углом к насыпи, на которой они провели ночь.

Утомительная это была прогулка. Единственное происшествие случилось в полдень, когда они отдыхали, весьма скромно перекусив перезревшими водянистыми ягодами ежевики. Хомили, откинувшись спиной на насыпь и устремив слипающиеся глаза в землю, вдруг увидела, что полоска земли словно движется, течет вперед нешироким безостановочным потоком между бревном и камнем.

— Ой, батюшки, Под! — еле слышно сказала она, убедившись, что это не обман зрения. — Ты видишь то, что вижу я? Там, у бревна..

Под, следуя за направлением ее взгляда, ответил не сразу, и когда он наконец ответил, голос его был чуть громче шепота.

— Да, — нерешительно сказал он. — Это змея.

— Ой, батюшки... — снова прошептала, дрожа от страха, Хомили. Сердце Арриэтты бешено забилось.

— Не шевелитесь, — шепнул Под, не сводя глаз с непрерывной живой струи; казалось, ей не будет конца. («Разве только, — подумала потом Арриэтта, — само время замедлилось, как, говорят, бывает в опасные мгновения».)

Змея все ползла и ползла, но вот в тот самый миг, когда они почувствовали, что больше не выдержат, ее хвост мелькнул и исчез.

Все трое перевели дыхание.

— Какая это змея, Под? — слабым голосом спросила Хомили. — Гадюка?

— Я думаю, уж, — сказал Под.

— О! — воскликнула Арриэтта и с облегчением засмеялась. — Они безвредные.

Под сердито посмотрел на нее; его лицо, похожее на булочку с изюмом, казалось сейчас недопеченным, так он был бледен.

— Для человеков — да, — медленно сказал он. — Но не для нас. И что самое главное, — добавил он, — со змеями не поговоришь.

— Жаль, — заметила Хомили, — что мы не захватили шляпную булавку.

— Что толку? — возразил Под.

После полдника (на этот раз — ягоды шиповника, на ежевику уже и смотреть не хотелось) они обнаружили, что прошли больше половины пути вдоль третьей стороны поля. Им почти не приходилось искать барсучьи норы, ни на одном участке, оставленном позади, не нашлось бы

места для семейства дяди Хендрири, не говоря уж о колонии барсуков. Чем выше они поднимались, идя вдоль живой изгороди, тем ниже становилась насыпь, пока совсем не исчезла в том месте, где они теперь сидели, устало жуя шиповник.

– Отсюда почти столько же назад, – заметил Под, – старым путем, сколько вперед, вокруг поля. Что скажешь, Хомили?

– Тогда лучше пойдем дальше вокруг поля, – хрипло прошептала Хомили, поперхнувшись семечком от шиповника, и закашлялась. – Ты ведь говорила, что почистила их, – упрекнула она Арриэтту, немного отдышавшись.

– Наверно, одну пропустила, – сказала Арриэтта. – Прости.

И она передала Хомили другую половинку ягоды, из которой только что выскребла семечки. Ей нравилось открывать розовые шары и выгребать из них золотистые семена, ей нравился вкус самих ягод. «Похоже на яблочную кожуру, – думала она, – чуть пахнущую розой».

– Что ж, – сказал Под, поднимаясь с земли, – тогда пошли.

Когда они достигли четвертой – последней – стороны поля, солнце уже садилось. Живая изгородь бросала на землю густую неровную тень. В проеме между кустами золотилась освещенная низким солнцем стерня.

– Ну, раз мы уже здесь, – предложил Под, останавливаясь и глядя на скошенное поле, – а до дома дорога пойдет под уклон, почему бы нам не прихватить по несколько колосьев?

– Ничего не имею против, – устало проговорила Хомили, – если они притопают сюда с поля и пойдут за нами следом.

– Пшеница легкая, – сказал Под. – Сколько надо времени, чтобы подобрать несколько колосков?

Хомили вздохнула. В конце концов она сама предложила сегодняшний поход. «Назвался груздем, полезай в кузов», – подумала она.

— Пусть будет по-твоему, — сказала она покорно.

Один за другим все трое пролезли через дыру в изгороди на пшеничное поле.

Они попали (как показалось Арриэтте) в какой-то иной, странный мир, совсем не похожий на землю: золотая стерня, освещенная вечерним солнцем, стояла рядами, подобно заколдованному, потерявшему свои краски лесу; каждый «ствол» кидал длинную тень, и все эти тени, идущие в одном направлении, лежали параллельно друг другу, создавая причудливый крестообразный узор — черные тени и золотые стебли, — возникающий и исчезающий при каждом ее шаге.

— Отрывайте колос вместе со стеблем, — посоветовал Под, — легче будет нести.

В этом переломанном, полном насекомых лесу было такое странное освещение, что Арриэтта то и дело теряла из виду родителей, но, обернувшись в панике назад, обнаруживала их совсем рядом, испещренных светом и тенями.

Наконец Под сжалился — больше им было не снести. Они перебрались обратно через изгородь, каждый с двумя пучками колосьев, держа их за короткие стебли вниз головой. Арриэтте припомнился Крэмпфирл; там, в большом доме, он проходил мимо решетки с луком для кухни. Луковицы были нанизаны на веревку и походили на зерна пшеницы, да и по величине такая вязанка была для него то же самое, что колос пшеницы для них.

— Не очень тебе тяжело? Ты справишься? — обеспокоенно спросил Под, когда Хомили первая пустилась под гору.

— Уж лучше тащить их, чем молоть, — не оглядываясь, колко ответила Хомили.

— С этой стороны барсучью нору искать напрасно, — пропыхтел Под (он нес самый тяжелый груз), поравнявшись с Арриэттой. — Тут и пашут, и сеют, и боронят, тут и люди, и собаки, и лошади, и чего только нет...

— Где же она тогда? — спросила Арриэтта, кладя на

минуту свою ношу на землю, чтобы дать отдых рукам. — Мы же обошли кругом все поле.

— Осталось одно место, — сказал Под, — те деревья посредине, — и, стоя неподвижно в глубокой тени, он поглядел через пастбище.

В закатных лучах оно выглядело точно таким, как в тот первый день (неужели это было лишь позавчера?), но с этого места им была не видна длинная тень, которую отбрасывал островок деревьев.

— Открытое пространство, — сказал Под, все еще не отводя глаз. — Твоя мать не сможет перейти это поле.

— А я смогу, — сказала Арриэтта, — я бы с радостью пошла...

Под не ответил.

— Надо подумать, — сказал он немного погодя. — Идем, дочка. Бери свои колосья. Не то мы не успеем вернуться дотемна.

И они действительно не успели. Когда они брели знакомым путем по рву, наступили сумерки, а когда подошли к пещере, было почти совсем темно. Но даже в полумраке их зашнурованный с верхом ботинок внезапно показался им родным домом. Он словно говорил им: «Добро пожаловать!»

Хомили тяжело опустилась на землю у подножия насыпи, словно раздавленная своей ношей.

— Передохну минутку, — объяснила она, — и двинусь.

— Не спеши, — сказал Под, — я пойду вперед и развяжу шнурки.

И, тяжело дыша, он стал подниматься по насыпи, таща за собой пучок колосьев. Арриэтта — за ним.

— Под! — крикнула Хомили снизу из темноты, не оборачиваясь к нему. — Знаешь что?

— Что? — спросил Под.

— Сегодня был тяжелый день, — сказала Хомили. — Что, если мы выпьем по чашечке чая?

— Пей на здоровье, — сказал Под, расшнуровывая верх ботинка и осторожно шаря внутри. Он повысил голос,

чтобы ей было там, внизу, слышно: – Только помни: утерянного не воротишь... Принеси-ка мне ножницы, Арриэтта. Они на гвозде в кладовой. – Через минуту он нетерпеливо крикнул: – Побыстрей! Что ты там копаешься целую вечность? Надо только руку протянуть.

– Их нигде нет, – раздался чуть погодя голос Арриэтты.

– Как это нет?

– Нет, и все. Остальное на месте.

– Нет? – не веря своим ушам, повторил Под. – Подожди минутку, я сам посмотрю.

– Из-за чего вся эта суматоха? – не понимала все еще сидевшая внизу Хомили. Она не могла разобрать их слов.

– Что-то или кто-то здесь побывал, – раздался голос Пода после горестного молчания.

Подняв с земли колосья, Хомили стала карабкаться наверх, это было совсем нелегко в полумраке.

– Достань-ка спичку, – опять послышался встревоженный голос Пода, – и зажги свечу.

– И Арриэтта принялась рыться в ботинке в поисках восковых спичек.

Когда крошечный язычок пламени, метнувшись в ту и другую сторону, наконец выровнялся, ниша на склоне насыпи осветилась, как театральная сцена. На ее песчаных стенах заметались странные тени. Под, Хомили и Арриэтта, ходившие то туда, то сюда, казались нереальными, словно персонажи пьесы. Из темноты выступили три походных мешка, аккуратно сложенных вместе и перевязанных сверху бечевкой, инструменты, висевшие на корне, а рядом, там, где поставил его Под, – стебель чертополоха с пурпурной головкой, которым он подметал утром пол. Под стоял, положив руку на пустой гвоздь. В свете свечи он был белый как бумага.

– Они были здесь, – повторил он, похлопывая по гвоздю. – Я их здесь оставил.

— Этого нам не хватало! — воскликнула Хомили, опуская на пол колосья. — Надо снова как следует поискать. — Она отодвинула мешки и пошарила за ними. — А ты, Арриэтта, — приказала она, — пойди-ка посмотри с той стороны ботинка.

Но и там ножниц не было. Не было также, как они обнаружили, и шляпной булавки, той, что длиннее.

— Все, что угодно, только не эти две вещи! — встревоженно повторял Под, в то время как Хомили в четвертый раз пересматривала содержимое ботинка.

— Маленькая булавка здесь, — говорила она вновь и вновь, — одна все же у нас осталась. Сам понимаешь, ни одно животное не может расшнуровать ботинок и...

— А какому животному могут понадобиться ножницы? — устало спросил Под.

— Сороке? — предположила Арриэтта. — Если они блестели...

— Может быть, — сказал Под. — Ну а как насчет шляпной булавки? Как сорока могла захватить в клюв сразу и то и другое? Нет, — задумчиво продолжал он, — это не похоже на сороку и вообще на птицу. Да и на зверька, если на то пошло. И я не думаю, чтобы это был человек. Человек, если бы он нашел эту ямку, скорее всего растоптал бы тут все. Человеки всегда пнут сначала ногой, а уж потом тронут руками. Нет, — сказал Под, — по всему похоже, что тут поработал добывайка.

— О! — радостно воскликнула Арриэтта. — Значит, мы их нашли!

— Кого нашли? — спросил Под.

— Двоюродных братцев... сыночков дядюшки Хендрири...

Несколько мгновений Под молчал.

— Может быть... — сказал он.

— Может быть! — с сердцем передразнила его Хомили. — Кто еще это мог быть? Они живут на этом поле, не так ли? Арриэтта, вскипяти немного воды, будь умницей, зачем зря тратить свечу.

– Послушай... – начал Под.

– Но мне не на что поставить крышку, – прервала его Арриэтта, – раз нет ножниц. В прошлый раз мы ставили ее на кольцо.

– Ну что за наказание! – простонала Хомили. – Зачем только тебе голова? Придумай что-нибудь. А если бы у нас вообще не было этой половинки ножниц? Обвяжи крышку веревкой и подвесь над огнем, зацепи за гвоздь или корень... за что угодно. Что ты хотел сказать, Под?

– Что надо поберечь заварку, вот что. Мы ведь собирались пить чай только по праздникам или при чрезвычайных обстоятельствах.

– Это мы и делаем, не так ли?

– Что – это? – спросил Под.

– Празднуем. Похоже, что мы нашли тех, кого искали.

Под с тревогой взглянул на Арриэтту, которая в дальнем конце пещерки завязывала бечевку вокруг нарезки на винтовой крышке от пузырька с аспирином.

– Погоди, не торопись, Хомили, – предостерегающе произнес он, понизив голос, – и не делай слишком поспешных выводов. Предположим, это был один из мальчиков Хендрири. Почему же тогда он не оставил записки или какого-нибудь знака, почему не подождал нас? Хендрири знает все наши вещи... хотя бы этот календарь с пословицами и поговорками. Не один раз видел его дома под кухней.

– Не пойму я, куда ты клонишь, – недоумевающе сказала Хомили, тревожно глядя, как Арриэтта медленно опускает полную крышку воды с корня над свечой. – Осторожнее! – закричала она. – Следи, чтобы не загорелась бечевка.

– А вот куда, – продолжал Под. – Попробуй посмотреть на половинку ножниц, скажем, как на клинок или меч, а на шляпную булавку как на копье или, скажем, кинжал. Так вот, тот, кто их у нас забрал,

получил в руки оружие, понимаешь, что я имею в виду? А нас оставил безоружными.

– У нас есть вторая булавка, – заражаясь его волнением, сказала Хомили.

– Конечно, – сказал Под, – но он, тот, кто взял остальное, об этом не знает. Понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, – подавленно прошептала Хомили.

– Можешь пить чай, если хочешь, – продолжал Под, – но праздновать нам нечего. Во всяком случае пока.

Хомили уныло взглянула на свечу; над крышечкой уже поднимался легкий парок – отрада для ее глаз!

– Ну что ж... – начала она и замолкла. Но вдруг снова оживилась. – Так или иначе все сводится к одному.

– О чем ты говоришь? – спросил Под.

– О чае, – объяснила Хомили, совсем воспрянув духом. – Раз ты сказал, что у нас украли оружие и все прочее, положение серьезное, спору нет. Некоторые из моих знакомых, – торопливо продолжала она, – даже сказали бы, что мы находимся в чрезвычайных обстоятельствах.

– Некоторые сказали бы, – уныло согласился Под.

И вдруг отскочил в сторону и принялся размахивать руками. Арриэтта завизжала, и Хомили подумала, что они оба сошли с ума.

И тут она увидела, что в нишу, привлеченная свечой, залетела неуклюжая ночная бабочка желтовато-коричневого цвета («Настоящее чудовище», – подумала Хомили) и, ослепленная светом, стала, как пьяная, кружить по нише.

– Спасайте кипяток! – в панике закричала Хомили и, схватив чертополох, принялась размахивать им в воздухе.

По стенам и потолку заплясали тени, и среди беготни и криков добывайки не заметили, что ночь стала еще темнее. Однако они почувствовали внезапный порыв ветра, услышали, как затрещала свеча, и увидели, что бабочка исчезла.

– Что это было? – спросила наконец Арриэтта, прервав испуганное молчание.

– Сова, – сказал Под, задумавшись.

– Она съела бабочку?

– Как съела бы и тебя, – сказал Под, – если бы ты разгуливала снаружи после наступления темноты. Век живи, век учись, – добавил он. – Больше никаких свечей после захода солнца. С восходом вставать, с заходом – в кровать, вот как мы теперь жить будем, и только так.

– Вода кипит, Под, – сказала Хомили.

– Насыпь заварку, – сказал Под, – и погаси огонь, прекрасно выпьем чай в темноте.

Повернувшись в другую сторону, он снова прислонил щетку из чертополоха к стене и, пока Хомили заваривала чай, быстро прибрал в пещере: сложил колосья штабелем у стенки ботинка, поправил мешки и вообще привел все в порядок, прежде чем ложиться спать. Закончив, подошел к полке в глубине ниши и любовно провел рукой по аккуратно развешанным инструментам. Последние лучи света, перед тем как Хомили погасила свечу, упали на фигуру Пода – рука его лежала на пустом гвозде, – который уже долгое время стоял там в глубоком раздумье.

Глава десятая

Рыбак рыбака видит издалека.

Из дневника Арриэтты. 4 сентября

Спали они хорошо и проснулись ранним утром, полные бодрости и сил. Косые лучи солнца заливали нишу, а когда Под расшнуровал вход в ботинок, проникли внутрь, осветив всю его переднюю часть. Арриэтта принесла на завтрак шесть ягод земляники, а Хомили раздробила молотком Пода несколько пшеничных зерен. Смоченные водой, они сошли за кашу.

– Если ты еще не наелась, Арриэтта, – сказала Хомили, – возьми себе орех.

Так Арриэтта и сделала.

Они наметили следующую программу на день: учитывая вчерашнюю пропажу, Под должен был один отправиться на середину поля к похожей на остров купе деревьев. Это была последняя попытка разыскать барсучью нору. Хомили останется дома из-за ее боязни открытого пространства, и Арриэтте, сказал Под, придется составить матери компанию.

– В доме полно работы. Прежде всего надо натереть хорошенько кусочком свечи один из походных мешков, чтобы он стал непромокаемым и можно было приносить в нем воду. Потом нужно распилить несколько орехов, из половинок скорлупы получатся хорошие чашки. И неплохо было бы собрать еще немного и сложить в кладовой, ведь больше нет лопаты, чтобы выкопать тайник. Когда мы шли вчера домой, – добавил Под, – я заметил на изгороди у перелаза прекрасный клок конских волос, который зацепился за куст куманики. Хорошо было бы, если бы вы пошли туда и принесли хоть часть домой, если вам не трудно, – я бы сделал рыболовную сеть. И размолоть еще несколько зерен тоже бы не помешало...

– Хорошего понемножку, Под, – запротестовала

Хомили. – Мы рады тебе помочь, но мы все же не рабы на плантациях.

– Как знаешь, – сказал Под, задумчиво глядя в дальний конец пастбища. – А только меня не будет почти весь день... пока я доберусь туда, пока обыщу все, пока вернусь... Я бы не хотел, чтобы вы волновались...

– Я знала, что все так и кончится, – уныло сказала Хомили, когда немного позднее они вощили кусочком свечи мешок. – Что я всегда говорила там, дома, когда ты просила, чтобы мы переселились? Разве я не говорила тебе, что нас ждет? Сквозняки, ночные бабочки, червяки, змеи и все такое. Ты сама видела, каково это, когда идет дождь. А что будет зимой! Даже подумать страшно Никто не может сказать, что я не стараюсь, – продолжала она, – и никто пока не замечает, чтобы я жаловалась, но помяни мои слова, Арриэтта, нам не дожить до весны.

Из глаз Хомили упала круглая, как шарик, слеза и покатилась по навощенному мешку.

– Ну, после крысолова, – напомнила ей Арриэтта, – мы бы и дома не дожили до весны

– Этот мальчик был прав, – продолжала свое Хомили. – И ничего удивительного. Помнишь, он говорил, что добывайкам пришел конец? Наш час пробил. Если ты хочешь знать, что я думаю, – мы и правда вымираем.

Но когда, взявши мешок для воды и кусочек мыла, они пошли на ручей, Хомили немного повеселела. Сонная жара, тихий плеск крошечных волн у пристани из куска коры всегда действовали на нее умиротворяюще. Она даже посоветовала Арриэтте помыться и позволила ей поплескаться на мелководье. Вода прекрасно держала легонькое тельце девочки, и Арриэтта чувствовала, что недалек тот день, когда она научится плавать.

Чувствуя себя после купанья бодрой и свежей, Арриэтта отправилась к перелазу за конским волосом, а Хомили осталась в нише и стала готовить второй завтрак. «Хотя что тут готовить?» – с раздражением подумала Хомили, выкладывая на стол несколько ягод шиповника

и боярышника, немного водяного кресса и ядрышки двух орехов, расколотых молотком.

Волосы зацепились за куст куманики примерно на полпути от земли до верхушки, но Арриэтта, освеженная купанием, была только рада возможности полазать. Спускаясь вниз и нащупывая ногой опору, она коснулась голой подошвой не прохладной коры, а чего-то теплого и мягкого. Арриэтта вскрикнула и повисла, крепко сжимая волосы и вглядываясь в гущу листьев внизу. Ничто не шевелилось, ничего не было видно, кроме переплетения ветвей, испещренных солнечными пятнами. Секунда... другая... Арриэтта не отваживалась спускаться дальше, и тут ей почудилось какое-то движение, словно качнулся конец ветки. Приглядевшись, она увидела очертания загорелой руки. «Конечно, это не может быть рука», — сказала она себе, но ни на что другое это не было похоже — ладошка и маленькие мозолистые пальцы, не больше, чем у нее. Собравшись с духом, Арриэтта дотронулась до нее ногой, и рука схватила ее за пятку. Стараясь вырвать ногу, Арриэтта потеряла равновесие и с визгом полетела на сухие листья, устилавшие землю. Хорошо, что до нее оставалось всего несколько веток. Вместе с Арриэттой спрыгнула небольшая фигурка одного с ней роста.

— Испугалась? — со смехом сказал незнакомец.

Тяжело дыша, Арриэтта уставилась на него. Смуглое лицо, черные глаза, всклокоченные черные волосы. Одет он был, как догадалась Арриэтта, в потрепанную кротовую шкуру мехом внутрь. Он был такой замусоленный и грязный, что сливался не только с сухими листьями, на которые они упали, но и с черными ветвями.

— Ты кто? — спросила Арриэтта.

— Спиллер, — весело сказал он, откидываясь назад и опираясь на локти.

— Фу, какой ты грязнуля, — помолчав, с отвращением заметила Арриэтта; она все еще не могла отдышаться и была очень сердита.

– Может быть, – сказал он.

– Где ты живешь?

В его темных глазах мелькнула лукавая искра.

– Здесь и там, – сказал он, пристально глядя на нее.

– Сколько тебе лет?

– Не знаю, – сказал он.

– Ты мальчик или взрослый?

– Не знаю, – сказал он.

– Ты что, никогда не моешься?

– Нет, – сказал он.

– Ну, – после неловкой паузы сказала Арриэтта, обмотав прядь жестких лошадиных волос вокруг пояса, – я пошла.

– В эту нору в насыпи? – спросил Спиллер, и в его голосе прозвучала чуть слышная насмешка.

У Арриэтты сделался растерянный вид.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

Она заметила, что когда Спиллер улыбается, кончики его губ поднимаются прямо вверх, так что рот похож на «V»; никогда в жизни она не видела такой плутовской улыбки.

– Ты что, никогда раньше не встречала ночную бабочку? – спросил он.

– Значит, ты подсматривал за нами ночью? – воскликнула Арриэтта.

– А разве в эту нору вход воспрещен? – спросил он.

– Пожалуй. Это наш дом.

Но Спиллер вдруг потерял интерес к разговору и, отвернувшись от нее, устремил блестящий взгляд куда-то вдаль. Арриэтта открыла было рот, но он предостерегающе махнул рукой, по-прежнему не сводя глаз с поля. Она с любопытством смотрела, как он осторожно поднялся на ноги, одним прыжком взлетел на ветку над головой, взял там что-то и снова спрыгнул на землю. В одной руке у него был тугой темный лук почти такой же величины, как сам Спиллер, в другой он держал стрелу.

Пристально вглядываясь в высокую траву, он положил

трелу на тетиву. Раздался резкий звенящий звук, и стрела исчезла. Издалека донесся тихий писк.

– Ты кого-то убил! – горестно воскликнула Арриэтта.

– Это я и хотел сделать, – ответил он и спрыгнул с насыпи в поле. Подошел к месту, где трава росла густым пучком, и скоро вернулся с мертвой мышью полевкой. – Есть-то надо, – добавил он.

Арриэтта была потрясена. Почему – она и сама не могла понять. Дома, под кухней, они всегда ели мясо, правда, они добывали его наверху у человеков; она видела его сырым, но никогда не видела, как убивают животных.

– Мы – вегетарианцы, – поджав губы, сказала она.

Спиллер не обратил на это никакого внимания. Для него это слово не имело смысла, как и многие другие. Просто шум, который люди производят ртом.

– Хочешь мяса? – мимоходом спросил он. – Можешь взять ногу.

– Я и пальцем до нее не дотронусь! – негодующе вскричала Арриэтта. Она поднялась с земли и отряхнула юбку. – Бедняжка, – сказала она, указывая на полевку. – А ты – противный, – добавила она, указывая на Спиллера.

– А кто не противный? – заметил Спиллер и снял с ветки колчан.

– Дай посмотреть, – попросила, оборачиваясь, Арриэтта.

Ей вдруг стало любопытно.

Спиллер передал ей колчан. Он был сделан из пальца от перчатки, крепкой перчатки из толстой кожи, стрелы – из сухих сосновых игл с грузилом на одном конце и шипом от терновника на другом.

– Как ты прикрепляешь шип? – спросила она.

– Смолойдикойсливы, – пропел Спиллер, слив три слова в одно.

– Смолой дикой сливы? – повторила Арриэтта. – Они отравленные? – спросила она.

– Нет, – сказал Спиллер. – Это нечестно... Попал

или промахнулся... Им надо есть... Мне надо есть. И я убиваю их быстрее, чем сова... И не так много.

Для Спиллера это была очень длинная речь. Он перекинул колчан через плечо и отвернулся.

— Я пошел, — сказал он.

— Я тоже, — сказала Арриэтта, скатываясь с насыпи.

Они шли рядом по сухому рву. Арриэтта заметила, что Спиллер все время смотрит по сторонам, блестящие черные глаза не знали ни секунды покоя. Порой, услышав чуть заметный шорох в траве или в кустах, он застывал на месте. Он не напрягался, не настораживался, нет, просто переставал двигаться. И сразу же сливался с тем, что его окружало. Один раз он нырнул в сухой папоротник и вышел оттуда, таща какое-то отчаянно брыкающееся насекомое.

— На, — сказал он, и Арриэтта разглядела очень сердитого жука.

— Кто это? — спросила она.

— Сверчок. Они хорошие. Возьми.

— Чтобы съесть? — в ужасе спросила Арриэтта.

— Съесть? Нет. Отнеси домой и держи у себя. Поет — заслушаешься, — добавил он.

Арриэтта заколебалась.

— Ты сам его неси, — сказала она, не связывая себя определенным ответом.

Когда они подошли к пещерке, Арриэтта увидела, что Хомили сидит, привалившись спиной к наружной стороне ботинка, на залитом солнцем песке и дремлет.

— Мама, — тихонько позвала она снизу.

Хомили тут же проснулась.

— Это Спиллер... — продолжала Арриэтта не совсем уверенно.

— Это... что? — переспросила Хомили без особого интереса. — Ты достала волосы?

Арриэтта, кинув искоса взгляд на Спиллера, увидела, что он стоит неподвижно и разглядеть его нельзя.

– Это моя мама, – шепнула она. – Скажи ей что-нибудь. Ну же.

Услышав шепот, Хомили прищурилась, чтобы ей не так било в глаза заходящее солнце, и посмотрела вниз.

– Что мне ей сказать? – спросил Спиллер. Затем, откашлявшись, все же попытался. – А у меня есть сверчок, – проговорил он.

Хомили завизжала. В один момент серовато-коричневые пятна слились воедино, и она увидела лицо, глаза, руки... она бы меньше поразилась, если бы заговорила трава.

– Что это? – судорожно глотнув воздух, проговорила она. – Батюшки-светы, что там у тебя такое?

– Это сверчок, – сказал Спиллер, но Хомили спрашивала вовсе не о нем.

– Это Спиллер, – повторила Арриэтта громче и шепнула в сторону: – Оставь здесь мышь и пойдем наверх...

Спиллер не только положил на землю полевку, но и лук (видно, в глубине его памяти всплыло смутное воспоминание о том, как следует себя вести) и поднялся по насыпи без оружия.

Когда он появился на песчаной площадке перед ботинком, Хомили во все глаза уставилась на него. Она даже наклонилась вперед, точно хотела преградить ему путь.

– Добрый день, – холодно сказала она, словно стоя на пороге настоящего дома.

Спиллер уронил сверчка на землю и поддал его ногой по направлению к ней.

– Нате, – сказал он.

Хомили снова завизжала, очень громко и сердито, а сверчок кинулся мимо нее в темный угол позади ботинка.

– Это подарок, мама, – негодующе объяснила Арриэтта. – Это сверчок. Он поет...

Но Хомили ничего не желала слышать.

– Как ты посмел? Как ты только посмел? Гадкий,

грязный, неумытый мальчишка! – Она чуть не плакала. – Как ты посмел это сделать? Сейчас же убирайся из моего дома! Твое счастье, – продолжала она, – что моего мужа сейчас здесь нет и брата Хендрири тоже...

– Дяди Хендрири... – удивленно начала Арриэтта, но Хомили бросила на нее такой взгляд, что если бы взглядом можно было убить, она бы упала замертво.

– Забирай своего жука, – продолжала Хомили, – и убирайся! И чтобы я тебя больше не видела! – И так как Спиллер все еще нерешительно топтался на месте, сердито крикнула: – Ты слышал, что я сказала?!

Спиллер кинул быстрый взгляд за ботинок, второй – жалобный – на Арриэтту.

– Ты лучше оставь его себе, – пробормотал он и нырнул вниз.

– Ах, мама! – с упреком воскликнула Арриэтта.

Она поглядела на приготовленный матерью чай, но даже то, что мать налила в ягоды шиповника мед, выцеженный из клевера, не утешило ее.

– Бедный Спиллер! Ты так грубо с ним обошлась.

– А кто он такой? Что ему тут надо? Где ты его нашла? Врывается в дом к почтенным людям, раскидывает тут своих жуков! Не удивлюсь, если в один прекрасный день мы все трое проснемся с перерезанным горлом! Ты видела, какой он грязнущий? Он не мылся с рожденья! Кто знает, может, он напустил нам блох!

И, схватив метлу из чертополоха, Хомили принялась яростно подметать то место, где поставил ногу нежеланный гость.

– В жизни со мной ничего подобного не приключалось! Никогда в жизни, сколько я себя помню. Вот такой именно мальчишка, – завершила она свою негодующую речь, – и способен украсть шляпную булавку.

В глубине души Арриэтта тоже так полагала, но придержала язык, тем более что он был у нее занят – она слизывала мед с треснувшей ягоды. Она подумала, смакуя теплый от солнца мед, что охотник Спиллер

найдет шляпной булавке куда лучшее применение, чем ее мать или отец. Но вот зачем ему понадобилась половинка ножниц?

– Ты уже пила чай? – спросила она мать через минуту.

– Я съела несколько зерен пшеницы, – сказала Хомили страдальческим тоном. – Мне надо проветрить постели.

Арриэтта улыбнулась, глядя на залитое солнцем поле: «постелями» был один-единственный кусок носка. Бедная Хомили! При теперешнем их домашнем хозяйстве ей почти не на что было потратить энергию. Ну что ж, встреча со Спиллером пошла ей на пользу – глаза ее заблестели, щеки раскраснелись. Арриэтта лениво следила глазами за какой-то птицей, пробиравшейся в траве... Нет, птица не могла двигаться так ровно.

– Папа идет, – сказала она немного погодя.

Она сбежала вниз к нему навстречу.

– Ну! – нетерпеливо вскричала Хомили, но, подойдя поближе, увидела по лицу Пода, что вести у него плохие. – Так ты не нашел барсучью нору? – разочарованно произнесла она.

– Нашел, – сказал Под.

– Так в чем дело? Почему у тебя такой пришибленный вид? Ты не застал их дома? Они что – ушли оттуда?

– Хорошо, если ушли. А если их съели? – Под горестно поглядел на нее.

– Что ты хочешь сказать, Под? – заикаясь, произнесла Хомили.

– Там полным-полно лисиц, – с ударением на каждом слове произнес он; глаза его все еще были круглыми от изумления. – Ну и вонь там... – добавил он немного погодя.

Глава одиннадцатая

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Из дневника Арриэтты. 5 сентября

В тот вечер Хомили разошлась вовсю. И ничего удивительного – что их ждало впереди? Жить до конца дней подобно Робинзону Крузо? Сырая пища летом тоже не радость, а в лютые зимние холода, утверждала Хомили, они просто умрут. Хотя у них и так нет ни малейшего шанса выжить, если они не сумеют как-нибудь отопить свой дом. Куска восковой свечи надолго не хватит. Да и спичек. А если они разожгут костер, он должен быть огромным, не то он тут же потухнет, и дым будет виден за много миль. Нет, мрачно закончила она, их песенка спета, тут двух мнений быть не может. Под и Арриэтта сами это увидят, когда наступят морозы.

Возможно, ее вывел из равновесия вид Спиллера. Неотесанный, грязный, нечестный, невоспитанный (каким он ей показался), он подтвердил ее наихудшие опасения. В нем было все, что она больше всего не любила и чего боялась – он опустился. То самое (как она часто предупреждала их дома), что грозит всем добывайкам, если они за свои грехи будут вынуждены жить под открытым небом.

В довершение всего их разбудил ночью странный звук – долгий (и безумный, как почудилось Арриэтте) рев. Арриэтта лежала, затаив дыхание и дрожа от страха, сердце ее неистово билось.

– Что это? – шепнула она Поду, когда наконец отважилась заговорить.

Ботинок заскрипел – это Под сел в постели.

– Осел, – сказал он, – и где-то близко. – Немного помолчав, он добавил: – Странно... я ни разу не видел здесь осла.

– И я, – шепнула Арриэтта.

Но ответ отца все же ее успокоил, и она уже собралась было снова лечь, как ее внимание привлек другой звук, где-то рядом.

– Слышишь? – настороженно сказала она, выпрямляясь.

– Нечего тебе лежать не смыкая глаз да прислушиваться, – проворчал Под, поворачиваясь на другой бок и стягивая на себя чуть не весь носок. – Ночью спать надо.

– Но это здесь, в пещере, – шепнула Арриэтта.

Ботинок опять заскрипел, в то время как Под садился

– Да не шуми ты, ради бога, – недовольно проговорила Хомили, успевшая снова задремать.

– Ты сама не шуми, – сказал Под, вслушиваясь.

Что это такое – это негромкое потрескивание, повторяющееся через одинаковые промежутки?

– Ты права, – тихонько сказал он Арриэтте, – это здесь, рядом.

Он скинул носок, но Хомили сердито вцепилась в него и натянула на плечи.

– Пойду посмотрю, – сказал он.

– Ой, Под, не надо, – умоляюще произнесла Хомили хриплым со сна голосом. – Нам здесь ничего не грозит, когда ботинок зашнурован с верхом. Лежи спокойно...

– Нет, Хомили, я должен выяснить, в чем дело. – Он стал ощупью пробираться к выходу из ботинка. – Не волнуйтесь, я скоро вернусь.

– Ну, тогда возьми хоть шляпную булавку, – с тревогой попросила Хомили, глядя, как он принимается расшнуровывать ботинок.

Арриэтта, тоже не сводившая с него глаз, увидела, как верх ботинка распахнулся, и на фоне ночного неба вдруг возникли голова и плечи ее отца. Послышалось царапанье чьих-то когтей, шорох, быстрый, легкий топот чьих-то ног и крик Пода: «Кш... Кш... будьте вы прокляты!»

И затем тишина.

Арриэтта подползла к выходу из ботинка и высунула голову на воздух. Ниша была залита ярким лунным светом, в котором все было видно до мельчайших подробностей. Арриэтта вылезла наружу и огляделась вокруг. Под, серебряный в свете луны, стоял у входа в нишу и смотрел вниз, на поле.

— Что там такое? — крикнула Хомили из глубины ботинка.

— Проклятые полевки, — ответил Под. — Добрались до наших колосьев.

И в бледном, таком приятном свете луны Арриэтта увидела, что по песчаному полу их пещерки разбросана пустая шелуха от зерен.

— Что ж, слезами горю не поможешь, — сказал Под, оборачиваясь, и поддал ногой шелуху. — Возьми-ка метлу, — добавил он, — да подмети здесь.

Арриэтта принялась подметать, приплясывая от радости. Она чувствовала себя околдованной этим дружелюбным сиянием, придававшим даже самым обыденным вещам вроде висящего на гвозде молотка какое-то волшебное очарование. Сметя шелуху в три аккуратные кучки, она присоединилась к Поду у входа в нишу, и они несколько минут сидели вместе на теплом песке, вслушиваясь в ночь.

В рощице возле ручья заухала сова — мелодичный, похожий на звук флейты зов. В ответ издалека донесся такой же, лишь более высокий крик, и над уснувшим пастбищем засновал взад-вперед мелодичный челнок, соединяя море лунного света с бархатом утонувших во мраке лесов.

«Пусть здесь опасно, — думала Арриэтта, умиротворенно сидя рядом с отцом, — пусть здесь трудно, я все равно рада, что мы здесь».

— Что нам нужно, — сказал наконец Под, прерывая долгое молчание, — так это какая-нибудь жестянка.

— Жестянка? — переспросила Арриэтта, боясь, что неверно его поняла.

– И даже не одна. Из-под какао. Или такая, в которой человеки держат табак. – Он снова помолчал, затем добавил. – Этот тайник, что мы вырыли, слишком мелкий. Спорю на что угодно – эти чертовы мыши добрались до орехов.

– А ты не мог бы научиться стрелять из лука? – сказала, чуть помолчав, Арриэтта.

– Зачем? – спросил Под.

Арриэтта колебалась, но наконец единым духом выпалила ему про Спиллера: про его тугой лук, про смертоносные стрелы с шипом на конце. Рассказала и о том, как Спиллер наблюдал за ними, в то время как они разыгрывали «танец с ночной бабочкой» в освещенной, как театральная сцена, пещерке.

– Мне это не нравится, – сказал Под, подумав, – я не люблю, когда соседи заглядывают ко мне в окна. Этому надо помешать. Хоть ночью, хоть днем – в этом есть что-то нездоровое, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

Арриэтта прекрасно его поняла.

– Нам надо сделать что-нибудь... вроде ставня или двери. Был бы у нас кусок мелкой проволочной сетки. или терка для сыра... такая, как была у нас дома. Что-нибудь, что пропускает свет, хочу я сказать. Не жить же нам опять в темноте.

– Придумал! – вдруг воскликнул Под.

Он встал и, обернувшись, задрал голову кверху. Оттуда, с выступа, свисали вниз ветви молодого деревца, росшего на насыпи, серебряные в свете луны. Несколько мгновений Под стоял, вглядываясь в листья на фоне неба, словно прикидывая, какое до них расстояние, затем, посмотрев вниз, принялся шарить ногой по песку.

– Что ты ищешь? – спросила шепотом Арриэтта, думая, что он что-то потерял.

– Ага, – сказал Под довольно и опустился на колени. – То самое, что мне надо.

И он стал разгребать песок руками. Вскоре показалась петля тугого корня, которому, казалось, нет конца.

– Да, – повторил он, – то самое, лучше не надо.

– Для чего? – спросила Арриэтта, сгорая от любопытства.

– Принеси мне бечевку, – сказал Под, – она на полке с инструментами...

Став на цыпочки, Арриэтта сунула руку в песчаную щель и вытащила моток бечевки.

– Дай сюда, – сказал Под, – и принеси молоток.

Арриэтта смотрела, как отец привязывает конец бечевки к язычку от звонка, служившему ему молотком, балансируя на самом краю площадки, тщательно прицеливается и изо всех сил бросает его вверх. Молоток застревает в зеленом сплетении ветвей, как якорь.

– Иди-ка сюда, – сказал, отдышавшись, Под, – держи крепко бечевку и тяни ее на себя. Осторожнее... не дергай... легче... легче...

И, навалившись всем телом на бечевку и перебирая ее руками, они стянули вниз нависшую ветвь. В нише внезапно стало темно, все покрыла пятнистая трепещущая тень, сквозь которую просачивался лунный свет.

– Держи крепко, – задыхаясь, сказал Под, подводя бечевку к петле корня в земле, – пока я ее не привяжу. Ну вот, – сказал он, поднявшись на ноги и потирая натруженные руки. (Арриэтта заметила, что он с ног до головы испещрен дрожащими серебряными пятнышками.) – Дай-ка мне ножницы. Ах, будь оно все неладно, я и забыл, что их нет. Принеси лобзик, он тоже сгодится

В наступившей вдруг темноте было не так легко отыскать лобзик, но наконец Арриэтта его нашла, и Под отрезал бечевку.

– Ну вот, – повторил он довольно. – Ветка привязана, и мы в укрытии. Ну как – неплохая идея? Можно спускать и поднимать, как понадобится, смотря по погоде и всему прочему...

Под отвязал молоток от бечевки и прикрепил ее к главной ветке.

– Конечно, мышам это не помешает и коровам тоже,

но, — он довольно засмеялся, — подглядывать за нами больше никто не будет.

— Замечательно, — сказала Арриэтта, зарывшись лицом в листья, — а нам отсюда все видно.

— В том-то и штука, — сказал Под. — Ну ладно, пошли, давно пора спать.

Пробираясь ко входу в ботинок, Под споткнулся о шелуху от зерна и, кашляя от пыли, полетел прямо в середину кучи. Он поднялся, отряхнулся и задумчиво сказал:

— Как, говоришь, его имя? Спиллер? — Помолчал немного и так же задумчиво добавил: — Да, если подумать, на свете есть куда хуже блюда, чем сочное, прямо из печи жаркое из выкормленной пшеницей полевки.

Глава двенадцатая

С глаз долой, из сердца вон.

Из дневника Арриэтты. 7 сентября

Хомили проснулась в плохом настроении.

— Это еще что такое? — проворчала она, когда, взъерошенная, в измятом платье, выбралась на следующее утро из ботинка и увидела, что ниша залита зеленоватым светом, словно они под водой.

— О, мама! — с упреком воскликнула Арриэтта. — Разве это не прелесть?

Слабый ветерок шевелил листья, они расходились и вновь смыкались между собой, пропуская яркие копья и стрелы пляшущего света. Все вокруг было веселым и одновременно таинственным. (Или это только казалось так Арриэтте?)

— Ты разве не видишь? — продолжала она, в то время как Под хранил оскорбленное молчание. — Это живое укрытие, его папа придумал... Впускает сюда свет, но

защищает от дождя. И мы можем смотреть отсюда наружу, а к нам внутрь заглянуть нельзя.

— А кто станет заглядывать? — спросила Хомили.

— Кто угодно... любой прохожий. Хотя бы Спиллер, — добавила Арриэтта, словно по наитию свыше.

Хомили немного смягчилась.

— Хм! — снисходительно произнесла она и, хотя никак иначе не выразила своего отношения, осмотрела корень на полу и провела сверху вниз пальцем по натянутой бечевке.

— Надо только одно помнить, — горячо объяснил Под, увидев в этом пусть и запоздалое одобрение, — когда вы отпускаете ветку — держите бечевку, она должна всегда быть закреплена на корне. Понимаешь, что я имею в виду?

Понять было нетрудно.

— Только жалко лишаться солнца, — сказала Хомили, — особенно теперь, летом. Скоро наступит... — Она содрогнулась и крепко сжала губы, не в силах вымолвить страшное слово.

— Ну, до зимы еще далеко! — беспечно воскликнул Под. — Чего загодя плакать? — Он что-то делал с бечевкой. — Пожалуйста... вот тебе и солнце!

Стало слышно, как бечевка трется о корень, и вдруг листья взметнулись вверх и исчезли из виду, а нишу залили солнечные лучи.

— Видишь, о чем я говорил? — снова сказал Под, и в голосе его звучало удовлетворение.

В то время как они завтракали, снова раздался крик осла, долгий и громкий. Ему ответило ржание лошади.

— Мне это не нравится, — сказала Хомили, ставя на стол половинку ореховой скорлупы с водой и медом.

Не успела она закончить, как залаяла собака — слишком близко, чтобы можно было чувствовать себя спокойно. Хомили вздрогнула — чашка перевернулась, от

меда с водой осталось лишь темное пятно на песчаном полу.

– У меня нервы совсем никуда стали, – жалобно сказала она, сжимая виски ладонями и водя безумными глазами по сторонам.

– Чего ты боишься, мама? – теряя терпение, сказала Арриэтта. – Тут, за рощицей, идет дорога, я видела ее с верха изгороди. По ней иногда проезжают и проходят люди. Не могут же они совсем здесь не ходить...

– Верно, – подтвердил Под. – И не о чем волноваться. Доедай свое зерно...

Хомили с отвращением посмотрела на надкусанное зерно пшеницы, жесткое и сухое, как булочка на третий день после пикника.

– Мои зубы его не берут, – пожаловалась она.

– По словам Арриэтты, – объяснил Под, подняв руку с растопыренными пальцами и постепенно загибая один палец за другим, – между нами и этой дорогой есть пять барьеров: ручей в углу поля – раз, столбы с ржавой проволокой с той стороны ручья – два, лес, и не маленький, – три, вторая живая изгородь – четыре и небольшой выпас – пять. – Он повернулся к Арриэтте. – Правильно я говорю, дочка? – спросил он. – Ты же была на самом верху изгороди.

– Да, – подтвердила Арриэтта. – Только этот выпас – часть самой дороги, вроде широкой обочины, поросшей травой.

– А, тогда все понятно! – торжествующе воскликнул Под и похлопал Хомили по спине. – Это общинный выгон. И кто-то привязал там осла. Что в этом плохого? Осел тебя не съест... и лошадь тоже.

– А собака съест, – сказала Хомили, – мы же слышали лай.

– Ну и что ж с того, что слышали? – сказал Под. – Слышали, не в первый раз и не в последний. Когда я был молодым, в большом доме сеттеров было хоть пруд

пруди, если можно так выразиться. Собак бояться нечего, с ними можно говорить.

Несколько минут Хомили сидела молча, катая зерно пшеницы взад и вперед по плоскому куску сланца, который служил им столом.

– Без толку... – сказала она наконец.

– Что – без толку? – спросил Под в тревоге.

– Жить так, как мы живем, – сказала Хомили. – Надо до зимы что-то придумать.

– Ну а разве мы не придумываем? – спросил Под. – Как это говорится в ее календаре? – Он кивнул на Арриэтту. – «Рим не сразу строился».

– Нам надо найти какое-нибудь человеческое обиталище, – продолжала Хомили, – вот что нам надо. Место, где есть огонь и добыча и настоящая крыша над головой. – Она приостановилась. – Иначе, – продолжала она непреклонным тоном, – нам придется вернуться домой.

Под и Арриэтта глядели на нее разинув рты.

– Что нам придется сделать? – еле слышно произнес Под, когда к нему наконец вернулся дар речи.

Арриэтта горестно прошептала:

– О, мама...

– Ты слышал, что я сказала, Под, – проговорила Хомили. – Все эти ягоды шиповника да боярышника, и водяной кресс, и собаки, которые лают под самым боком, и лисицы в барсучьей норе, и подсматривание по ночам, и воровство... А на чем тут готовить? Понимаете, о чем я говорю? Если мы вернемся обратно в большой дом, мы быстро устроимся под кухней, поставим перегородки и заживем, как жили. Один раз мы это сделали – тогда, когда лопнул кипятильник, – сделаем и второй.

Под глядел на нее, не сводя глаз, и когда он заговорил, голос его был необычайно серьезен.

– Ты сама не знаешь, что ты толкуешь, Хомили. И не в том дело, что человеки поджидают нас, что у них там кот, поставлены мышеловки, насыпан яд и все такое, а в том, что добывайки никогда не возвращаются, Хомили,

если уж им приходится уйти. У нас *нет* дома, с этим покончено, и покончено навсегда. Нравится это нам или нет, мы должны идти вперед. Понимаете, что я хочу сказать?

Хомили ничего не ответила, и Под обернулся к Арриэтте.

— Я не говорю, что нам легко, конечно, перед нами стоят трудности... мы в трудном положении... более трудном, чем мне хотелось бы признать. Если мы не будем держаться вместе, мы пропали — понимаешь? И это будет конец, как ты однажды сказала, конец всем добывайкам! Чтобы я больше не слышал ни звука ни от одной из вас — ни от тебя, ни от твоей матери, — он слегка повысил голос, подчеркивая каждое слово, — о возвращении куда бы то ни было, не говоря уж о подполье.

С минуту они молча глядели на него. Под еще ни разу так с ними не говорил.

— Вы поняли? — сурово повторил он.

— Да, папа, — шепнула Арриэтта, а Хомили кивнула, стараясь проглотить комок в горле.

— Ну и прекрасно, — сказал Под, и голос его звучал куда мягче. — Как говорится в твоем календаре, Арриэтта, «умный понимает с полуслова». А теперь дайте-ка мне конский волос, — продолжал он веселей. — Денек выдался хороший. Пока вы убираете после завтрака и моете посуду, я возьмусь за рыболовную сеть. Как вы на это смотрите?

Хомили снова кивнула. Она даже не спросила его (что не преминула бы сделать при других обстоятельствах), как, поймав рыбу, он предполагает ее зажарить или сварить.

— Тут кругом полно прекрасной сухой коры, — сказал Под, — нет ничего лучше для поплавков.

Как ни искусно умел Под завязывать узлы, ему пришлось порядочно повозиться с волосками: они пружи-

нили и выскакивали из ушка иголки. Но когда с уборкой было покончено и Арриэтту послали на ручеек с двумя мешками – простым для коры, провощенным для воды, – Хомили пришла на помощь Поду, и вместе они сплели сеть наподобие паутины, благо Хомили умела вязать кружева.

– Что это еще за Спиллер? – с беспокойством спросил Под через некоторое время, сидя возле Хомили и глядя, как ее пальцы ловко завязывают узлы.

Хомили фыркнула.

– Не говори со мной о нем, – сказала она, не отрываясь от работы.

– Он добывайка или кто? – спросил Под.

– Не знаю! – вскричала Хомили. – Мало того, не хочу и знать. Кинул в меня жука, вот все, что я знаю. И украл шляпную булавку и половинку ножниц.

– Ты уверена в этом? – спросил Под, повышая голос.

– Как в том, что сижу сейчас здесь. Ты бы на него посмотрел!

Под помолчал.

– Я бы хотел с ним встретиться, – сказал он, глядя вдаль, на залитое солнцем поле.

Сеть быстро росла, время летело незаметно. Один раз, когда они подняли сеть за два конца, чтобы ее рассмотреть, в нее пулей заскочил кузнечик, и лишь после того, как они осторожно, чтобы не порвать ячеек, высвободили его, Хомили вспомнила, что пора перекусить.

– Батюшки, – вскричала она, глядя на поле, – ты только взгляни на тени! Должно быть, сейчас не меньше двух часов. Что там приключилось с Арриэттой?

– Играет в воде, не иначе, – сказал Под.

– Но ведь ты же ей сказал: одна нога там, другая – здесь, и не считать ворон, – сказала Хомили.

– Она и так ворон не считает.

– Тут ты ошибаешься, Под. Ей приходится каждый раз заново все говорить.

– Ей скоро будет четырнадцать, – сказал Под.

– Не важно, – возразила, вставая с земли, Хомили. – Она сущий ребенок для своих лет. Ей вечно приходится все напоминать, у нее на все найдется отговорка.

Хомили сложила сеть, отряхнула платье и торопливо пошла к полке над корнем, где висели инструменты.

– Ты голоден, Под? (Это был риторический вопрос; они теперь всегда были голодны, все трое, они были голодны даже после еды.)

– Что там у нас есть? – спросил он.

– Несколько ягод боярышника, два-три ореха и заплесневелая ежевика.

Под вздохнул.

– Ладно, – сказал он.

– Так что из этого принести? – спросила Хомили.

– Орехи, они сытнее, – сказал Под.

– Но что же я могу поделать, Под! – воскликнула Хомили с печальным видом. – У тебя есть предложения? Может быть, ты сорвешь нам несколько земляничек?

– Неплохая мысль, – сказал Под и двинулся к краю насыпи.

– Гляди, не пропусти ягоды, – сказала Хомили, – земляники теперь мало. Кто-то ее подчистил. Наверно, птицы. Или, – с горечью добавила она, – этот Спиллер.

– Тише! – вскричал Под, предостерегающе подняв руку. Он стоял неподвижно, как статуя, на пороге пещеры и всматривался налево.

– Что там такое? – шепнула немного погодя Хомили

– Голоса, – сказал Под.

– Какие голоса?

– Человечьи, – сказал Под.

– Ой, – с испугом шепнула Хомили.

– Тихо, – сказал Под.

Они стояли как вкопанные, насторожив уши. Снизу из травы доносилось слабое стрекотание насекомых. В нише жужжала залетевшая туда ненароком муха. Покружившись вокруг них, она уселась наконец на песчаном полу, там, где за завтраком Хомили пролила мед. И тут

совсем близко – слишком близко! – они услышали другой звук. Кровь отхлынула от их щек, сердца наполнились ужасом – а ведь это был, казалось бы, очень веселый звук: человеческий смех.

Ни один из них не шевельнулся, бледные, напряженные, они стояли, замерев на месте и прислушиваясь. Молчание. Затем еще ближе прозвучало короткое, резкое слово – человек выругался, – и вслед за тем собачий лай.

Под наклонился, быстро, одним движением развязал бечевку и, перебирая по ней руками, притянул вниз качающуюся ветку. На этот раз, приложив все силы, он до тех пор тянул бечевку, пока полностью не закрыл вход в пещеру густой сетью веточек и листьев.

– Вот так, – тяжело отдуваясь, сказал он. – Теперь сюда не так-то легко попасть.

В испещренном пятнами сумраке Хомили не могла сразу разглядеть выражение его лица, однако почувствовала, что он спокоен.

– Теперь нас не видно? – спросила она ровным голосом, стараясь говорить в тон Поду.

– Нисколько, – сказал Под.

Он подошел к зеленой стенке, раздвинул чуть-чуть листья и выглянул наружу. Затем уверенным движением крепких рук потряс ветки.

– А теперь, – сказал он, отступая назад, и глубоко вздохнул, – дай мне ту, вторую булавку.

Вот тут-то и произошла еще одна удивительная вещь. Под протянул руку, и в ту же секунду в его руке оказалась шляпная булавка, но очутилась она там слишком быстро и бесшумно, чтобы ее могла дать Хомили. В полумраке их пещеры прятался третий – туманная тень, неразличимая в своей неподвижности. А шляпная булавка была та, что исчезла.

– Спиллер! – хрипло сказала Хомили, ловя ртом воздух.

Глава тринадцатая

Не смотри, что рваны рукава,
а смотри – ухватка какова.

Из дневника Арриэтты. 11 сентября

Должно быть, он проскользнул в пещеру, когда Под опускал ветки, – тень среди теней. Теперь Хомили разглядела его круглое лицо, копну спутанных волос, а в руках – два мешка, один пустой, другой полный. Те самые мешки – вдруг дошло до Хомили, которые она утром дала Арриэтте. У Хомили упало сердце.

– Что ты с ней сделал?! – в ужасе вскричала она. – Что ты сделал с Арриэттой?

Спиллер мотнул головой в глубину пещеры.

– Идет сюда вон по тому полю, – сказал он все с тем же безмятежным видом. – Я пустил ее вниз по ручью, – небрежно добавил он.

Хомили уставилась безумным взором в глубину ниши, словно могла пронзить песчаные стены и увидеть за ними поле. Это было то самое поле, по которому они тащились из последних сил в тот день, когда убежали из дома.

– Что ты сделал? – воскликнул Под.

– Пустил вниз по ручью, – сказал Спиллер, – в половинке от мыльницы, – нетерпеливо добавил он, словно удивляясь, как можно быть таким бестолковым.

Под открыл было рот, но ничего не сказал и пристально стал всматриваться в листья у входа. Снизу, от рва, послышался топот бегущих ног; когда они поравнялись с их нишей и с грохотом промчались мимо, задрожала вся насыпь, и молоток Пода упал с гвоздя. Они слышали ровное, хриплое дыхание человека, учащенное дыхание пса.

– Все в порядке, – сказал Спиллер, прервав напряженное молчание, – они побежали налево, через поле. Цыгане, – добавил он лаконично. – Охотятся на зайцев.

– Цыгане? – тупо повторил Под и вытер лоб рукавом.

– Ну да, – сказал Спиллер, – там, на выгоне, две фуры.

– Цыгане... – озадаченно прошептала Хомили и смолкла, не дыша и приоткрыв рот, прислушивалась.

– Все в порядке, – повторил Спиллер; он тоже прислушивался. – Они ушли на ту сторону, за пшеничное поле.

– Так что там такое с Арриэттой? – спросил, заикаясь, Под.

– Я вам уже сказал.

– Это про мыльницу?

– С ней ничего не случилось? – перебила его Хомили. – Она в безопасности? Ты это нам скажи.

– Я же вам уже говорил, – сказал Спиллер, – ей ничто не грозит. – Он обвел нишу любопытным взглядом. – Я как-то раз спал в нем, – сообщил он, неожиданно пускаясь в откровенности, и кивнул головой в сторону ботинка.

Хомили подавила дрожь.

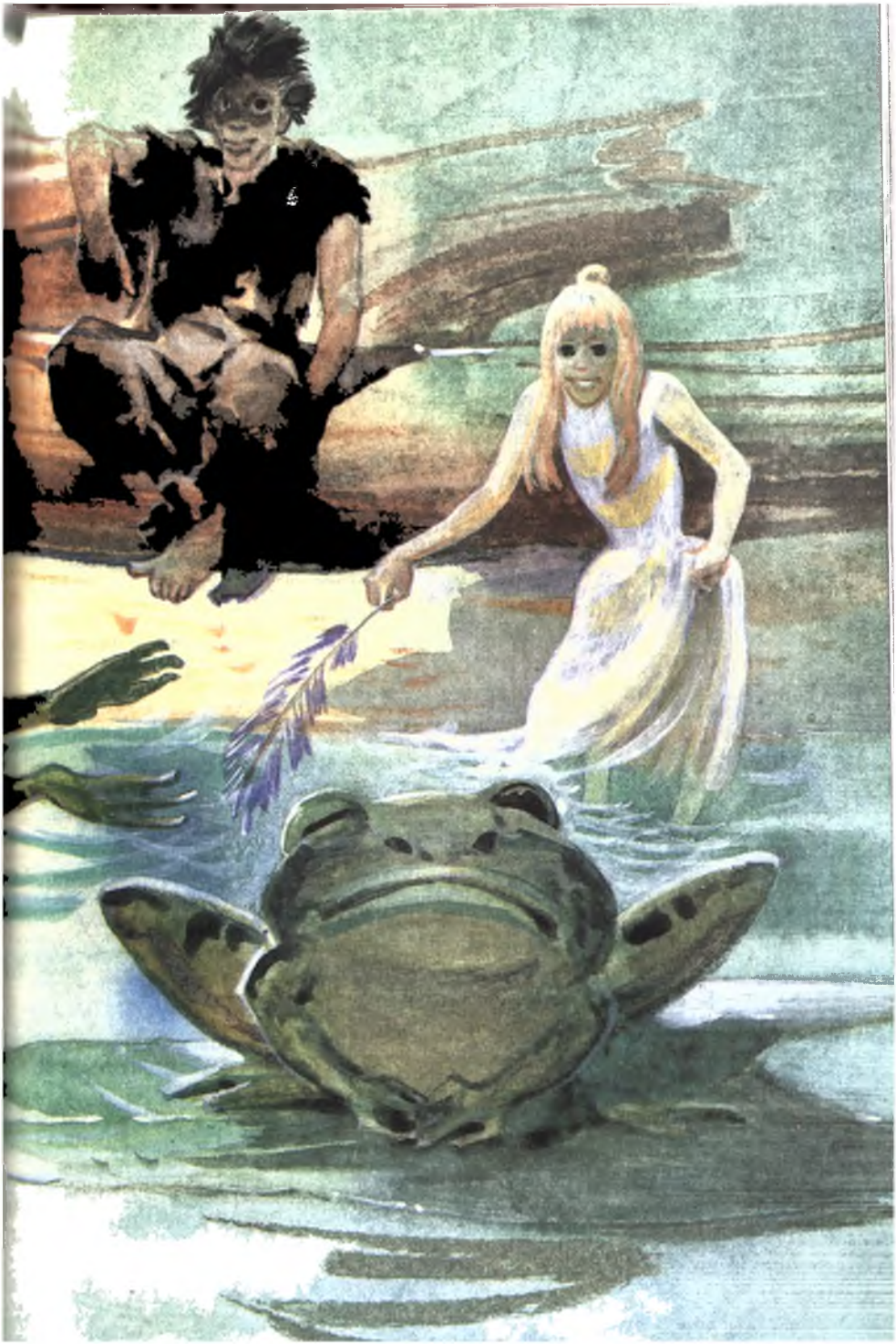
– Это ты нам как-нибудь в другой раз расскажешь, – проговорила она, поспешно переводя разговор. – Ты скажи нам про Арриэтту. Что это за мыльница или как там ее? И что там у вас случилось?

Из скупых фраз Спиллера было не так легко составить общую картину, но наконец они все же кое-как разобрались в том, что произошло. По-видимому, Спиллер был владельцем лодки-плоскодонки – нижней половинки алюминиевой мыльницы, – в которой можно было стоя плавать вверх и вниз по ручью. У Спиллера была летняя резиденция (или охотничий домик) на скошенном поле за их спиной. Это был старый почерневший чайник, лежавший на боку в вымоине на берегу ручья. (У него, по-видимому, было несколько таких временных баз, в их число раньше входил и ботинок.) Спиллер добывал разные вещи в цыганских фурах и перевозил добычу по воде. Лодка позволяла ему быстро ускользнуть, не оставляя

следов. Плыть против течения, объяснил им Спиллер, труднее, и он был благодарен им за шляпную булавку, которая служила не только острым и гибким шестом, но и гарпуном. Он так расчувствовался по поводу шляпной булавки, что Поду и Хомили стало казаться, будто они сами подарили ее Спиллеру — широкий жест, продиктованный сердечной добротой. Поду очень хотелось спросить Спиллера, на что ему понадобилась половинка ножниц, но он не мог заставить себя это сделать. Он опасался, что это внесет дисгармонию в их беседу и погасит невинную радость мальчика.

Выяснилось, что сегодня Спиллер транспортировал по ручью два куска сахара, пакетик чая, три заколки для волос и золотую сережку и, выйдя на широкую часть ручья, там, где он в конце пастбища переходил в пруд, Спиллер увидел Арриэтту. Стоя босиком у самой кромки воды в теплой тине, она играла (сказал он им) в забавную игру. Держа в руке лист тростника, похожий на перо птицы, Арриэтта, по-видимому, выслеживала лягушек. Она подкрадывалась тихонько сзади к своей жертве, невинно греющейся на солнце, и, когда оказывалась достаточно близко, изо всех сил шлепала дремлющую лягушку по спине своим гибким прутом. Раздавалось кваканье и плеск — лягушка шлепалась в воду: одно очко в пользу Арриэтты. Иногда лягушка замечала ее приближение, тогда, понятно, это было очко в пользу лягушки. Арриэтта вызвала Спиллера на соревнование, совершенно не подозревая (так он сказал), что, помимо него, был еще один заинтересованный зритель — принадлежащий цыганам пес дворняга, не сводивший с нее жадных глаз с противоположного, лесного, берега. Не слышала она (добавил он) и треска веток в подлеске, а это значило, что хозяева пса идут следом за ним.

По-видимому, Спиллер едва успел прыгнуть на берег, толкнуть Арриэтту в мыльницу и, наскоро объяснив ей, где находится чайник, пустить лодку с девочкой вниз по течению.



— А она сможет его найти? — задыхаясь от волнения, произнесла Хомили. — Я имею в виду чайник.

— Она не сможет его не заметить, — сказал Спиллер и объяснил, что у чайника течение замедляется, разбиваясь о носик мелкой рябью, и мыльница всегда здесь застревает.

— Только и надо, — сказал он, — что привязать лодку, выгрузить из нее вещи и вернуться сюда пешком.

— Вдоль вала над газопроводом? — спросил Под.

Спиллер кинул на него удивленный взгляд, острый и вместе с тем затаенный.

— Можно и так, — коротко сказал он.

— Половинка мыльницы... — изумленно бормотала Хомили, стараясь представить ее в своем воображении. — Надеюсь, с девочкой ничего не случится.

— Ясное дело, ничего, — сказал Спиллер, — на воде запахи не держатся.

— А почему ты не остался в лодке, — спросил Под, — и не поплыл с ней вместе?

У Спиллера сделался смущенный вид. Он потер темную руку о зад меховых штанов, нахмурился, поглядел на потолок.

— Там не было места для двоих, — наконец сказал он, — рядом с грузом.

— Ты мог вывалить груз, — сказал Под.

Спиллер еще сильней нахмурился, словно этот разговор ему надоел.

— Может быть, — сказал он.

— Я хочу сказать, — настаивал Под, — что ты ведь остался на виду, без всякого прикрытия, верно? Что по сравнению с этим какой-то груз?

— Так... — сказал Спиллер и в замешательстве добавил: — Она мелкая... вы не видели ее (речь шла о его лодке), там для двоих нет места.

— О, Под!.. — вскричала вдруг Хомили.

— Что еще? — спросил Под.

— Этот мальчик, — продолжала Хомили звенящим от

волнения голосом, – этот... ну, что там говорить, вот он стоит перед тобой! – И она протянула руку к Спиллеру.

Под взглянул на него. Да, спору нет, тот действительно стоял перед ним, красный от смущения и неописуемо грязный.

– Он спас ей жизнь, – продолжала Хомили, голос ее дрожал от благодарности, – ценой собственной жизни!

– Ценой? Ну нет, – возразил, немного помедлив, Под и задумчиво поглядел на Спиллера. – Я хочу сказать, он ведь здесь, не так ли? – И резонно добавил, хотя похоже было, что это только сейчас, как ни странно, пришло ему в голову: – А Арриэтты нет.

– Нет – так будет, – сказала Хомили уверенно, – вот увидишь. Все будет в порядке. Этот мальчик – герой! И шляпная булавка к его услугам.

Вспомнив внезапно свои обязанности хозяйки, Хомили принялась хлопотать вокруг него.

– Садись, Спиллер, – радушно пригласила она, – и отдохни. От ручья сюда немалый путь. Чем тебя угостить? Хочешь половинку ягоды шиповника с какой-нибудь начинкой? Ничего особенного я тебе предложить не могу, – продолжала она со смущенным смехом, – мы здесь люди новые, сам знаешь...

Спиллер сунул грязную руку в глубокий карман.

– У меня есть вот что, – сказал он и кинул на стол (кусок сланца) что-то большое и тяжелое.

Ударившись о твердый сланец, оно подпрыгнуло, и во все стороны брызнул сок. Хомили подошла поближе и с любопытством наклонилась к столу.

– Что это? – спросила она, не веря своим глазам. Но, спрашивая, она уже знала ответ: ее ноздрей достиг запах – ах, какой он был аппетитный! – и на какой-то мимолетный чудесный миг она чуть не потеряла сознание. Это была жареная нога...

– Мясо, – сказал Спиллер.

– Чье мясо? – спросил Под. У него тоже остекленели глаза. Сидеть на одних ягодах шиповника и боярышника,

возможно, и полезно для здоровья, но живот при этом подводит.

— Ой, не говори, — запротестовала Хомили и зажала уши руками. А когда они обернулись к ней с удивленным видом, она нетерпеливо, хотя и смущенно, добавила: — Давайте просто съедим его.

Они накинулись на мясо, отрезая кусок за куском обломком бритвы. Спиллер удивленно глядел на них: он был по горло сыт мясной пищей, ведь он ел ее каждый день.

— Надо оставить кусочек Арриэтте, — не переставала повторять Хомили. Время от времени она вспоминала о хороших манерах и уговаривала Спиллера тоже поесть.

Под, горя любопытством, пытался выведать, чье это мясо.

— Для полевки эта нога велика, — говорил он, задумчиво жуя, — а для кролика, наоборот, мала. Горностаев не едят... должно быть, это какая-то птица. Да, конечно.

А Хомили тут же вскрикивала страдальчески:

— Под, пожалуйста!.. — И смущенно оборачивалась к Спиллеру: — Я хочу знать лишь одно — как Спиллер готовит. Мясо удивительно вкусное, зажарено в самый раз.

Но из Спиллера нелегко было что-нибудь вытянуть. Лишь один раз он проронил, что готовить мясо совсем нетрудно (повергнув этим Хомили в полное изумление: как может быть нетрудно приготовить мясо в этой пустыне, где нет ни печи, ни дров, ни угля?). Не говоря уже о естественном чувстве благодарности, она с каждой минутой испытывала к Спиллеру все большую симпатию (ей казалось, что он понравился ей с первого взгляда) и все больше расхваливала его.

Арриэтта вернулась, когда они подошли к середине пиршества. Пробравшись сквозь густую завесу листьев,

она сделала несколько неверных шагов, покачнулась и вдруг села на пол.

Хомили страшно обеспокоилась:

– Что с тобой, Арриэтта? Что случилось? Ты ранена?

Арриэтта качнула головой.

– Меня укачало, – еле слышно проговорила она, – у меня так кружится голова... – Она с упреком взглянула на Спиллера. – Ты запустил лодку волчком, – сказала она, – лодка кружилась, кружилась, кружилась, кружилась, кружилась, кружилась...

– Хватит, Арриэтта, – прервала ее Хомили, – или у нас у всех тоже голова закружится. У Спиллера золотое сердце. Ты должна быть ему благодарна. Он отдал свою жизнь за твою...

– Да не отдал он своей жизни, – снова вмешался Под, – ведь он жив.

Под начинал сердиться. Но Хомили и внимания не обратила.

– А потом пришел сюда к нам сказать, что с тобой все в порядке. И мешки принес. Тебе следует поблагодарить его.

– Спасибо, Спиллер, – вежливо вымолвила Арриэтта, но голос ее звучал тускло.

– Ну а теперь вставай, – сказала Хомили. – Вот и умница. Садись за стол. У тебя с завтрака маковой росинки во рту не было, потому у тебя и кружилась голова. Мы оставили тебе хороший кусочек мяса...

– Чего? – изумленно спросила Арриэтта. Она не верила своим ушам.

– Мяса, – твердо повторила Хомили, не глядя на нее.

Арриэтта вскочила на ноги и, подбежав к столу, тупо уставилась на аккуратные коричневые ломти.

– Но я думала, что мы – вегетарианцы...

Спустя секунду она подняла глаза на Спиллера, в них был вопрос.

– Это не?.. – начала она подозрительно

Спиллер отрицательно затряс головой. Этот энергичный ответ рассеял ее дурные предчувствия.

— Не будем задавать вопросов, — сказала Хомили и крепко сжала губы. — Решим это раз и навсегда. Будем считать, что это нам перепало от цыган, и не станем вдаваться в подробности.

— Не станем... не станем... — мечтательно пробормотала Арриэтта. Казалось, она вдруг ожила: приподняв юбку, она села рядом с остальными на пол у низкого стола. Осторожно взяла двумя пальцами мясо, откусила кусочек для пробы, прикрыла глаза и чуть не задрожала, таким приятным и долгожданным был его вкус.

— А это *правда* от цыган? — недоверчиво спросила она.

— Нет, — сказал Под. — Это добыл Спиллер.

— Так я и думала, — сказала Арриэтта. — Спасибо, Спиллер, — добавила она. И на этот раз в ее ожившем голосе звучала искренняя и вполне понятная благодарность.

Глава четырнадцатая

Лучшее — враг хорошего.

Из дневника Арриэтты. 15 сентября

С этого дня трапезы их стали иными — куда лучше, и это имело какую-то связь, решила Арриэтта, с кражей половинки ножниц. Кражей? Звучит малоприятно, особенно если речь идет о добывайке.

— Но как иначе это назвать? — причитала Хомили, сидя как-то утром на пороге пещеры, в то время как Под ставил ей заплату на туфлю. — Да и чего иного можно ждать от бедного бездомного, невежественного ребенка, который не получил никакого воспитания, вырос, как говорится, в канаве.

— Ты хочешь сказать — во рву, — сонно поправила ее Арриэтта.

— Я хочу сказать то самое, что я сказала, — отрезала

Хомили, вздрогнув от неожиданности, – она не заметила, что Арриэтта рядом. – Это такая поговорка. Нет, – строго продолжала она, прикрывая подолом юбки ногу (она заметила крошечную дырочку на чулке), – мальчика винить нельзя. Я хочу сказать, раз он вырос в таких условиях, откуда ему знать о нормах поведения?

– О чем, о чем? – спросил Под.

Хомили, сама, бедняжка, не больно-то образованная, иногда, как ни странно, находила очень подходящее слово и, что еще удивительнее, понимала его смысл.

– О нормах поведения, – спокойно и убежденно повторила Хомили. – Ты же знаешь, что такое нормы.

– Нет, не знаю, – просто признался Под, продолжая пришивать заплату. – На слух похоже на то, что задают лошадям...

– То корма, а не норма, – сказала Хомили.

– Верно, – сказал Под, послюнив большой палец и разглаживая им шов. – Сено и овес.

– Странно, – задумчиво протянула Арриэтта, – что нельзя иметь только одну...

– Чего – одну? – резко спросила Хомили.

– Одну норму, – сказала Арриэтта.

– Ты ошибаешься, – оборвала ее Хомили. – По сути дела, она только и есть одна. И Спиллеру она неизвестна. Как-нибудь на днях, – продолжала она, – я спокойно, дружески поговорю с этим бедным мальчиком.

– О чем? – спросила Арриэтта.

Хомили словно и не слышала ее: она придала своим чертам определенное выражение и не намеревалась его менять.

– Спиллер, скажу я, у тебя никогда не было матери

– Откуда ты знаешь, что у него никогда не было матери? – спросил Под. – У него не могло ее не быть, – рассудительно добавил он после минутного размышления.

– Верно, – вставила словечко Арриэтта, – и она у него была. Вот откуда он знает, как его зовут.

– Откуда? – спросила Хомили, не совладав с любопытством.

– От матери, конечно. – Спиллер – это его фамилия. А имя его просто Ужас.

Наступило молчание.

– Так как же его зовут? – спросила наконец Хомили с дрожью в голосе.

– Я сказала тебе – Ужас!

– Ужас не ужас, не важно, – рассердилась Хомили. – Все равно скажи, мы же не дети.

– Но ведь так его и зовут – Ужас Спиллер. Однажды мать сказала ему за столом: «Ты Ужас, Спиллер, вот что ты такое», – сказала она. – Только это он о ней и запомнил, и больше ничего.

– Пусть так, – сказала, помолчав, Хомили, снова изображая на лице всепрощение, – тогда я скажу ему так (она грустно улыбнулась): «Ужас, скажу я, милый мальчик, мой бедный сиротка...»

– Откуда ты знаешь, что он сирота? – прервал ее Под. – Ты спрашивала его об этом?

– Спиллера нельзя спрашивать, – быстро проговорила Арриэтта. – Иногда он сам что-нибудь расскажет, но спрашивать его нельзя. Помнишь, что было, когда ты пыталась узнать, как он готовит? Он не приходил к нам два дня.

– Верно, – хмуро поддержал ее Под. – Два дня без мяса. Это нам совсем ни к чему. Послушай, Хомили, – продолжал он, оборачиваясь к ней, – лучше оставь Спиллера в покое. Поспешишь – людей насмешишь.

– Но я хочу поговорить с ним ради его собственной пользы, – сердито возразила Хомили. – И – *поговорить,* а не *спросить* или *попросить*. Я только хотела сказать, – она улыбнулась той же улыбкой, – «Спиллер, мой бедный мальчик...», или «Ужас...», или как там его зовут...

– Его нельзя называть Ужас, мама, – вставила Арриэтта, – если он сам не попросит

– Ну, так – Спиллер. – Хомили возвела глаза к небу – Но я должна научить его.

– Чему? – выходя из терпения, спросил Под.

– Нормам поведения! – чуть не закричала Хомили. – Тому, что нам внушали с раннего детства. Тому, что добывайка никогда не добывает у другого добывайки.

Под одним движением обрезал нитку.

– Он это знает, – сказал он и протянул Хомили туфлю. – На, надевай.

– А как же тогда шляпная булавка? – не сдавалась Хомили.

– Он ее вернул.

– Но половинку ножниц он ведь не вернул.

– Он свежует ею добычу, – быстро проговорила Арриэтта, – и дает нам мясо.

– Свежует добычу? – в раздумье проговорила Хомили. – Подумать только!

– Верно, – сказал Под, – и делит ее на куски. Понимаешь, о чем я говорю, Хомили? – Он поднялся на ноги. – От добра добра не ищут.

Хомили рассеянно шнуровала туфлю.

– И все-таки я который раз спрашиваю себя, как он жарит мясо, – проговорила она через некоторое время.

– Себя спрашивай сколько хочешь, – сказал Под и пошел в глубь пещеры, чтобы повесить инструменты. – От этого вреда не будет, лишь бы Спиллера не спрашивала.

– Бедный сиротка... – повторила Хомили рассеянно, но взор ее был задумчив.

Глава пятнадцатая

Нет розы без шипов.

Из дневника Арриэтты. 25 сентября

Следующие шесть недель были самыми счастливыми (если верить Тому Доброу) в жизни Арриэтты под

открытым небом. Ну, совсем безоблачными назвать их было нельзя, погода, как всегда в Англии, была переменчивая. Были дни, когда поля тонули в молочном тумане и на ветках живых изгородей висела паутина, расцвеченная каплями, как самоцветами. Были безветренные, удушающе жаркие дни. Были грозовые дни, в один из которых в лесу неподалеку упала слепящая молния, и до смерти перепуганная Хомили закопала в песок лезвие бритвы, говоря, что «сталь притягивает электричество». Была целая неделя, когда без передышки и остановки шел унылый дождь; во рве под насыпью мчался бурный поток, и Спиллер бесстрашно преодолевал пороги, управляя своей лодкой-мыльницей с необычайным искусством и быстротой. Всю эту неделю Под продержал Хомили и Арриэтту дома, боясь, чтобы они не поскользнулись и не упали в воду. Будет не до смеха, сказал он, если их унесет из рва в разлившийся ручей и понесет дальше через поля, пока ручей не впадет в реку и в результате вынесет в море.

— Ты бы еще сказал — «в океан» и «донесет до Америки», — колко заметила Хомили, вспомнив Арриэттин «Географический справочник».

Но она все это время усиленно занималась вязанием зимних вещей, следила, чтобы для Пода и Спиллера всегда было горячее питье, и сушила над свечкой одежду Спиллера, пока он, голый, но в кои-то веки чистый, сидел, скорчившись, в ботинке. В нишу дождь по-настоящему ни разу не попал, но все было сырым, на коже ботинка выступила плесень, а в один из дней вдруг на голом месте высыпало целое семейство желтых поганок. А назавтра, когда Хомили вылезла утром из ботинка и, дрожа от холода, собралась готовить завтрак, она увидела, что через поле серебряной лентой идет слизистый след, а сунув руку на полку, чтобы взять спичку, она испуганно завизжала — всю полку заполнял и даже свешивался через край огромный слизняк. Добывайкам непросто справиться со слизняком такой величины, но, к счастью,

он съежился и притворился мертвым. Главным было вытащить его из тесного убежища, где он сидел, как рука в перчатке, а уж потом они без труда прокатили его по песчаному полу и спихнули с насыпи.

Но в конце сентября наступили действительно чудесные дни, дней так десять – солнце, стрекозы, дремотная жара. Землю ковром усеяли луговые цветы. Для Арриэтты природа таила тысячи развлечений. Девочка спускалась с насыпи, переходила через ров и забиралась в высокую траву. Там она ложилась на землю среди цветов и наблюдала за всем, что происходило вокруг. Привыкнув к повадкам насекомых, Арриэтта перестала их бояться. Она поняла, что живет с ними в разных мирах и никого из них не интересует, за исключением, пожалуй, этого чудовища – клеща, который, забравшись на тело, вбуравливается в него с головой.

Кузнечики, как диковинные доисторические птицы, садились в траву над головой – странные существа в зеленой броне, но совершенно для нее безвредные. Травинки отчаянно раскачивались под их внезапно обрушившейся тяжестью, а Арриэтта, лежа внизу, внимательно смотрела, как работают похожие на ножи челюсти кузнечика, пока он не наестся досыта.

Пчелы для Арриэтты были что птицы для людей (скажем, голуби), а уж шмеля можно было сравнить только с индюком. Стоило ей слегка погладить пушистую спинку шмеля, когда он жадно лакомился соком клевера, и он тут же застывал. На доброту в этом мире отвечали добротой, а злоба, как увидела Арриэтта, была следствием страха. Один раз ее чуть не ужалила пчела, когда Арриэтта, чтобы подразнить ее, прикрыла рукой губы львиного зева, в глубине которого та сидела. Пойманная в ловушку пчела жужжала, как динамо-машина, и наконец ужалила, к счастью, не Арриэтту, а стенки своей темницы – чашечку цветка.

Много времени Арриэтта проводила у воды – шлепала босиком по мелководью, плескалась у берега, училась

плавать и просто наблюдала. Лягушки старались не подпускать ее близко. При ее приближении они с негодующим кваканьем шлепались в воду, в выпученных глазах — покорность. «Глядите, опять она тут», — казалось, говорили они.

Иногда после купания Арриэтта наряжалась в фантастические одеяния: юбка из листьев фиалки черенками кверху, стянутых по талии жгутиком из повядшего водосбора, и, в подражание феям, чашечка наперстянки вместо шляпы. Возможно, феям, эльфам и прочему сказочному народцу такая шляпа к лицу, думала Арриэтта, глядя на свое отражение в воде, но приходится признать, что обыкновенная добывайка имеет в ней очень глупый вид. Если край цветка приходился по голове, шляпа получалась очень высокой, вроде поварского колпака, если же чашечка была большая и кромка ее мягко изгибалась, шляпа, закрывая лицо, опускалась Арриэтте на самые плечи.

Да и достать цветок было не так легко, ведь стебель наперстянки очень высок. «Феи, наверно, просто подлетали к ним, — думала Арриэтта, — подняв личики и вытянув изящно ножки, а за ними следом тянулся газовый шлейф. Феи все делают так грациозно...» Арриэтте, бедняжке, приходилось сгибать стебель прутиком с развилкой на конце и садиться на него всей своей тяжестью, чтобы сорвать хоть несколько цветков. Иногда стебель выскальзывал из развилки и вновь взлетал вверх. Но обычно, передвигаясь по стеблю все ближе к его вершине, Арриэтта умудрялась сорвать пять-шесть цветков — достаточно, чтобы среди них оказался хоть один подходящего размера.

Если Спиллер, проплывая на своей искусно нагруженной лодке, заставал Арриэтту за этими играми, в его глазах появлялось изумление — он их не одобрял. Проведя всю жизнь под открытым небом, добывая себе пропитание в борьбе с природой, он не мог представить, что значит свобода для того, кто провел все детство в темном

подвале. Лягушки для Спиллера были лишь мясом, трава – укрытием, а насекомые – докучной помехой, особенно комары. Вода служила для питья, а не для того, чтобы в ней плескаться, а ручьи были широкой дорогой, где к тому же водилась рыба. Бедняжке Спиллеру с самых ранних лет некогда было играть.

Зато он был бесстрашным добывайкой, по-своему таким же умелым и ловким, как Под, – нельзя было этого не признать. По вечерам после ужина они подолгу обсуждали сложности своего ремесла, вернее сказать: искусства. Под принадлежал к более умеренной школе – ежедневные вылазки и скромная добыча, немного здесь, немного там, чтобы не вызывать подозрений. Спиллер предпочитал следовать поговорке: куй железо, пока горячо, – другими словами: быстро прибрать все, на что можно наложить руку, и молниеносно скрыться. «Эта разница в подходе к делу вполне понятна, – думала Арриэтта, прислушиваясь к их разговору, в то время как она помогала матери мыть посуду. – Под всегда раньше добывал в доме и привык добывать по старинке, а Спиллеру приходится иметь дело с цыганами, которые сегодня здесь, а завтра за тридевять земель, а потому надо не уступать им в быстроте».

Иногда они не видели Спиллера целую неделю, но он всегда оставлял им хороший запас еды: жареная нога (чья – они так и не знали) или тушеное мясо, сдобренное диким чесноком. Хомили разогревала его на пламени свечи. Мука, сахар, чай, масло, даже хлеб были у них теперь в избытке. С небрежным видом Спиллер приносил им (если не сразу, так немного погодя) почти все, что они просили: лоскут фиолетового бархата, из которого Хомили сшила Арриэтте новую юбку, две целых свечи вдобавок к их огарку, четыре катушки без ниток, из которых они сделали ножки для обеденного стола, и, к радости Хомили, шесть ракушек для тарелок.

Однажды он принес небольшой аптечный пузырек. Вынимая пробку, Спиллер спросил:

— Знаете, что это?

Хомили, сморщившись, понюхала янтарную жидкость.

— Верно, какой-нибудь шампунь для волос? — сказала она, состроив гримасу.

— Наливка из бузины, — сказал Спиллер, не сводя глаз с ее лица. — Красота!

Хомили уже было собралась попробовать наливку, но вдруг передумала.

— Выпьешь вина, — сказала она, вспомнив поговорку из календаря Арриэтты, — поубавится ума. К тому же я с детства непьющая.

— Он делает эту наливку в лейке, — объяснил Спиллер, — и наливает из носика.

— Кто — он? — спросила Хомили.

— Кривой Глаз, — сказал Спиллер.

Все трое с любопытством смотрели на него.

— А кто он такой, этот Кривой Глаз? — спросила наконец Хомили. Она аккуратно заколола сзади волосы и, отойдя от Спиллера, принялась что-то тихонько напевать.

— Да тот, у которого был ботинок, — беспечно ответил Спиллер.

— О? — отозвалась Хомили. Она взяла головку чертополоха и принялась подметать пол — тем самым давая понять Спиллеру, что у нее есть дела поважней, чем их беседа, и вместе с тем не проявляя по отношению к нему грубости. — Какой ботинок?

— Этот, — сказал Спиллер и пнул его ногой.

Хомили перестала подметать и уставилась на Спиллера.

— Но этот ботинок принадлежал раньше джентльмену, — ровным голосом сказала она.

— Раньше — да, — подтвердил Спиллер.

Несколько секунд Хомили молчала.

— Ничего не понимаю, — сказала она наконец.

— До того, как Кривой Глаз их стибрил, — объяснил Спиллер.

Хомили засмеялась.

– Кривой Глаз... Кривой Глаз... Кто такой этот Кривой Глаз? – беззаботно спросила она, твердо решив не волноваться.

– Я же вам сказал: цыган, который украл ботинки.

– Ботинки? – повторила Хомили, поднимая брови и подчеркивая голосом множественное число.

– Ну да, их была пара. Стояли за дверью в буфетную, – Спиллер мотнул назад головой, – в большом доме. Там их Кривой Глаз и стянул. Пришел туда продавать защепки для белья, а во дворе за дверью каких только не было ботинок! Разных фасонов и размеров, все – начищенные до блеска. Стояли на солнышке, пара возле пары... и щетки, и все прочее...

– О-о, – протянула задумчиво Хомили. «Неплохая добыча», – подумала она. – И он все их прихватил?

Спиллер засмеялся.

– Ну, нет! Кривой Глаз не такой дурак. Взял одну пару, а соседние сдвинул, чтобы видно не было.

– Понятно, – сказала Хомили. Через минуту она добавила: – А этот ботинок кто добыл – ты?

– Можно и так сказать, – ответил Спиллер и добавил, словно в объяснение: – У него был пестрый кот.

– При чем тут кот? – спросила Хомили.

– Однажды ночью этот кот устроил ужасный концерт у него над ухом. Кривой Глаз поднялся и запустил в него ботинком – этим ботинком. – Спиллер снова пнул ботинок. – Хороший был ботинок и воду не пропускал, пока ласка не прогрызла дыру в носке. Вот я и взял его – протащил за шнурок через изгородь, спустил на воду, залез в него, проплыл вниз по течению до поворота, вытащил на землю, а потом высушил в высокой траве

– Там, где мы его нашли? – спросила Хомили.

– Ага. – Спиллер захохотал. – Вы бы послушали, как он ругался утром! Он же точно знал, куда кинул ботинок, и не мог понять, почему его там нет. – Спиллер снова расхохотался. – Всякий раз, что он проходит мимо этого места, снова его ищет.

Хомили побледнела.

– Снова ищет? – встревоженно повторила она.

Спиллер пожал плечами.

– Ну и что? Он же не додумается искать на этом берегу! Ведь он знает, куда швырнул ботинок, знает точно, потому-то ничего и не понимает

– Ах, господи, – жалобно запричитала Хомили

– Да нечего вам волноваться, – сказал Спиллер. – Ну, я пошел. Что-нибудь принести?

– Я бы не отказалась от чего-нибудь теплого, – сказала Хомили, – этой ночью мы все озябли.

– Хотите овечьей шерсти? – спросил Спиллер. – Там, у дороги, ее на колючках полно.

– Все что угодно, – сказала Хомили, – лишь бы оно грело. И лишь бы, – добавила она в ужасе от внезапно пришедшей ей мысли, – это не был носок. – Ее глаза округлились. – Мне не нужен носок Кривого Глаза.

В тот вечер Спиллер ужинал вместе с ними (холодный отварной пескарь с салатом из щавеля). Он принес им великолепный комок чистой овечьей шерсти и длинный красный лоскут, оторванный от шерстяного одеяла. Под, не будучи таким противником вина, как Хомили, налил ему в половинку ореховой скорлупы бузинной наливки, но Спиллер и не прикоснулся к ней

– У меня дела, – сказал он сдержанно, и они догадались, что он собирается в дальний поход.

– Ты надолго? – спросил Под, пригубливая наливку с таким видом, словно хотел лишь попробовать ее.

– На неделю, – ответил Спиллер, – может быть, дней на десять...

– Смотри, – сказал Под, – будь осторожен. – Он сделал еще глоток. – Очень неплохо, – сказал он Хомили, протягивая ей скорлупку. – На, попробуй.

Хомили покачала головой и сжала губы.

– Мы будем по тебе скучать, Спиллер, – сказала

она, хлопая глазами и не обращая внимания на Пода. – Это факт.

– А зачем ты уходишь? – вдруг спросила Арриэтта.

Спиллер, уже готовый скрыться в лиственном пологе у двери, обернулся и посмотрел на нее.

Арриэтта вспыхнула. «Я задала ему вопрос, – горестно подумала она, – теперь он исчезнет на долгое время». Но на этот раз Спиллер, хоть и не сразу, ответил:

– За зимней одеждой, – сказал он.

– Ах! – в восторге воскликнула Арриэтта, поднимая голову. – За новой?

Спиллер кивнул.

– Из меха? – спросила Хомили.

Спиллер снова кивнул.

– Кроличьего? – спросила Арриэтта.

– Кротового, – сказал Спиллер.

В освещенной свечкой пещерке вдруг наступил праздник, словно их всех ждало радостное событие. Все трое улыбались Спиллеру. Под поднял свой «бокал».

– За новую одежду Спиллера! – сказал он, и Спиллер, смутившись, тут же нырнул в листву. Но не успела еще живая завеса перестать колыхаться, как они снова увидели его лицо.

– Ее шьет одна дама, – смущенно сообщил он и снова исчез.

Глава шестнадцатая

Счастье с несчастьем, что
вёдро с ненастьем.

Из дневника Арриэтты. 30 октября

Было еще совсем рано, когда на следующее утро Под позвал Арриэтту с порога пещеры.

– Вылезай-ка из ботинка, дочка! – крикнул он. – Я хочу что-то тебе показать.

Дрожа от холода, Арриэтта натянула на себя одежду и, накинув на плечи кусок красного одеяла, вылезла

наружу и стала рядом с отцом. Солнце уже поднялось, и все, на что падал ее взгляд, поблескивало, словно посыпанное сахарной пудрой.

— Первый иней, — сказал через минуту Под.

Арриэтта сунула закоченевшие пальцы под мышки и туже натянула одеяло.

— Да, — сдержанно откликнулась она, и оба замолчали.

Но вот Под откашлялся и сказал:

— Нет нужды будить мать. При таком солнце через час все, наверно, растает. — Он снова замолчал, погрузившись в свои мысли. — Думал, тебе понравится, — хрипло сказал он наконец.

— Да, — повторила Арриэтта и вежливо добавила: — Очень красиво.

— Самое разумное, — сказал Под, — самим тихонько приготовить завтрак и не трогать мать. В этой овечьей шерсти ей, должно быть, тепло.

— Я еле жива, — ворчала Хомили за завтраком, держа обеими руками ореховую скорлупку с горячим, как огонь, чаем (теперь благодаря Спиллеру им не приходилось так экономить свечи). — Я продрогла до мозга костей... Знаешь что? — продолжала она.

— Нет, — коротко сказал Под. — Что?

— Давай пойдем на выгон, где останавливаются цыгане, и поищем чего-нибудь. Там сейчас никого нет. Раз Спиллер ушел надолго, значит, цыгане снялись с места. Может, мы что-нибудь найдем, а в такую погоду хуже всего сидеть на месте. Как ты на это смотришь, Под? Оденемся потеплей.

Арриэтта сидела молча, переводя глаза с отца на мать. Она уже поняла, что если ты хочешь чего-нибудь, лучше не вмешиваться в разговор взрослых.

Под колебался — он не хотел вторгаться в чужие владения, ведь туда ходил за добычей Спиллер.

— Ну, ладно, — неуверенно согласился он наконец.

Поход оказался совсем не легким. Спиллер спрятал свою лодку, и им пришлось переправляться на другой берег на плоском куске коры, а когда они двинулись по лесу вдоль ручья, оказалось, что оба берега густо заросли куманикой – чудовищная чаща из живой колючей проволоки, которая цеплялась за платье и волосы. К тому времени, когда они перебрались через зеленую изгородь на травянистую обочину дороги, все трое были растрепаны и расцарапаны до крови.

Увидев место, где разбивали табор цыгане, Арриэтта совсем приуныла. Лес, через который они с таким трудом пробирались, заслонил последние тусклые лучи солнца. Покрытая тенью трава была истоптанная и пожухлая. Повсюду валялись старые кости; ветер перегонял с места на место перья и лоскуты; то и дело на изгороди хлопала грязная газета.

– Батюшки! – бормотала Хомили, поглядывая по сторонам. – Мне что-то разонравился этот кусок красного одеяла.

– Ну, – сказал наконец Под, – пошли. Раз уж мы здесь, надо все хорошенько осмотреть.

И первым спустился с насыпи.

Но им было противно до всего дотрагиваться. Хомили боялась, как бы они не набрались блох. Под нашел старую железную кастрюльку без дна Под чувствовал, что она может для чего-нибудь пригодиться, только не знал для чего. Он ходил вокруг нее, рассматривая со всех сторон, и даже раз или два стукнул головкой шляпной булавки. Раздался глухой звон. Однако в конце концов он оставил ее, решив, что здесь она им ни к чему, а нести ее тяжело.

Арриэтта обнаружила небольшую кухонную плиту. Она лежала на насыпи под живой изгородью, и, судя по тому, как сильно она заржавела и как густо разрослась вокруг нее трава, лежала уже много лет.

– Знаешь, – сказала Арриэтта матери, молча осмотрев плиту со всех сторон, – в ней можно жить.

Хомили вытаращила глаза.

– Жить? В этом? – с отвращением закричала она.

Плита лежала на боку, частично уйдя в землю. По сравнению с обычными кухонными плитами она была очень маленькая, с закрытой решеткой из железных прутьев и крошечной духовкой. Такие плиты встраивают в жилые фургоны. Возле нее лежала кучка рассыпающихся костей.

– А девочка права, – сказал Под, стукая по прутьям решетки. – Здесь можно разводить огонь, а жить, скажем, в духовке.

– Жить! – воскликнула Хомили. – Ты хочешь сказать, зажариться живьем.

– Да нет, – возразил Под, – зачем топить во всю мочь? Так, небольшой огонь, чтобы было тепло внутри. И мы были бы здесь, – он взглянул на медную задвижку на дверце духовки, – в полной безопасности. Чистое железо. – Он постучал по плите шляпной булавкой. – Его не прогрызешь.

– Мыши могут пролезть между прутьями, – возразила Хомили.

– Возможно, – сказал Под, – но я думал не столько о мышах, сколько о... – он приостановился, на лице его отразились смущение и тревога, – ...о горностаях и лисицах и прочих зверюгах.

– Ах, Под! – воскликнула Хомили, прижимая ладони к щекам и трагически глядя на него. – Ну зачем вспоминать о таких вещах? Зачем? – чуть не плача повторила она. – Ты же знаешь, как это на меня действует.

– Но такие вещи существуют на свете, – бесстрастно настаивал Под, – в этой жизни надо смотреть правде в глаза, если можно так выразиться. Надо видеть то, что есть, и смело встречать то, что вам не по вкусу.

– Но лисицы, Под! – запротестовала Хомили.

– Да, конечно, – согласился Под, – но ведь они есть, от этого не уйдешь. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю, можешь не сомневаться, — отвечала Хомили, глядя на плиту куда благосклонней, — но если мы ее зажжем, цыгане увидят дым.

— И не только цыгане, — согласился Под, глянув искоса на дорогу, — но и любой прохожий. Нет, — вздохнул он, поворачиваясь, чтобы уйти, — ничего не выйдет. Жаль. Железо есть железо.

Единственной стоящей находкой была горячая — с пылу с жару — картофелина с обуглившейся кожурой, Арриэтта обнаружила ее на том месте, где цыгане разводили костер. Угли были еще теплые, стоило их поворошить палочкой, по золе змейками побежали красные искры. Когда Под разломил картофелину, от нее пошел пар. Усевшись поближе — насколько они отважились — к опасному теплу, они наелись до отвала горячей картошки.

— Хорошо было бы прихватить домой немного золы, — заметила Хомили. — Скорее всего так именно Спиллер и готовит — добывает огонь у цыган. Как ты думаешь, Под?

Под подул на кусочек картофелины, который держал в руках.

— Нет, — сказал он, откусив от него и говоря с набитым ртом, — Спиллер готовит каждый день, не важно — есть тут цыгане или нет. У него свой способ. Хотел бы я знать какой.

Хомили наклонилась и пошевелила угли обгорелой палочкой.

— А что, если мы притащим сюда ботинок и будем все время поддерживать здесь огонь?

Под тревожно оглянулся по сторонам.

— Слишком на виду, — сказал он.

— Ну, а если мы поставим ботинок под изгородью, — продолжала Хомили, — рядом с плитой? Как ты на это смотришь? Или внутрь плиты? — добавила она вдруг, сама не веря, что это возможно.

Под медленно обернулся и посмотрел на нее.

— Хомили... — начал он и замолчал, словно ему не

хватало слов. Но вот он положил руку на плечо жены и с гордым видом взглянул на Арриэтту. — Твоя мать — удивительная женщина, — с чувством произнес он. — Никогда не забывай это, дочка. — И закричал: — Всех свистать наверх!

Они принялись как безумные таскать к костру прутья и сырые листья, чтобы не дать огню слишком быстро прогореть. Они бегали взад-вперед, поднимались к живой изгороди вдоль насыпи, забирались в рощицу... они спотыкались, падали, но вытаскивали, выдергивали, тащили, несли, волокли... И вот уже в свинцовое небо поднялась тонкая струйка дыма.

— Ой, — тяжело дыша, проговорила Хомили с огорчением, — дым будет виден на много миль вокруг.

— Не важно, — пропыхтел Под, — подумают, что это цыгане. Сгреби сюда побольше листьев, Арриэтта, нам нужно, чтобы костер горел до самого утра.

Внезапный порыв ветра кинул дым в глаза Хомили, по ее щекам покатились слезы.

— Ах! — воскликнула она огорченно. — Вот что нам предстоит делать всю зиму день за днем, неделя за неделей, пока мы не обдерем себе все руки, а тогда какое уж топливо... Ничего не выйдет, Под. Ты и сам видишь. — И, сев на закопченную крышку от жестянки, она расплакалась. — Мы не можем провести всю остальную жизнь, — сказала она, всхлипывая, — поддерживая открытый огонь.

Поду и Арриэтте нечего было возразить, они вдруг почувствовали, что Хомили права: добывайки слишком малы и слабы, им не набрать топливо для настоящего костра... Темнело, ветер становился все резче, пронзительный ветер, предвещавший снег.

— Пора возвращаться, — сказал наконец Под. — Что ж, во всяком случае мы сделали попытку. Ну, полно, полно, — принялся он тормошить Хомили. — Вытри глаза, мы что-нибудь придумаем.

Но они так ничего и не придумали. Погода делалась все холодней. Спиллер не появлялся. Через десять дней у них кончилось мясо, и они пустили в ход свою последнюю свечу – их единственный источник тепла.

– Ума не приложу, – жалобно причитала Хомили, когда они забирались вечером под овечью шерсть, – как нам быть. Одно я знаю твердо: Спиллера мы больше не увидим. Верно, с ним случилась беда.

А потом начался снегопад. Хомили лежала под одеялом в ботинке и не желала вставать, чтобы взглянуть на него. Снег предвещал ей конец.

– Я умру здесь, – заявила она, – в тепле и удобстве. А вы с папой, – сказала она Арриэтте, – можете умирать как хотите.

Как ни уверяла ее Арриэтта, что заснеженное пастбище очень красиво, что холод стал менее жестоким и что она сделала санки из крышки от жестянки, которую Под взял у костра, все было напрасно: Хомили выбрала себе могилу и не была намерена ее покидать.

Хотя Арриэтте было жаль мать, это не мешало ей с удовольствием кататься на санях – по широкой дуге вниз с насыпи до самого рва. А Под мужественно продолжал выходить в поисках пропитания, хотя на живых изгородях уже почти ничего не осталось, сражаться с птицами. Все трое похудели, но чувствовали они себя хорошо, и загоревшие под зимним солнцем щеки Арриэтты рдели здоровым румянцем.

Но прошло пять дней, и все переменилось: сильно похолодало, и снова пошел снег. Его наметало в высокие воздушные сугробы, слишком легкие и сыпучие, чтобы на них могла удержаться спичка, не то что добывайка. Под и Арриэтта оказались прикованными к дому и большую часть времени проводили теперь рядом с Хомили в ботинке. Овечья шерсть не давала им замерзнуть, но лежать там в полутьме было скучно, и часы тянулись медленно. Иногда Хомили оживлялась и рассказывала им истории из своего детства. Она могла не заботиться о

том, чтобы они были интересны – ее слушателям все равно некуда было деться.

И наконец наступил день, когда их запасы кончились.

– У нас ничего не осталось, – объявил однажды вечером Под. – Один кусочек сахара и полсантиметра свечи.

– Свечу я есть не смогу, – жалобно сказала Хомили, – особенно парафиновую.

– Тебе никто этого не предлагает, – отозвался Под. – Да, еще есть капелька бузинной наливки.

Хомили села в постели.

– Да? – сказала она. – Положи сахар в наливку и подогрей ее на свече.

– Но как же так, Хомили, – запротестовал Под. – Я думал, что ты непьющая.

– Грог – другое дело, – объяснила Хомили. – Позови меня, когда будет готово. – Она легла и добродетельно прикрыла глаза.

– Она все равно сделает по-своему, – пробормотал Под, оборачиваясь к Арриэтте. Он с сомнением посмотрел на бутылку. – Здесь больше, чем я думал. Надеюсь, ей это не повредит...

У них получился настоящий праздник, ведь они так давно не зажигали свечу. Как приятно было собраться вокруг нее всем вместе и понежиться в ее тепле.

Когда, наконец согревшись, они легли спать, Арриэтта уютно устроилась под теплой шерстью, и ее охватило странное чувство спокойствия и довольства. «Все будет хорошо», – подумала она. Арриэтта заметила, что Под, который тоже приложился к наливке, уснул, не зашнуровав край ботинка...

Впрочем, какое это имеет значение, если это их последняя ночь на земле...

Глава семнадцатая

Чему быть, того не миновать.

Из дневника Арриэтты. 1 ноября

Эта ночь не была их последней ночью *на* земле (всегда находится какой-нибудь выход), однако она оказалась их последней ночью *в* земле.

Первой проснулась Арриэтта. Она чувствовала себя усталой, словно плохо спала, но лишь позднее (как она рассказала Тому) припомнила свой сон про землетрясение. Она лежала в неудобной позе, стиснутая со всех сторон. В ботинке было светлей, чем обычно, но она вспомнила, что вход в него остался незашнурованным. Только почему, удивилась она, чуть приподнявшись, дневной свет падает сверху, точно из слухового окна? И тут она поняла: ботинок, лежавший раньше на боку, теперь стоял почему-то прямо. Невероятно! Первой ее мыслью (заставившей сильнее забиться сердце Арриэтты) была мысль, что ее сон о землетрясении оказался явью. Арриэтта кинула взгляд на Пода и Хомили. Судя по тому, что она смогла увидеть, — они с головой зарылись в овечью шерсть! — родители спокойно спали, но не совсем в том положении, в каком они легли в постель. Что-то случилось ночью, Арриэтта была уверена в этом, если только она сама не продолжает спать и видеть сон.

Арриэтта тихонько села. Хоть ботинок был открыт, воздух показался теплым, даже душным; он пахнул дымом, луком и чем-то еще, незнакомым, — может быть, так пахнет человек? Арриэтта проползла по дну ботинка и подкралась к его открытой части. Встала на ноги и посмотрела наверх. Вместо песчаной крыши их пещеры она увидела проволочную сетку и нечто вроде полосатого потолка. Должно быть, они под кроватью, догадалась Арриэтта (она уже видела кровати снизу там, в большом доме), — но чья это кровать? И где?

Дрожа — не столько от страха, сколько от любопытства, — Арриэтта задрала ногу повыше и поставила ее в

дырочку для шнурка, затем подтянулась на петле; еще один шаг, еще один рывок — и... Арриэтта выглянула наружу. Первое, что она увидела совсем рядом с собой — так близко, что она могла заглянуть внутрь, — был второй ботинок, точь-в-точь такой же как у них.

С того места, где она находилась, ничего другого не было видно. Кровать была низкая; вытянув руку, Арриэтта могла дотронуться до сетки. Но слышно ей было все: бульканье закипающего чайника, потрескивание огня и более глубокий и ритмичный звук — храп человека.

Арриэтта задумалась: хотела было разбудить родителей, но потом решила, что не стоит. Лучше сперва побольше разузнать. Она ослабила шнурок в четырех срединных дырочках и выскользнула через щель наружу, затем прошла по ботинку до его носка и осмотрелась. Теперь это было нетрудно.

Как и догадывалась Арриэтта, они находились в фуре. Ботинок стоял под складной кроватью, занимавшей одну ее стенку; напротив нее, у другой стены, Арриэтта увидела маленькую кухонную плиту вроде той, что они нашли у живой изгороди, и резную висячую полку светлого дерева. На ней стояли зеркальца, ярко раскрашенные вазы, глиняные кружки, и висели гирлянды бумажных цветов. Под полкой по обе стороны плиты были встроенные шкафчики для белья и посуды. На плите тихонько кипел чайник, сквозь прутья решетки мерцало красное пламя.

У задка повозки, под прямым углом к кровати, была вторая лежанка, поверх встроенного в стенку рундука. Арриэтта, высматривавшая подходящее убежище для родителей и себя, заметила, что рундук стоял не вплотную к полу и под ним оставалось пространство, достаточное, чтобы добывайка мог туда заползти. На лежанке она увидела гору под лоскутным одеялом, гора поднималась и опускалась. Судя по храпу, там спал человек. У изголовья стояла лейка с жестяной кружкой на носике. «Бузинная наливка, — подумала Арриэтта. — Да, эта ночь погубила нас».

Налево от нее, тоже под прямым углом к длинным стенам, была дверца фургона. В распахнутую настежь верхнюю ее часть вливалось зимнее солнце. Арриэтта знала, что дверь выходит вперед, к оглоблям. Одной стороной, той, где была задвижка, нижняя часть двери неплотно прилегала к раме – из щели струился свет. Возможно, если она не побоится туда подойти, ей удастся выглянуть наружу.

Арриэтта колебалась. До двери был всего один человечий шаг. Гора на кровати по-прежнему вздымалась и опускалась, наполняя воздух храпом. Арриэтта легко соскользнула с носка ботинка на вытертый коврик и бесшумно побежала на цыпочках к двери. В первый миг яркое солнце, проникавшее в щель, чуть не ослепило ее, затем она различила полоску травы, мокрой от тающего снега, и тлеющий между двумя камнями костер Немного поодаль, у живой изгороди, Арриэтта увидела знакомый предмет – старую кухонную плиту. У нее сразу поднялось настроение – значит, они все еще были на выгоне и никуда не переехали за ночь, как она опасалась.

Арриэтта стояла, сунув нос в щель, и глядела наружу, как вдруг наступила тишина. Она обернулась и приросла к полу: человек на лежанке сидел. Это был огромный мужчина, полностью одетый, смуглый, с шапкой кудрявых волос. Глаза его были зажмурены, руки со сжатыми кулаками раскинуты в стороны, рот разинут во всю ширь – он громко и сладко зевал.

На Арриэтту напал страх. Надо куда-то скрыться – но куда? Она взглянула на кровать справа, ту, под которой стояли ботинки. Она добралась бы сюда за три прыжка, но лучше не шевелиться, так сказал бы отец. Затененная нижняя часть двери, возле которой она стояла, казалась еще темней из-за яркого света, который лился в верхнюю, открытую ее часть. И Арриэтта лишь слегка отступила от щели, на фоне которой мог быть замечен ее силуэт.

Человек перестал зевать, спустил ноги в носках на

пол и с минуту сидел задумчиво, глядя на них. Арриэтта заметила, что один его глаз был черный и блестящий, а второй — светло-карий, куда бледнее, чем первый, и полуприкрытый веком. Должно быть, это и есть Кривой Глаз — этот огромный, толстый, страшный мужчина, который сидит так неподвижно и любуется своими носками.

И тут странные глаза поднялись, улыбка стала шире, и Арриэтта поняла, что Кривой Глаз смотрит на ботинки.

У нее перехватило дыхание, когда она увидела, что он наклоняется вперед и (ему было достаточно протянуть для этого свою длинную руку) вытаскивает их из-под кровати. Он любовно взирал на ботинки, держа перед собой сразу оба, затем, словно заметив разницу в весе, поставил один на пол. Раскрыв ладонь одной руки, он легонько потряс над ней ботинок, перевернув его вверх подметкой, но оттуда ничего не выпало, и он убрал ладонь.

Вопль, который он издал в следующую секунду, наверно, разнесся (думала впоследствии Арриэтта) на много миль кругом. Кривой Глаз уронил ботинок, тот упал на бок, и Арриэтта с ужасом увидела, как из него выбежали Под и Хомили, проскользнули у него между ног и исчезли (но не раньше, чем он успел их заметить) в промежутке между рундуком и полом.

Наступила тревожная тишина.

Как ни была напугана Арриэтта, Кривой Глаз, казалось, испугался еще больше: лицо его приобрело цвет теста, глаза чуть не вылезли из орбит. В наступившей тишине тонким, как ниточка, эхом повисло короткое слово. Кривой Глаз не мог поверить своим ушам... кто-то... что-то... где-то... отчаянно пискнуло: «Ой!»

«Молодец, мама, — подумала Арриэтта. — Сумела взять себя в руки!» Она хорошо представляла себе чувства Хомили: быть вырванной из глубокого сна и вытряхнутой на пол, увидеть, как на тебя уставились эти странные глаза, услышать громовой вопль!.. Расстояние между рундуком и полом не превышало, по ее расчетам,

двух дюймов, там даже не поднимешься во весь рост, подумала Арриэтта, и хотя сейчас родители были в безопасности, им придется так там и сидеть – выхода оттуда, очевидно, не было.

За себя Арриэтта не боялась. Она все еще стояла неподвижно, словно приклеившись к тени у двери. Спору нет, она была лицом к лицу с Кривым Глазом, но он ее ни за что не заметит, если только она не шевельнется. Казалось, он никак не может прийти в себя, так поразили его крошечные фигурки, появившиеся неизвестно откуда и как между его ног.

Несколько секунд он ошеломленно смотрел на пол, затем опустился на четвереньки и заглянул под рундук. Снова поднялся с разочарованным видом, нашел спичечный коробок, зажег спичку и при ее свете попытался разглядеть, что скрывается во мраке под лежанкой. Арриэтта воспользовалась тем, что он повернулся к ней спиной, и в три прыжка очутилась под кроватью. Там стояла картонная коробка (в ней можно будет спрятаться), лежали мотки веревки, связка ловушек на кроликов и липкое блюдце, в котором когда-то было молоко.

Арриэтта пробралась между всем этим к дальнему концу кровати – туда, где она вплотную подходила к рундуку. Выглянув украдкой наружу сквозь путаницу кроличьих силков, Арриэтта увидела, что Кривой Глаз, отчаявшись что-либо увидеть при помощи спички, вооружился огромной палкой и теперь деловито водит ею взад и вперед под рундуком. Арриэтте показалось, что один раз она услышала приглушенный крик и слова: «Ах, батюшки!» Она в ужасе прижала руки к груди.

В этот момент дверь распахнулась, ворвался холодный воздух, и внутрь заглянула какая-то женщина с огромными глазами. Она была закутана в толстую шаль и держала в руке корзинку с бельевыми прищепками. Скорчившись среди кроличьих силков, Арриэтта заметила, что глаза женщины стали еще огромнее, и на стоявшего на коленях мужчину обрушился целый поток вопросов на каком-то

неизвестном языке. Арриэтта видела, как в солнечном свете поднимается пар от ее дыхания, слышала, как позвякивают ее большие серьги.

Кривой Глаз немного смущенно встал на ноги. Он казался Арриэтте настоящим великаном, и, хотя лицо его исчезло, ей было достаточно посмотреть на его беспомощно висящие руки. Он отвечал женщине на том же языке. Говорил он долго, возбужденно, иногда голос его поднимался до крика – в нем слышался страх.

Кривой Глаз поднял ботинок с пола, показал его женщине, что-то долго ей объяснял и боязливо, как заметила Арриэтта, сунул руку внутрь. Он вытащил комок овечьей шерсти, часть носка и – с неприкрытым удивлением, ведь это был кусок его собственного одеяла – красный шерстяной лоскут. Женщина не переставала насмехаться над ним, когда он показывал ей все это, и в голосе его зазвучали слезы. И тут женщина расхохоталась – пронзительным и вместе с тем хриплым смехом. «Какая она бессердечная, – подумала Арриэтта, – какая злая». Ей даже захотелось выбежать из-под кровати и показать этой женщине, которая не принимала всерьез ни одно слово Кривого Глаза, что они, добывайки, существуют на самом деле. («Так ужасно и так печально, – призналась она как-то Тому, – принадлежать к народу, в существование которого не верит ни один здравомыслящий человек».) Но как ни соблазнительна была эта мысль, Арриэтта вовремя одумалась и вместо этого протиснулась из-под кровати в еще более темное и узкое пространство под рундуком.

И как раз вовремя: послышался мягкий топот чьих-то ног по коврику, и рядом с тем местом, где она только что стояла, появились четыре кошачьи лапы – три черные и одна белая. Кот потянулся, перекатился на спину, потерся усатой мордой о нагретый солнцем коврик. Он был черный, с белым брюхом. Он или она? Этого Арриэтта не знала, но – так или иначе – это был великолепный зверь, гладкий и могучий, как все коты,

которые сами добывают себе пропитание и живут под открытым небом.

Отодвигаясь бочком, как краб, в темноту и не сводя глаз с кота, который нежился на солнце, Арриэтта вдруг почувствовала, что кто-то берет ее руку и сжимает изо всех сил.

– Ах... – еле слышно сказала Хомили у самого ее уха, – ах, какое счастье, ты жива!

Арриэтта приложила палец к губам.

– Шш, – шепнула она еле слышно, по-прежнему глядя на кота.

– Ему сюда не залезть, – шепнула в ответ Хомили.

В полумраке Арриэтта увидела, что лицо у матери бледное, даже серое, и покрыто пылью.

– Мы в фуре, – сказала она спустя минуту, не в силах удержаться, так ей хотелось выложить новости.

– Да, я знаю, – сказала Арриэтта и умоляюще добавила: – Мамочка, давай лучше помолчим.

Секунду Хомили молчала, затем сказала:

– Он попал папе палкой по спине. Вернее, пониже спины, – добавила она, чтобы успокоить Арриэтту.

– Шш! – снова шепнула Арриэтта.

С того места, где они стояли, почти ничего не было видно, но она догадалась, что Кривой Глаз надевает куртку. Вот он наклонился, и совсем рядом возникла рука, нашаривающая под кроватью кроличьи силки. Женщина все еще была снаружи, у костра.

Через несколько минут, когда глаза Арриэтты привыкли к темноте, она увидела поодаль отца. Он сидел, прислонившись спиной к стене. Арриэтта подползла к нему, Хомили следом за ней.

– Ну вот, мы и снова вместе, – сказал Под, почти не разжимая губ. – И все еще живы, – добавил он, взглянув на Хомили.

Глава восемнадцатая

Волков бояться – в лес не ходить.

Из дневника Арриэтты. 5 ноября

Припав к полу и задержав дыхание, они слушали, как Кривой Глаз отпер дверь, затем снова запер ее на задвижку и тяжело спустился по ступеням.

Все трое молчали.

– Мы остались одни, – заметила наконец Хомили своим обычным голосом. – Я хочу сказать, мы вполне могли бы выбраться отсюда, если бы не кот.

– Шш, – шепнул Под.

Было слышно, как женщина что-то спросила, поддразнивая Кривого Глаза, а когда он пробормотал в ответ несколько слов, разразилась снова тем же издевательским смехом.

– Он знает, что мы здесь, – прошептала Арриэтта, – но она ему не верит.

– И этот кот тоже скоро узнает, что мы здесь, – ответил Под.

Арриэтта задрожала. Должно быть, кот спал на кровати, в то время как она, беззащитная, стояла у двери у него на виду.

Под молчал. Он думал.

– Да, – сказал он наконец, – веселенькая история! Он, верно, вышел вчера вечером проверять силки и – нате вам – нашел потерянный давным-давно ботинок в нашей ямке.

– Мы забыли опустить полог, – шепнула Арриэтта.

– Ты права, – согласился Под.

– И даже не зашнуровали сверху ботинок, – продолжала Арриэтта.

– Да, – сказал Под и вздохнул. – Кто вино любит, тот сам себя губит – так это говорится, да?

– Вроде этого, – ответила Арриэтта шепотом.

Они сидели по пояс в пыли.

– Какая гадость! – заметила Хомили, изо всех сил

удерживаясь, чтобы не чихнуть. – Если бы я делала эту фуру, я бы не оставила здесь щель.

– Ну и слава богу, что ее делал кто-то другой, – сказал Под, в то время как усатая тень загородила им свет: кот наконец увидел их.

– Не впадай в панику, – спокойно добавил Под, – этот рундук доходит почти до самого пола, коту нас не достать.

– Ох! Ох! Ох! – не унималась Хомили, глядя на светящийся зеленый глаз. Под крепко сжал ей руку, чтобы заставить замолчать.

Кот прошел вдоль всего рундука, принюхиваясь к щели, затем вдруг улегся на бок и принялся нежно поглядывать на них. У него был очень дружелюбный вид, словно он хотел выманить их наружу, чтобы поиграть.

Время шло, все оставалось, как было, лишь солнечный луч медленно передвигался по вытертому коврику. Кот, казалось, задремал.

– Что ж, – шепнула Хомили, – а все-таки приятно оказаться под крышей.

Один раз женщина зашла в фуру, взяла из кухонного столика деревянную ложку и сняла с огня чайник. Они слышали, как она ворчит, подкидывая дрова в костер, а один раз порыв ветра занес внутрь едкий дым. Арриэтта не удержалась и чихнула. Кот тут же проснулся и скосил на них глаза.

Ближе к полудню до них стал доноситься аппетитный, дразнящий запах тушеного мяса. Он делался то сильнее, то – когда менялся ветер – слабее.

Арриэтта почувствовала, как у нее потекли слюнки.

– Ой, я так хочу есть... – вздохнула она.

– А я пить, – сказала Хомили.

– А я и есть и пить, – сказал Под. – Но говорить об этом ни к чему, – продолжал он. – Закройте глаза и думайте о чем-нибудь другом.

– Стоит мне закрыть глаза, – запротестовала Хомили, – и я вижу полный наперсток горячего крепкого чая

или вспоминаю о том чайнике, который был у нас дома, том, из желудя, с носиком из пера.

– Что ж, вспоминай о чем хочешь, – сказал Под, – в этом вреда нет, если тебе становится легче...

Наконец вернулся Кривой Глаз. Он отпер дверь и кинул на коврик двух кроликов в силках. Затем они с женщиной поели, сидя снаружи на ступенях фуры, а тарелки ставя на пол вместо стола.

Запах мяса стал просто невыносим. Он выманил наших трех добываек из темного уголка на самый край их убежища. Жестяные тарелки, полные сочного жаркого, были на уровне их глаз, и они могли прекрасно рассмотреть рассыпчатый картофель и пряный соус, которым он был обильно полит.

– Ох! Ох! – пробормотала Хомили. – Это фазан... ну кто его так готовит?!

Один раз Кривой Глаз кинул кусочек на коврик. Они с завистью смотрели, как кот прыгнул и принялся его есть, не спеша, хрустя костями, как настоящий хищник.

– Ох! – снова пробормотала Хомили. – Ну и зубы...

Наконец Кривой Глаз оттолкнул тарелку в сторону. Кот с интересом смотрел на груду полуобглоданных костей, на которых оставались лоскутки нежного мяса. Хомили смотрела туда же: тарелка стояла у самой щели.

– Ты не попробуешь, Под? – шепнула она.

– Нет, – ответил Под так громко и твердо, что кот обернулся и посмотрел на него: одни глаза с вызовом уставились в другие. Кот принялся медленно помахивать хвостом. – Бежим, – выдохнул Под, в то время как кот подобрался для прыжка, и все трое кинулись вглубь, в темноту. Еще секунда – и было бы поздно.

Кривой Глаз быстро обернулся. Не спуская глаз с кота, он позвал женщину и ткнул пальцем в рундук. Они оба опустили головы до уровня пола и стали вглядываться в мрак под рундуком. Арриэтте, сидевшей вместе с родителями у задней стены фуры, казалось, что они смотрят прямо ей в лицо. Быть не может, чтобы их не было видно...

— Все в порядке, — еле слышно прошептал Под. — Спокойно. Главное — не шевелиться.

Наступила тишина... Даже у женщины сделался встревоженный вид: кот, неслышно ступая на мягких лапах, ходил взад-вперед вдоль рундука, то и дело заглядывая в щель, и это разбудило ее любопытство.

— Только не шевелитесь, — снова шепнул Под.

Вдруг на солнечное пятно на коврике упала чья-то тень: Арриэтта с удивлением заметила позади припавших к порогу фургона цыган какую-то фигуру, куда более низкую, чем Кривой Глаз. Замерев между родителями, она разглядела три пуговицы на плисовом жилете в пятнах, а над ними — мальчишеское лицо и копну светлых волос.

— Что случилось? — спросил ломающийся голос.

Арриэтта увидела, что у Кривого Глаза сразу изменилось выражение, стало хмурым и подозрительным. Он медленно обернулся и поглядел на говорившего, но перед этим незаметно протянул руку и отпихнул двух мертвых кроликов в сторонку.

— Что случилось, Кривой Глаз? — снова повторил мальчик. — Похоже, что ты увидел привидение.

Кривой Глаз пожал могучими плечами.

— Может, и так, — сказал он.

Мальчик пригнул голову, оглядел пол; Арриэтта заметила у него в руке ружье.

— А может, это вовсе хорек? — лукаво спросил он

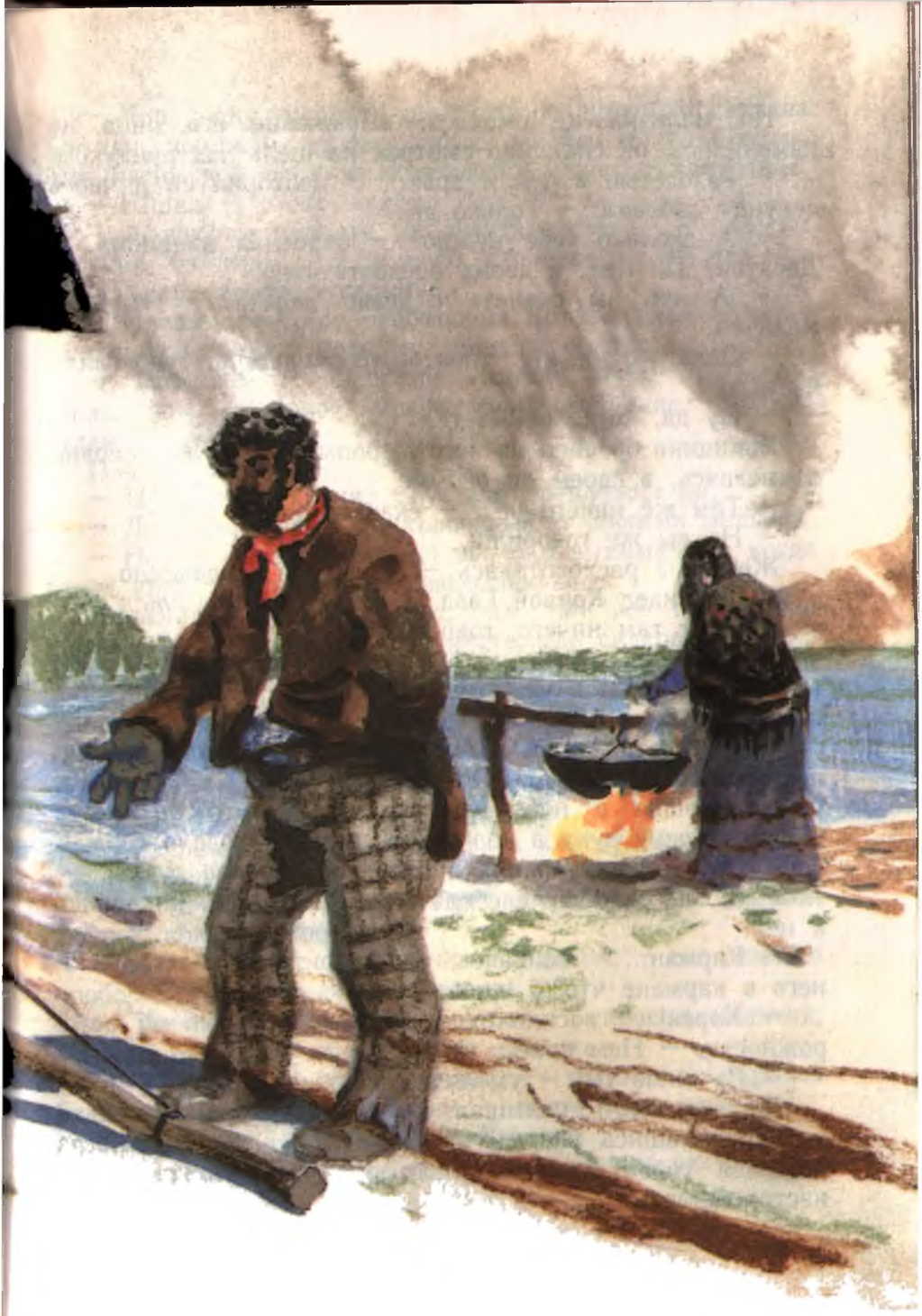
Женщина рассмеялась.

— Хорек! — воскликнула она и засмеялась снова. — Тебе всюду мерещатся хорьки... — Натянув шаль потуже, она пошла к костру. — По-твоему, кот так себя ведет, коли чует хорька?

Мальчик с любопытством смотрел мимо кота в темную щель, прищурив глаза, пытался проникнуть туда взором.

— Да нет, этого я не скажу, — задумчиво заметил он.

— У него там два лилипутика, — продолжала женщина, — так он говорит... разодетые в пух и прах... Вот умора... — И она снова разразилась визгливым смехом.



Но мальчик не смеялся, выражение его лица не изменилось, он спокойно смотрел на щель под рундуком.

– Разодетые в пух и прах... – повторил он и через секунду добавил: – Только два?

– А сколько тебе нужно? – спросила женщина. – Десяток? По мне, и двоих предостаточно.

– А что вы станете с ними делать? – спросил мальчик.

– Делать с ними? – повторила женщина, тупо глядя на него.

– Ну да, когда поймаете?

Женщина бросила на него любопытный взгляд, словно сомневаясь, в своем ли он уме.

– Там же ничего нет, – сказала она.

– Но вы же говорили...

Женщина расхохоталась – сердито и озадаченно.

– Их видел Кривой Глаз, а не я. Ему *кажется,* что видел. Нет там ничего, говорю тебе...

– Еще как видел, – сказал Кривой Глаз. Он растопырил большой и указательный палец. – Вот такого роста. Вроде как маленькая женщина и маленький мужчина.

– Не против, если я посмотрю? – спросил мальчик, поднимаясь по лесенке. Он положил ружье, и Арриэтта, не сводившая с него глаз, заметила, что он сунул украдкой одну руку в карман. У нее похолодело сердце.

– Ой, – шепнула она и схватила отца за рукав.

– В чем дело? – еле слышно сказал Под, наклонясь к ней.

– Карман... – заикаясь, проговорила Арриэтта. – У него в кармане что-то живое.

– Хорек! – воскликнула Хомили, позабыв об осторожности. – Нам конец.

– Да тише ты! – умоляюще произнес Под.

Мальчик что-то услышал; он сел на верхней ступеньке и, наклонившись вперед, заглядывал под рундук. Когда раздался голос Хомили, глаза его расширились, лицо насторожилось.

– Что толку говорить шепотом? – жалобно сказала Хомили, понижая, однако, голос. – Нам конец. Теперь хоть песни пой, хоть во всю глотку кричи – все едино.

– Шшш, – снова шепнул Под.

– А как вы думаете их оттуда достать? – спросил мальчик, не сводя глаз со щели. Его правая рука все еще нащупывала что-то в кармане.

– Проще простого, – объяснил Кривой Глаз, – выну из рундука вещи и подниму дощечки со дна.

– Видишь? – шепнула Хомили чуть ли не с торжеством. – Какое теперь имеет значение, что мы будем делать?

Под сдался.

– Ну, что ж, кричи, – устало предложил он.

– Дощечки, верно, приколочены? – спросил мальчик.

– Нет, – сказал Кривой Глаз, – я вынимал их, когда гонял крыс, и больше не приколачивал.

Мальчик, опустив голову, все так же пристально смотрел под рундук. С того места, где сидела, скорчившись, Арриэтта, она глядела прямо в его глаза, это были голубые глаза, ласковые и задумчивые.

– Скажем, ты поймаешь их, что потом? – продолжал мальчик.

– Что потом? – недоуменно повторил Кривой Глаз.

– Что ты хочешь с ними сделать?

– Сделать с ними? Посадить в клетку. Что еще?

– В какую клетку?

– А в эту. – Кривой Глаз дотронулся до птичьей клетки, клетка качнулась.

– И кормить нас конопляным семенем, – еле слышно пробормотала Хомили.

– Хочешь держать их у себя? – спросил мальчик, все так же не отрывая глаз от рундука.

– У себя! Вот еще! Продам! – воскликнул Кривой Глаз. – И за хорошие деньги... вместе с клеткой.

– Батюшки, – всхлипнула Хомили.

– Спокойно, – прошептал Под. – Лучше клетка, чем хорек.

«Нет, – подумала Арриэтта, – лучше хорек, чем клетка».

– А чем ты их будешь кормить? – спросил мальчик; казалось, он хочет выиграть время

Кривой Глаз снисходительно рассмеялся.

– Да чем попало. Объедками.

– Вы слышали? – негодующе шепнула Хомили.

– Ну, сегодня это был фазан, – напомнил ей Под. Он обрадовался тому, что она рассердилась, гнев придавал ей храбрости.

Теперь и Кривой Глаз забрался в фуру, закрыв полностью солнечный свет.

– Подвинься-ка, – сказал он мальчику, – надо браться за рундук.

Мальчик чуть подвинулся, скорее сделал вид.

– А как быть с котом? – спросил он.

– Верно, – согласился Кривой Глаз. – Лучше выгнать его. Пошли, Тигр...

Но кот оказался таким же упрямым, как мальчик, и полностью разделял его интерес к добывайкам. Ускользнув от Кривого Глаза, он вскочил на кровать, а оттуда (судя по мягким ударам прямо над их головой) перескочил на рундук. Кривой Глаз кинулся за ним – возле самой щели появились две большие ноги, на одной – их собственный милый ботинок с заплатой на носу, которую поставил Под. Казалось невероятным, что в нем нога, да еще такая враждебная им нога.

– Лучше передай его своей хозяйке, пусть подержит, – посоветовал мальчик, когда Кривой Глаз схватил наконец кота, – не то он опять сюда вскочит.

– И не смей, и не думай, – еле слышно простонала Хомили.

Под удивленно взглянул вокруг.

– Кому ты говоришь? – шепотом спросил он.

– Ему... Кривому Глазу... Как только он выйдет из фуры, мальчишка выпустит на нас хорька.

– Послушай... – начал было Под.

– Попомни мои слова, – продолжала Хомили испуганным шепотом. – Теперь я знаю, кто это, – это молодой Том Доброу. Я не раз слышала, как о нем говорили на кухне в старые времена. И я не удивлюсь, если как раз его мы и видели тогда в окне... В тот день, когда убежали из дома. Помнишь? Говорят, он сущий дьявол, почище, чем его хорек...

– Тише, Хомили, – умоляюще сказал Под.

– Зачем? Они все равно знают, что мы здесь. Какая разница для хорька, будем мы сидеть тихо или кричать во весь голос?

Кривой Глаз вдруг чертыхнулся – видно, кот оцарапал его.

– Вынеси его, – сказал опять мальчик, – и скажи, пусть она его держит.

– Чего ты волнуешься, – сказал Кривой Глаз, – можно же закрыть дверь.

– Что толку? – возразил мальчик. – Верхнюю половину не закроешь – будет темно.

На пороге Кривой Глаз приостановился.

– Ничего здесь не трожь, слышишь? – сказал он. И постоял с минуту, прежде чем спуститься. На нижней ступеньке он, видимо, споткнулся: добывайки услышали его ругань. – Чертов ботинок, – донеслось до них, и еще что-то про каблук.

– Что там, все в порядке? – небрежно крикнул мальчик. Ответом ему было проклятье.

– Заткни уши, – шепнула Хомили Арриэтте. – О боже, ты слышала, что он сказал?

– Да, – сказала Арриэтта предупредительно. – Он сказал...

– Ах ты, гадкая, невоспитанная девчонка! – сердито закричала Хомили. – Как тебе не стыдно слушать такие слова!

– Тише, Хомили, – попросил Под.

– Ты знаешь, что там стряслось, Под? – взволнованным шепотом спросила Хомили. – У него отвалился

каблук! Что я говорила тебе там, во рву, когда ты хотел выдернуть все гвозди! – На один момент она позабыла о своих страхах и тихонько засмеялась.

Мальчик, облокотившись на одну руку и по-прежнему не сводя глаз с темной щели между полом и рундуком, незаметно шарил другой у себя в правом кармане. Это был глубокий наружный карман с клапаном, какие всегда бывают на куртках у лесников.

– Ах, батюшки, – вздохнула Хомили, когда Под взял ее за руку.

– Закрой глаза, – сказал Под. – Убегать от хорька бесполезно, но ты ничего не почувствуешь – хорек зверь быстрый, один укус, и все.

Наступила тишина, напряженная, торжественная; ее нарушила Хомили.

– Я старалась быть тебе хорошей женой, Под, – со слезами в голосе проговорила она, послушно зажмурив один глаз и осторожно приоткрыв другой.

– Ты была первоклассной женой, – сказал Под, вглядываясь в мальчика. Против света было плохо видно, но сомнения не было – что-то шевелилось у него в руке, что-то, что он вынул из кармана

– Иногда слишком резкая, – продолжала Хомили.

– Какое это теперь имеет значение? – сказал Под.

– Прости меня, Под, – сказала Хомили.

– Ты ни в чем не виновата, – сказал Под рассеянно.

На ковер упала густая тень – это вернулся Кривой Глаз. За ним в фуру проскользнула женщина, прижимая к себе кота.

Мальчик не вздрогнул и не обернулся.

– Лезьте ко мне в карман, – сказал он ровным голосом, глядя в щель.

– Это еще что? – удивленно спросил Кривой Глаз.

– Лезьте ко мне в карман, – повторил мальчик. – Слышите, что я говорю? – И внезапно поставил на коврик то, что держал в руке.

– Ах, батюшки! – вскричала Хомили, прижимаясь к Поду. – Что это?

И вдруг раскрыла глаза во всю ширь. На коврике стояло живое существо, но только не хорек... для хорька оно было медленным... слишком угловатым... слишком высоким... слишком...

– Спиллер! – раздался ликующий вопль Арриэтты.

– Что? – воскликнула Хомили сердито, она чувствовала себя одураченной, когда вспоминала о своих торжественных «последних словах».

– Это Спиллер! – опять пропела Арриэтта. – Спиллер... Спиллер... Спиллер!

– И до чего же у него смешной вид, – заметила Хомили.

Спиллер и вправду имел забавный вид. Втиснутый в новое, еще не обмятое платье, которое стояло на нем торчком, он больше всего смахивал на сосиску.

– Чего вы ждете? – спросил Спиллер. – Вы слышали, что он сказал? Пошли. Да шевелитесь же!

– Кто он – этот мальчик? – воскликнула Хомили. – Он разве к нам обращается?

– К кому же еще? – отрывисто ответил Спиллер. – Не Кривой же Глаз полезет ему в карман. Пошли...

– В карман! – воскликнула Хомили отчаянным шепотом. Она обернулась к Поду. – Я правильно поняла: молодой Том Доброу хочет, чтобы я, – она дотронулась до груди, – выбежала отсюда на открытое место, забралась по штанине ему на живот и, смирная, как овечка, залезла к нему в карман?

– Не только ты, – объяснил Под, – все мы.

– Он сошел с ума, – заявила Хомили и поджала губы.

– Послушай, Хомили... – начал Под.

– Лучше погибнуть, – заявила Хомили.

– Это то самое, что с тобой и произойдет, – сказал Под.

– Ты помнишь мешочек с прищепками для белья? – напомнила она ему. – Я даже подумать об этом не могу И куда он нас заберет? Ты это мне скажи.

— Откуда я знаю? — воскликнул Под. — Пошли, пошли, Хомили. Делай, что он говорит, ты у меня молодец... Возьми ее за другую руку, Спиллер, надо же ее вывести отсюда... Ты готова, Арриэтта? Ну, тронулись...

И тут все они внезапно оказались снаружи.

Глава девятнадцатая

Смелость города берет.

Из дневника Арриэтты. 13 ноября

Увидев их, женщина завизжала, уронила кота и со всех ног пустилась бежать по направлению к большой дороге. Кривой Глаз совсем потерял голову: он плюхнулся на кровать и задрал ноги в воздух, словно на полу кишмя кишела какая-то нечисть. Кот, встревоженный всем этим переполохом, одним безумным прыжком взлетел на стенной шкафчик, уронив две кружки, фотографию в рамке и ветку с бумажными розами.

Под и Арриэтта незаметно пробрались по складкам штанины до подъема на холм — бедро и дальше, туда, где их уже ждало убежище, но беднягу Спиллера, который толкал и тянул упирающуюся Хомили, пришлось поднять с пола и опустить в карман. На один ужасный момент Хомили, которую Спиллер крепко держал за руку, повисла, болтая ногами, в воздухе. Но тут проворные пальцы мальчика подхватили ее и аккуратно спрятали туда же. Еще секунда — и было бы поздно: Кривой Глаз пришел наконец в себя и внезапно протянул руку, чтобы схватить ее, но, к счастью, промахнулся. («Он отодрал бы нас друг от друга, как два банана», — говорила позднее Хомили. Сидя на дне кармана, она слышала его сердитый крик.)

— У тебя их целых четыре штуки! Больно жирно будет! Так нечестно — отдавай двух первых!

Что произошло потом, они не знали. Им ничего не было видно. Должно быть, началась драка — до них

доносилось тяжелое дыхание, ругань сквозь зубы; карман раскачивался, подпрыгивал и трясся. Затем послышался топот ног, и они поняли, что мальчик убегает, а Кривой Глаз преследует его, громко проклиная свой ботинок без каблука. Крики постепенно становились все слабее, вместо них послышался треск сучьев. Видимо, мальчик пробирался сквозь живую изгородь.

В кармане было тихо, на всех четверых нашло какое-то оцепенение. Наконец Под, втиснутый вниз головой в уголок, выплюнул набившийся в рот пух.

– Как ты там, Хомили? – с трудом проговорил он.

Хомили, зажатая между Арриэттой и Спиллером, не знала, что ответить.

– У меня затекла нога, – пожаловалась она наконец.

– Она не сломана? – встревоженно спросил Под.

– Я ее не чувствую, – сказала Хомили.

– Ты можешь ею пошевелить? – спросил Под.

– Ой! – закричал Спиллер, в то время как Хомили ответила:

– Нет.

– Если вы щиплете ту ногу, – сказал Спиллер, – которую вы не чувствуете, ничего удивительного, что вы не можете ею шевелить.

– Почему? – спросила Хомили.

– Потому что это моя нога, – сказал он.

Шаги мальчика замедлились, похоже было, что он поднимается в гору, немного погодя он сел. В карман опустилась огромная рука. Хомили принялась всхлипывать со страху, но большие пальцы скользнули мимо нее – они нащупывали Спиллера. Мальчик откинул клапан кармана, чтобы заглянуть внутрь.

– Все в порядке, Спиллер? – спросил он.

Спиллер утвердительно пробормотал что-то в ответ.

– Которая из них Хомили? – спросил мальчик.

– Та, шумная, – ответил Спиллер. – Я же говорил.

– У тебя все в порядке, Хомили? – спросил мальчик.

Хомили испуганно молчала.

Большие пальцы снова проскользнули в карман.

Спиллер, уже поднявшийся со дна кармана и стоявший, расставив ноги и прислонившись спиной к вертикальному шву, коротко крикнул:

– Оставь их!

Пальцы неподвижно застыли.

– Я только хотел посмотреть, все ли у них в порядке, – сказал мальчик.

– Все, – сказал Спиллер.

– Мне бы хотелось их вынуть, – продолжал мальчик. – Мне бы хотелось на них взглянуть. – Он пристально всматривался в открытый карман. – Вы там не умерли, нет? – встревоженно спросил он. – Никто из вас не умер?

– Оставь их, – повторил Спиллер. – Здесь внутри тепло, ни к чему вытаскивать их на холод. Ты их еще увидишь, – утешил он мальчика, – и не раз, когда будешь дома.

Пальцы исчезли, добывайки снова очутились в темноте. Карман закачался – мальчик поднялся на ноги. Под, Хомили и Арриэтта покатились в противоположный угол кармана. Там оказалось полно черствых хлебных крошек, твердых как камень.

– Ох! – жалобно воскликнула Хомили.

Арриэтта заметила, что Спиллеру удается держаться на ногах, хотя его и шатает из стороны в сторону. Она догадалась, что Спиллер не впервые путешествует в кармане. Мальчик снова шел, и карман раскачивался в более ровном ритме. «Подожду чуть-чуть, – подумала Арриэтта, – и тоже попытаюсь встать».

Под решил попробовать, что выйдет, если разломать крошку хлеба и сунуть ее в рот. Оказалось, что если ее долго сосать, она постепенно делается мягкой и съедобной.

– Дай и мне, – сказала Хомили, протягивая руку. Она немного ожила и снова почувствовала голод. – Куда он нас несет? – спросила она Спиллера немного погодя.

– На холм по ту сторону леса.

– Туда, где он живет со своим дедушкой?

– Ага, – промычал Спиллер.

– Я мало что слышала о лесниках, – сказала Хомили, – и не знаю, что они могут сделать с... скажем, с обывайкой. Да и об этом мальчишке... Что он собой редставляет? Я вот о чем хочу сказать, – продолжала на тревожно, – у моей свекрови был когда-то дядя, так го держали в жестянке. Проделали в крышке дырки для оздуха и два раза в день кормили через пипетку...

– Нет, этот мальчик не такой, – сказал Спиллер.

– А что такое пипетка? – спросил Под. Он решил, то это какой-то неизвестный ему инструмент.

– А ты помнишь Оггина, двоюродного брата Люпи? – родолжала Хомили. – Ему устроили целое поместье в инковой ванне, что стояла во флигеле. Трава там была, пруд, и все прочее. И сделали ему повозку, чтобы он атался, и дали ящерицу для компании. Но края ванны ыли высокие и скользкие, они знали, что ему оттуда не ыбраться...

– Люпи? – изумленно повторил Спиллер. – Могут ыть на свете двое с таким именем?

– Эта Люпи вышла замуж за моего брата Хендрили, – сказала Хомили. – Ой! – воскликнула она вдруг невероятном волнении. – Неужто ты ее знаешь?

Карман перестал раскачиваться. Раздался металлический звук и скрип отодвигаемой задвижки.

– Еще как знаю, – шепнул Спиллер. – Она-то и ıьет мне зимнюю одежду.

– Тихо, Спиллер, – сказал Под. – Мы прибыли. – Он слышал, как открылась дверь, на него пахнуло кильем.

– Ты знаешь *Люпи?* Нашу Люпи? – настаивала Хомили, даже не заметив, что в кармане стало темней. – Что они делают? И где они живут – она и Хендрири? Мы думали, их съели лисицы, и ее, и Хендрири, и детей...

– Тише, Хомили, – умоляюще повторил Под. Он не

понимал, что происходит: что-то двигалось, с тихим скрипом открывались и закрывались двери, однако мальчик шел так осторожно, что карман совсем не качался.

– Ну же, Спиллер, быстрее, что с ними? – продолжала Хомили, послушно понизив голос. – Ты должен знать. Где они живут?

Спиллер все еще молчал... в полутьме казалось, что на его лице улыбка.

– Они живут... здесь, – сказал он наконец.

Мальчик, судя по всему, опустился на колени. Когда в кармане снова появились огромные пальцы, Хомили громко вскрикнула.

– Успокойся, все в порядке, – шепнул ей Под, в то время как, отпрянув назад, она пыталась зарыться в крошки. – Не теряй головы... когда-нибудь же придется вылезать.

Первым вышел Спиллер, он улетел от них, беспечно усевшись верхом на палец, и даже не потрудился оглянуться. Затем наступила очередь Арриэтты.

– Ах, – причитала Хомили, – куда он ее денет?

Следующей была очередь Пода, но Хомили в последний момент забралась на «борт», уцепившись за большой палец мальчика. У нее даже не успела начаться морская болезнь (больше всего Хомили боялась полета в пустом пространстве), так ловко и бережно они с Подом были поставлены на пол.

На них упал отсвет огня – добывайки стояли возле очага, перед высокой деревянной стенкой (позже они узнали, что это был дровяной ларь), стояли напряженные, сгрудившись в тесную кучку, превозмогая желание бежать куда глаза глядят. Они заметили, что Спиллер исчез.

Мальчик встал на одно колено – чудовищная живая гора над их головой. На опущенном вниз лице играли отблески пламени. Его дыхание доносилось до них, словно порывы ветра.

– Все в порядке, – успокаивал он их, – сейчас все будет в порядке.

Он глядел на них с таким интересом, с каким коллекционер глядит на новоприобретенные образцы. Его рука парила над ними, словно ему не терпелось дотронуться до них, взять каждого в отдельности и как следует рассмотреть.

Под тревожно откашлялся.

– Где Спиллер? – спросил он.

– Он сейчас вернется, – сказал мальчик. Через секунду он добавил: – У меня тут уже есть шесть...

– Шесть... чего? – вскричала Хомили.

– Шесть добываек, – ответил мальчик. – Лучшая коллекция добываек в округе, спорю на что хотите. А мой дед, – добавил он, – ни одного не видел. Зрение у него острое, а вот добываек не видел ни разу за всю жизнь.

Под снова откашлялся.

– А это и не входит в его обязанности, – сказал он.

– Кое-кого из тех, кто тут у меня живет, – мальчик мотнул головой, – я тоже не видел. Боятся. Люди говорят, их вообще нельзя приручить. Дай им хоть все сокровища мира, говорят, они все равно не выйдут, чтобы сказать спасибо.

– Я бы вышла, – сказала Арриэтта.

– Как ты себя ведешь! – оборвала ее Хомили в ужасе.

– И Спиллер тоже, – сказала Арриэтта.

– Спиллер – другое дело, – сказала Хомили, бросая боязливый взгляд на мальчика. Спиллер, верно, был у него хранителем его редкой коллекции, посредником между ним и остальными добывайками. («Интересно, сколько он получает с головы?» – подумала она.)

– А вот и Спиллер, – сказала Арриэтта, глядя на угол дровяного ларя.

Спиллер бесшумно приблизился к ним.

– Она не хочет выходить, – сказал он мальчику.

– О! – воскликнула Хомили. – О ком он говорит – о Люпи?

Никто не ответил. Спиллер стоял молча, глядя на

мальчика. Тот задумчиво хмурился, у него был разочарованный вид. Он снова их оглядел, внимательно обшарил взглядом с ног до головы, словно ему очень не хотелось расставаться с ними. Затем тихонько вздохнул.

– Что ж, отведи их, – сказал он.

Глава двадцатая

Кто ищет, тот всегда найдет.

Из дневника Арриэтты. 20 ноября

Волнуясь и робея, они прошли гуськом под сводами дыры в стенной панели. Внутри был полумрак, как в пещере; место казалось необитаемым, пахло пылью и мышами.

– Ах! – словно не веря своим глазам, разочарованно прошептала Хомили. – Неужто они тут живут? – Она вдруг остановилась и подняла что-то с полу. – Батюшки! – в волнении проговорила она, обращаясь к Поду. – Ты знаешь, что это? – И она помахала у него перед носом каким-то светлым предметом.

– Да, – ответил он. – Это кусок пера для чистки трубок. Положи это, Хомили, и пойдем. Да пошевеливайся. Спиллер нас ждет.

– Это носик нашего чайника из желудя, – не отступалась Хомили, – вот что это такое. Я бы узнала его где угодно, и не спорь со мной. Значит, они действительно здесь... – удивленно бормотала она, в то время как шла вслед за Подом туда, где в еще более густом мраке их дожидались Спиллер и Арриэтта.

– Нам надо подняться, – сказал Спиллер, и Хомили увидела, что он стоит, положив руку на приставную лестницу. Перекладинки уходили в сумрачную высоту далеко над головой. Лестница была сделана из двух половинок расщепленной вдоль тростинки, с перекладинами из спичек, аккуратно приклеенных по бокам наподобие тех подставок, что продаются в цветочных магазинах для

вьющихся растений. Посмотрев наверх, Хомили содрогнулась.

– Я полезу первым, – сказал Под. – Лучше будем подниматься по одному.

Хомили со страхом смотрела вокруг, но вот раздался голос Пода.

– Все в порядке, – шепнул он откуда-то сверху – видеть его она не могла. – Поднимайся.

У Хомили тряслись поджилки, но она стала карабкаться следом и наконец очутилась рядом с Подом на тускло освещенной площадке, похожей на воздушный причал. Когда Хомили ступила на нее, она тихонько скрипнула и закачалась. Внизу была пустота и мрак, впереди – открытая дверь.

– Ах, батюшки, – бормотала Хомили. – Надеюсь, здесь не опасно... не гляди вниз, Арриэтта, – предупредила она дочь, поднимавшуюся третьей.

Но Арриэтта и не собиралась глядеть вниз, ее глаза были устремлены к освещенному проему двери и движущимся теням за ним. Она слышала слабый шум голосов и внезапный взрыв пронзительного смеха.

– Пошли, – сказал Спиллер, проскальзывая мимо нее и направляясь к двери.

Арриэтта на всю жизнь запомнила эту комнату, тепло, чистоту, мерцающий свет свечки и запах горячей домашней еды.

И так много голосов... так много людей...

Постепенно словно из тумана перед ней стали всплывать отдельные лица: верно, это – тетя Люпи... та, что обнимает ее мать. Тетя Люпи, такая кругленькая и румяная, ее мать, такая тощая и перепачканная. Странно, с чего это они обнимаются, и плачут, и жмут руки. Они никогда не любили друг друга, кто этого не знает. Хомили считала Люпи заносчивой, потому что там, в большом доме, Люпи жила в гостиной и переодевалась, как говорили (Арриэтта слышала это собственными ушами), к обеду. А Люпи презирала Хомили за то, что та жила под кухней и неправильно произносила слово «паркет».

А это, конечно, сам дядя Хендрири, хоть борода его и поредела, спрашивает у отца: «Неужто это Арриэтта? Быть того не может». И отец гордо отвечает: «Она самая, собственной персоной». А эти три мальчика, должно быть, и есть двоюродные братцы – имен их она не помнила. Они выросли, но были по-прежнему похожи друг на друга как три капли воды. А эта высокая, худенькая, не то девочка, не то девушка, что застенчиво стоит поодаль с чуть приметной смущенной улыбкой на губах, – настоящая фея. Она кто?

Хомили вскрикнула, увидев ее, и зажала себе рот рукой.

– Эглтина! Не может быть!

Но так оно и было. Арриэтта не могла отвести от нее глаз. Уж не ослышалась ли она? Эглтина, эта давно утерянная двоюродная сестрица, которая в один злосчастный день убежала из подполья и исчезла навсегда? Легендарная Эглтина, чью историю ей рассказывали в назиданье, с тех пор как она себя помнит?.. И вот пожалуйста, она здесь, вместе со всеми, цела и невредима, если только все это не сон.

А вдруг все же сон?

У комнаты, обставленной мебелью из кукольного домика, был удивительно нереальный вид, так как ни

один из предметов меблировки не подходил к другому ни по размеру, ни по форме, ни по цвету. Там были кресла, обитые бархатом и репсом, одни слишком маленькие, чтобы в них уместиться, другие слишком большие. Там были слишком высокие шифоньеры и слишком низкие журнальные столики. Там был игрушечный камин с раскрашенными гипсовыми углями и каминными щипцами, вырезанными вместе с решеткой. Там были два нарисованных окна с резными ламбрекенами и красными атласными занавесями. Из них открывался прекрасный, но также нарисованный вид: из одного – на швейцарские горы, из другого – на лесистое ущелье в Шотландии. («Это Эглтина, ее работа, – похвасталась тетя Люпи светским тоном. – Когда достанем еще занавеси, нарисуем третье – вид на озеро Комо».) Там были торшеры и настольные лампы, отделанные оборками, фестонами и кистями, но освещали комнату скромные, привычные ей свечи, которыми они пользовались и у себя дома.

Все выглядели такими чистыми и аккуратными, что Арриэтта еще больше сконфузилась. Кинув быстрый взгляд на мать и на отца она чуть не сгорела со стыда. Они не стирали одежду уже несколько недель и сами уже несколько дней как не мыли руки и не умывались. У Пода была дыра на колене, волосы Хомили торчали в разные стороны. А тут еще пухленькая тетя Люпи любезно просит Хомили снять свои вещи («будь добра, раздевайся») так, словно, подумала Арриэтта, речь идет о боа из перьев, мантилье и свежевычищенных лайковых перчатках.

Но Хомили, которая раньше, в большом доме, всегда боялась, как бы ее вдруг не застали врасплох в грязном переднике, была на высоте. Она великолепно, как с гордостью заметили Под и Арриэтта, играла роль женщины, подвергшейся невероятным испытаниям, безропотной и стойкой страдалицы. У нее появилась никогда не виданная ими улыбка – бледная, но мужественная; она

даже – для большего правдоподобия – вынула последние две шпильки из пропыленных волос.

– Бедняжка Люпи, – говорила она, утомленно глядя вокруг, – как тут заставлено... Кто тебе помогает убирать? – И, покачнувшись, она упала в кресло.

Все кинулись ей на помощь – чего она и ожидала. Принесли воды и побрызгали ей в лицо. У Хендрири на глазах были слезы.

– Молодчина, она так геройски держалась, – пробормотал он, качая головой, – просто с ума сойти можно, когда подумаешь, что ей пришлось пережить...

Затем они помылись и почистились на скорую руку и, быстренько вытерев глаза, сели вместе со всеми за ужин. Ужинали они на кухне, которая была куда скромнее гостиной, зато тут горел настоящий огонь в прекрасной плите, сделанной из большого черного дверного замка. Угли можно было мешать через скважину, – как красиво она светилась! – а дым (сказали им) по целой системе труб выходил в дымоход.

Длинный белый стол ломился от угощенья. Это была накладка от старинного замка, снятая с двери гостиной, – покрытая белой эмалью и разрисованная незабудками медная пластинка, укрепленная на четырех огрызках карандашей, всунутых в отверстия, где раньше были винты. Острия грифеля чуть возвышались над поверхностью стола. Один из карандашей был чернильный, и их предупредили, чтобы они не дотрагивались до него, не то вымажут руки.

Чего только не было на столе: пироги, пудинги, консервированные фрукты – все приготовленное руками Люпи, а также баранья нога и пирожные из гипса, добытые в кукольном доме. Там стояли три настоящих стакана, чашки из желудя и два графина зеленого стекла.

Вопросы – ответы, расспросы – рассказы

У Арриэтты закружилась голова. Наконец ей стало ясно, почему их прихода ожидали: Спиллер, оказывается, обнаружил, что пещера пуста – ни ботинка, ни его

битателей, – собрал их немногочисленные пожитки, рибежал сюда и рассказал обо всем Тому. При поминании об этом молодом человеке Люпи чуть не делалось дурно, пришлось ей выйти из-за стола. Она ела на хрупкий позолоченный стульчик, поставив его в роеме между кухней и гостиной, чтобы освежиться, как на сказала, и принялась обмахивать круглое красное ицо жаворонковым пером.

– Мама всегда так, стоит заговорить о человеках, – бъяснил ее старший сын. – Он уже почти взрослый! Вот тут-то, говорят, они и становятся опасными.

– Люпи права, – подтвердил Под. – Я и сам им не оверяю.

– Ну как ты можешь так, папа? – вскричала Арриэтта. – Ведь он вырвал нас прямо из когтей смерти!

– Вырвал вас? – взвизгнула Люпи с порога комнаты, – ты хочешь сказать – *своими собственными руками?*

Хомили беспечно рассмеялась, со скучающим видом оня косточку от малины по скользкой тарелке.

– Естественно... – Она пожала плечами. – Что в том такого?

– Ох, какой ужас! – еле слышно произнесла Люпи. – Бедняжка... только подумать! Если вы не возражаете, я, пожалуй, пойду на минутку прилягу... – И она подняла вое увесистое тело со стульчика, который покачнулся и уть не упал.

– Где вы раздобыли всю эту мебель, Хендрири? – просила Хомили, сразу взбодрившись, стоило Люпи уйти.

– Ее нам принесли, – ответил ей брат, – в простой белой наволочке. Из большого дома.

– Из нашего? – спросил Под.

– Скорее всего да, – сказал Хендрири. – Все это стояло в кукольном домике, помнишь? В классной комнате на втором этаже. На верхней полке шкафа с игрушками справа от двери.

– Еще бы не помнить, – сказала Хомили, – притом

что часть этой мебели моя. Жаль, – заметила она, обращаясь к Арриэтте, – что мы не захватили инвентарного списка, – она понизила голос, – того, что ты сделала на промокашке.

Арриэтта кивнула – ей было ясно, что впереди их ждут бои. Она вдруг почувствовала страшную усталость, слишком много все говорят, и слишком жарко, ведь комната набита битком.

– Принесли? Кто? – с удивлением спрашивал Под. – Кто-нибудь из человеков?

– Так мы считаем, – ответил Хендрири. – Наволочка лежала на земле на той стороне живой изгороди. Это было вскоре после того, как нас выгнали из барсучьей норы и мы поселились в старой плите...

– В плите? – повторил за ним Под. – Неужели в той, у выгона?

– Именно, – сказал Хендрири. – Прожили там два года в общей сложности.

– Слишком близко к цыганам, на мой вкус, – сказал Под. Он отрезал себе толстый ломоть горячего вареного каштана и густо намазал его маслом. Ему вдруг пришла на память кучка хрупких костей на земле у плиты.

– Приходится быть близко к человекам, по вкусу это нам или нет, – возразил Хендрири, – если хочешь что-нибудь добыть.

Под, уже поднесший бутерброд ко рту, отодвинул руку в сторону, у него был удивленный вид.

– Ты добывал в цыганских фурах? – воскликнул он. – В твоем возрасте?

Хендрири пожал плечами и скромно промолчал.

– Ну и ну! – восхищенно воскликнула Хомили. – Вот какой у меня брат! Ты понимаешь, что это значит, Под?..

– Еще бы! – ответил Под, поднимая голову. – А как же с дымом?

– У нас не было дыма, – сказал Хендрири, – его никогда не бывает, когда готовишь на газе.

– На газе? – воскликнула Хомили.

– Ага. Мы добываем его из газопровода, который идет вдоль насыпи. Плита ведь, ты помнишь, лежит на боку. Мы вырыли через дымоход туннель, целых шесть недель копали. Но дело того стоило, шутка сказать – три газовых горелки!

– А как вы их зажигали и гасили? – спросил Под.

– А никак... как зажгли, так и не тушили. Они до сих пор горят.

– Вы что, бываете там?

Хендрири зевнул и покачал головой (они наелись до отвала, а в комнате было жарко).

– Там живет Спиллер, – сказал он.

– О! – воскликнула Хомили. – Вот, значит, как он готовит! Мог бы и рассказать нам, – она обиженно оглянулась, – или по крайней мере пригласить нас в...

– Только не пригласить, – сказал Хендрири. – Как говорится, пуганая ворона куста боится.

– Не понимаю, – сказала Хомили.

– После того как мы ушли из барсучьей норы... – начал Хендрири и вдруг замялся. Вид у него был слегка смущенный, хоть он по-прежнему улыбался. – Ну, словом, плита была одним из его убежищ, он пригласил нас туда перекусить и отдохнуть, а мы прожили два года.

– После того как добрались до газа, ты хочешь сказать? – спросил Под.

– Ага, – ответил Хендрири. – Мы готовили, а Спиллер добывал.

– А-а-а... – протянул Под. – Спиллер добывал? Теперь понятно... Нам с тобой, Хендрири, надо смотреть правде в глаза – мы уже не так молоды, как прежде. Далеко не так.

– А где сейчас Спиллер? – вдруг спросила Арриэтта.

– Ушел, – неопределенно ответил Хендрири; он нахмурился и принялся постукивать по столу, чтобы скрыть неловкость, оловянной ложкой. («Одной из моей полудюжины, – сердито подумала Хомили, – интересно, много ли их осталось».)

– Куда ушел? – спросила Арриэтта.

– Домой, наверно, – ответил Хендрири.

– Но мы же еще не поблагодарили его! – вскричала Арриэтта. – Спиллер спас нам жизнь.

Хендрири снова повеселел.

– Выпей капельку ежевичного ликера, – предложил он Поду. – Люпи сама его делала. Это нас подбодрит...

– Я – нет, – твердо сказала Хомили, прежде чем Под успел ответить. – К добру это не приведет, мы убедились на собственном опыте.

– Но что Спиллер о нас подумает? – не отступалась Арриэтта, чуть не плача. – Мы даже его не поблагодарили.

Хендрири удивленно взглянул на нее.

– Спиллер терпеть не может, когда его благодарят. Не волнуйся, все в порядке... – И он похлопал Арриэтту по руке

– А почему он не остался к ужину?

– Никогда не остается, – сказал Хендрири. – Не любит большую компанию. Приготовит что-нибудь сам себе.

– Где?

– В той плите.

– Но это же так далеко отсюда!

– Для Спиллера такое расстояние – ничто... Он привык. Часть пути проплывет.

– И ведь уже, наверно, темнеет, – горестно продолжала Арриэтта.

– Полно, о Спиллере тревожиться нечего, – сказал ей дядя. – Кончай свой пирог...

Арриэтта опустила глаза на тарелку (из розовой пластмассы, она помнила этот сервиз); у нее почему-то пропал аппетит. Она взглянула на Хендрири.

– А когда он вернется? – спросила она тревожно.

– Он не часто сюда приходит. Раз в год – за новой одеждой. Или по специальному поручению Тома.

Арриэтта задумалась

— Ему, должно быть, одиноко, — заметила она наконец робко.

— Спиллеру? Нет, я бы этого не сказал. Некоторые добывайки такие с рождения. Одиночки. Иногда они попадаются среди нас. — Он взглянул через комнату туда, где, выйдя из-за стола, сидела у огня Эглтина. — Эглтина тоже из них... Жаль, но что поделаешь? Им никого не надо — подавай лишь человеков. Прямо с ума по ним сходят, как поглядишь...

Когда, отдохнув немного, в кухню вернулась Люпи, все началось снова: расспросы — рассказы, вопросы — ответы... Арриэтте было нетрудно незаметно выскользнуть из-за стола. Но даже в соседней комнате ей все еще было слышно, как они обсуждали, где устроятся вновь прибывшие, говорили что-то насчет квартиры наверху, рассказывали о ловушках, которые подстерегают добываек в новой жизни, и о созданных ими правилах, чтобы их избегать (например, о том, что на ночь лестницы-стремянки втягиваются наверх, но всегда остаются на месте, если кто-нибудь ушел добывать), о том, что мальчики по очереди ходят учиться ремеслу, но женщины по традиции остаются дома. Арриэтта услышала, как в ответ на предложение Люпи пользоваться кухней, Хомили говорит:

— Спасибо, Люпи, ты очень любезна, но лучше начать с самого начала так, как будет потом, — совсем отдельно. Ты согласна?

Все по-прежнему, подумала Арриэтта, садясь в твердое кресло. Хотя не все, теперь они не в подполье, теперь они даже выше пола, за дранкой и штукатуркой. Вместо коридоров у них будут стремянки, и, может быть, площадки послужат ей вместо окна.

Арриэтта окинула взглядом комнату, набитую разнокалиберной мебелью: как жалко и глупо она выглядела — все напоказ, почти ничего для употребления. Искусственные угли в камине казались совсем бесцветными, словно Люпи слишком часто терла их щеткой, а нарисованные виды в «окнах» были захватаны пальцами по краям.

Арриэтта вышла на тускло освещенную площадку. Всюду была пыль, лежали тени, точно она попала за кулисы в театре (только Арриэтта не могла об этом знать). Она заметила, что лестница спущена – знак, что кто-то вышел из дому, однако сейчас вернее было сказать: ушел. «Бедный Спиллер... Одиночка... так назвали его. Может быть, – подумала Арриэтта, – и я такая?» И ей стало жалко не только Спиллера, но и себя.

Внизу, на дне пропасти под ее ногами, Арриэтта заметила слабый свет. С каждой минутой он сильнее и сильнее манил ее к себе. Арриэтта взялась руками за лестницу и поставила ногу на первую перекладину. Сердце гулко билось у нее в груди. «Если я не сделаю этого сейчас, – с отчаянием думала она, – в этот первый вечер, возможно, в будущем я никогда больше не отважусь». В доме тети Люпи было слишком много правил, слишком много народу, в комнатах было слишком темно и тепло. «Возможно, это чем-нибудь вознаграждается, – думала Арриэтта, в то время как она перекладина за перекладиной спускалась вниз, не в силах унять дрожь в коленях, – но я должна сама найти чем».

Вскоре Арриэтта уже стояла в пыльной передней. Она оглянулась по сторонам, затем с замиранием сердца посмотрела наверх. Увидела очертания первых ступенек стремянки на светлом фоне и неровный край площадки. У нее вдруг закружилась голова, стало страшно: вдруг, не зная, что она внизу, кто-нибудь втащит стремянку наверх?

Теперь она видела, что тусклый свет идет из дыры в деревянной панели. Дровяной ларь почему-то не был придвинут вплотную к стене, она сможет там пролезть. Вот бы еще разок взглянуть на комнату, где несколько часов назад Том поставил их на пол... познакомиться, пусть мимолетно, с этим человечьим обиталищем, которое теперь будет составлять для нее весь мир.

Арриэтта подкралась к сводчатому отверстию. Кругом была тишина. Дровяной ларь не доходил до стены на

полтора дюйма. Такой крошке, как она, ничего не стоит выскользнуть наружу и протиснуться между стенкой ларя и деревянной панелью. Конечно, это страшновато: вдруг кто-нибудь из человеков решит поставить ларь на место и придвинет его вплотную к стене. «Меня тут же раздавят, – подумала Арриэтта, – и когда-нибудь, много лет спустя, найдут прилипшую к стенке, как диковинный, засушенный между листами книги цветок». Поэтому она почти бежала по узкому проходу и, добравшись до угла ларя, сделала шаг наружу на каменную плиту перед очагом.

Арриэтта окинула взглядом комнату. Увидела балки на потолке, ножки резного деревянного кресла и низ его сиденья. Увидела зажженную свечу на деревянном столе, а на полу у одной из его ножек – кучку звериных шкурок. «А, вот откуда у Спиллера зимняя одежда», – подумала она.

На столе неподалеку от свечи на куске материи лежал другой мех – светло-желтый и более жесткий. В то время как Арриэтта разглядывала его, мех зашевелился. Что это? Кошка? Лисица? Арриэтта замерла на месте, как ни хотелось ей убежать. Да, теперь у нее не оставалось сомнений: мех шевелился, он перекатился из стороны в сторону и вдруг взлетел вверх.

Арриэтта судорожно глотнула воздух – чуть слышный звук. Однако он был услышан.

Из-под копны волос на нее глядело сонное, освещенное свечой лицо. Оба молчали. Наконец уголки огромного рта поднялись вверх – мальчик улыбался. Он казался таким юным и совсем безвредным со сна. Рука, на которую он положил голову, свободно свисала со стола, и с того места, где она стояла, Арриэтта заметила, что пальцы его были расслаблены. Где-то над ее головой тикали часы, ровно горела свеча, освещая мирную комнату, в очаге слегка потрескивали угли, падая на решетку.

– Привет! – сказала Арриэтта.

– Привет! – сказал Том.

· ДОМ ·